

**ПЕРМСКИЙ
КРАЙ**

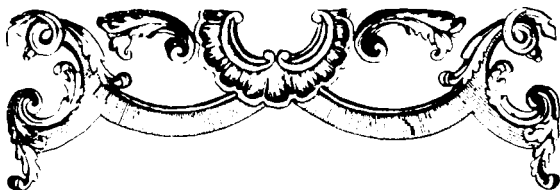
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Откуда есть пошла...

«Пермь тиха, безмятежна...»

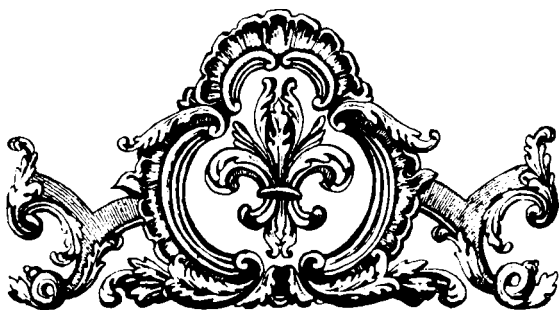
Пермь в именах и биографиях

Хранители времени

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

СТАРАЯ ПЕРМЬ
(1723~1917)

Знаете ли вы старую Пермь? Не многие ответят утвердительно, даже если давно живут в этом городе и постоянно ходят по знакомым улицам. В суете буден мы очень часто так небрежны, невнимательны, безразличны. А ведь каждый дом на старинной улице — наша история. Каждый переулок, счастливо избежавший перепланировки, хранит память о живших тут когда-то знаменитых и незначимых людях — наших земляках. А то, что мы знаем — отрывочные сведения, разрозненные факты, торопливая газетная информация, — мы не способны собрать в единую историческую цепь. Может быть, это удалось авторам очередного сборника «Пермский край»? Все они — члены городского клуба краеведов и много лет пишут историю родного города.

Составитель Т. И. Быстрых

Редакционная коллегия:

С. А. Торопов | Л. В. Баньковский,
В. П. Ардашев, Л. С. Кашихин,
С. Ф. Николаев

На форзаце: Рождество-Богородицкая церковь, второе каменное здание Перми. Построена по инициативе и на средства городского головы В. Г. Лаптева. Освящена 23 декабря 1789 г. Первоначально именовалась церковью во имя Владимирской Богородицы. В 1816 г. завершен придел верхнего этажа. Он освящен во имя Рождества Богородицы, что изменило и название церкви. Добраивалась в 1830—1840-х гг.; в 1870 — 1880-х гг. проведен ремонт и обновлена живопись. Таким образом, строительство церкви продолжалось около 50 лет. Фото из личного архива Л. В. Перескокова.

П 4106000000—28 4—92
M152(03)—92

ISBN 5-7625-0279-1

© Т. И. Быстрых, сост., 1992

К читателям

Перед вами — очередной сборник «Пермский край». Задумывая его, авторы, члены клуба «Пермский краевед», ставили перед собой цель: открыть для читателей новые, неизвестные страницы в истории Перми и дать возможность краеведам вынести на суд читателей результаты труда, зачастую многолетнего, за которыми стоят кропотливая, целенаправленная работа в архивах и случайные счастливые находки; дальние поездки, встречи и долгие мучительные раздумья; анализ событий, происшедших много лет назад, и внезапные озарения — одним словом, все то, что и составляет увлекательный мир краеведческого поиска.

Соблюдая сложившиеся уже традиции сборников «Пермский край», составители попытались внести и нечто новое. Так появились публикации извлечений из трудов крупнейших краеведов, историков Перми Д. Д. Смышляева и В. С. Верхованцева. Их исследования, ставшие настольными книгами для любого начинающего краеведа, тем не менее не знакомы широкому кругу читателей, так как не переиздавались после 1917 года. Мы намерены в следующих выпусках продолжить эту работу.

Введены в оборот не публиковавшиеся ранее архивные документы.

Состоится знакомство читателей с совершенно новыми именами замечательных пермяков. Наряду с этим публикуются статьи, посвященные нашим знаменитым землякам, содержащие новые сведения о их судьбах либо впервые приводящие в систему уже известные факты.

Думается, привлекут внимание статьи полемического характера, сопоставление различных мнений, спорные, но небезосновательные точки зрения на различные события в истории Перми.

Мы считали необходимым как можно больше писать о белых пятнах в истории нашего края, направляя таким образом поисковую работу начинающих краеведов.

По-видимому, найдут отклик в сердцах читателей и бесхитростные воспоминания старожилков. Разве не интересно взглянуть на обыденную жизнь города, скажем, в начале этого века глазами рядового пермяка? Ощутить ее неспешное течение, атмосферу спокойного, основательного, ладно устроенного пермского быта. Кстати сказать, отчего это во всех воспоминаниях о жизни дореволюционной Перми огромное место занимает Кама? Большая река, на которой стоит город, притягивает к себе, во многом определяет ритм, стиль городской жизни. Что-то потеряли мы все, утратив это трогательное, бережно-ревнивое отношение к нашей Каме.

И, наконец, справочный аппарат, помещенный в «Приложениях» к сборнику, безусловно обогатит его содержание, дополнит его и привлечет к нему читателей, нуждающихся в этих сведениях постоянно, в силу профессиональной необходимости. Здесь и план города Перми; и перечень старых и современных названий пермских улиц — своего рода, переводная таблица; и список правителей города, и многое другое.

Надеемся, что знакомство с очередным выпуском «Пермского края» привлечет в ряды неспокойного и неутомимого племени краеведов новых людей, навсегда заразившихся стремлением во всем дойти до самой сути.

Хронограф

Б. Н. Назаровский

Некоторые вопросы истории города

А. И. Ревтов

Егошиха и Первогород

ОТКУДА
ЕСТЬ
ПОШЛА...

Начиналось с Егошихи

ХРОНОГРАФ. 1723—1781

1723

4 мая*. У речки Егошихи, при впадении ее в реку Каму, заложен казенный Егошихинский медеплавильный завод и заводской поселок Егошиха (Ягошиха, Ягушиха) с крепостью при нем. Это сделано по указанию Петра I выдающимся строителем уральских горных заводов генерал-лейтенантом В. И. Генниным при участии виднейшего организатора уральской промышленности капитана В. Н. Татищева. В 1720—1722 и 1734—1737 гг. Василий Никитич Татищев, а в 1722—1734 гг. Виллим Иванович Геннин (де Геннин Георг Вильгельм, голландец по происхождению) управляли казенными горными заводами Урала.

Строительными работами руководили «школьник» (по-видимому, выпускник Московской артиллерийской школы), шихтмейстер Дмитрий Одинцов и плотинный мастер Федор Михайлов. В возведении завода участвовал пленный шведский офицер Юхан Берглин. Рабочей силой были государственные крестьяне приписанных к заводу «сел Кыласовского и Комарово с деревнями, в которых мужеска пола душ 735», и солдаты Тобольского полка.

* Все даты приведены по старому стилю.

Они возвели плотину длиной 26 сажен, 6 плавильных печей, рудные амбары, угольный сарай и другие постройки. Строительство завода было завершено в январе 1724 г. Уже в ноябре 1723 г. под руководством саксонского плавильного мастера Циммермана и мехового мастера Анатолия Бортникова проведена первая опытная плавка, которая оказалась успешной.

Руда (медистый песчаник) доставлялась в основном с речки Верхней Мулянки, притока Камы, из-под с. Кояново, а также с речки Юг, притока Бабки. Рудники здесь были обследованы В. Н. Татищевым еще в первый приезд его на Урал — в 1720 г. В поисках руд активно участвовало местное население.

«...Местность, в которой возник Егошихинский завод, задолго до его создания была заселена коми-пермяками, татарами, башкирами и русскими крестьянами. К концу XVII в. здесь находилось более 30 русских поселений, в том числе одно в устье Егошихи». По переписи П. К. Елизарова (1647), это был двухдворовый починок — выселок из села Верхние Муллы. В одном из дворов жил Сергейко Брюханов с семьей, сын верхнемуллинского пищальника. По переписи Ф. Ф. Бельского (1678), в устье Егошихи находилась уже деревня из семи дворов.

В первые годы существования заводской поселок Егошиха относился к Соль-Камской провинции Сибирской губернии. В 1728 г. Соль-Камская провинция передана в состав Казанской губернии и переименована в Пермскую. В 1737 г. центр Пермской провинции переведен из Соликамска в Кунгур (Де Геннин. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. — М., 1937. — С. 565—579; 250 лет Перми: Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». — Пермь, 1973. — С. 55—56, 81—82; Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. — Пермь, 1886. — С. 31).

1724

Апр. Управитель Уральских казенных горных заводов Геннин сообщил государю: «Медный завод на Ягожихе в ходу... и уже слишком 200 пуд. меди выплавлено» (Степанов М. Н. Егошиха — первоначальное ядро города Перми — Молотова // На Западном Урале: Краеведческий сб. — Молотов, 1956. — С. 43—52).

1726

Проведена первая ревизия населения в Егошихе. Кроме казенных мастеровых, солдат, рекрутов и приписных крестьян, принудительно переселенных на завод, здесь работали и вольные (пришлые) люди. В Егошихе было 226 пришлых людей (учитывались только мужчины). Они жили на правах государственных крестьян — отрабатывали на заводе подушный оклад. Из пришлых 10 человек были определены в горные ученики и 8 — в плавильные. К концу 1725 г. пришлые крестьяне построили при заводе поселок в 50 дворов (250 лет Перми. — С. 43—44).

12 нояб. В заводском селении Егошиха освящена деревянная церковь во имя апостолов Петра и Павла. Была заложена в 1724 г. (Сапожников Г. Ф. Материалы для первоначальной истории города Перми // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. — Пермь, 1862. — С. 15—24).

1730

Маркшейдер Михаил Кутузов, автор большинства рисунков в рукописи В. И. Геннина об уральских заводах (1735), приехал в Егошиху «для сочинения чертежей». Исполнил «Прошпект плавильных печей Егошихинского завода» (Серебряников Н. Н. Урал в изобразительном искусстве. — Пермь, 1959. — С. 127—128).

1734

Созданное Генниным в 1724 г. при Пыскорском медеплавильном заводе (село Пыскор на Верхней Каме) для руководства горнозаводской промышленностью Перми Великой Пермское нижнее горное начальство (бергамт) переведено в Егошиху. Ему, кроме Егошихинского завода, подчинялись также казенные заводы Мотовилихинский, Висимский и Юговские Верхний и Нижний. Одновременно Пермский бергамт контролировал деятельность многочисленных частных медеплавильных заводов (Степанов М. Н. Указ. ст. — С. 46).

1735

По распоряжению В. Н. Татищева, поборника подготовки грамотных работников для заводов, открыта в Его-

шихе словесная и арифметическая школа. В ней дети мастеровых и работных людей, приписных крестьян учились читать и писать, приобретали знания по арифметике, геометрии и тригонометрии. В 1737 г. обучалось 33 ученика. В 1742 г. школа была передана Пермскому нижнему горному начальству (Степанов М. Н. Указ. ст. — С. 46).

1747

Проведена вторая ревизия населения в Егошихе. Вместе с женщинами оно составило, по-видимому, свыше тысячи человек (250 лет Перми. — С. 44—46). Третья ревизия состоялась в 1763 г.

1759

20 июня. Опустошительный пожар: «Все почти жительство было истреблено, одна только осталась церковь и несколько поблизости ее домов» (Сапожников Г. Ф. Указ. соч. — С. 17).

Императрица Елизавета Петровна «пожаловала» канцлеру графу М. И. Воронцову в его «расточительные руки» четыре медеплавильных завода края: Егошихинский, Мотовилихинский, Висимский и Пыскорский с рудниками, лесами, запасами добытых руд и заготовленного топлива, с мастеровыми людьми и приписными крестьянами (Иофан Л. Е. Города Урала.—М., 1951. — Ч. 1. — С. 132).

1764

Закончено начатое в 1757 г. строительство первого в Егошихе каменного здания — Петропавловской церкви. Редкий памятник русского провинциального барокко, однако в нем не утрачены и традиционные черты русского зодчества.

Здание собора сохранилось до наших дней, но в сильно измененном виде: несколько раз частично перестраивалось, разобрана колокольня и т. д. В 1991 г. собор возвращен верующим (Памятники истории и культуры Пермской области. — Пермь, 1976. — С. 80).

1773

В Егошихе и Мотовилихе побывал путешественник, этнограф, академик Петербургской Академии наук Иоганн Готлиб Георги (1729—1802). Один из участников академических экспедиций 1768—1774 гг., он отметил,

что Егошиха — горный городок, а Мотовилиха — горная деревня (250 лет Перми. — С. 130).

Егошиху посетил ученик шведского естествоиспытателя Карла Линнея, ботаник по специальности, академик Иоганн Петер Фальк. Маршрут его отряда проходил через Екатеринбург — Кунгур — Егошиху. Ученый уделил значительное внимание изучению Южного и Среднего Урала и Приуралья (250 лет Перми. — С. 42).

1778

Авг. — сент. После событий крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева царское правительство настойчиво решало проблему дальнейшего укрепления своей власти на местах. В частности, была взята ставка на разукрупнение губерний, особенно тех, которые значительны по территории.

Казанский губернатор князь П. С. Мещерский получил от Екатерины II поручение объехать Пермскую провинцию Казанской губернии с целью выбора места под город — центр будущего Пермского наместничества.

Вместе с коллегами П. С. Мещерский всесторонне познакомился с Соликамском, съездил в Чердынь, в другие места обширной провинции. Губернатор остановился на поселке Егошихинского завода. Привлекло его выгодное географическое положение (Дмитриев А. А. Указ. соч. — С. 32).

1780

7 мая. Указом Екатерины II Выборгский губернатор генерал-поручик Е. П. Кашкин назначен пермским и тобольским наместником. Вскоре он выехал на Урал для «устроения наместничества». Все лето шло строительство у Петропавловского собора: строили здания для наместника, губернатора, присутственных мест, гауптвахты. В короткие сроки поднялся двухэтажный губернаторский дом со службами, гауптвахта была сооружена для военного караула. Одновременно была прорублена просека для дороги на Оханск. К сожалению, пожар 1842 г. уничтожил постройки у Петропавловского собора (250 лет Перми. — С. 32).

26 нояб. Указ Екатерины II, в котором говорилось: «Уважая выгодность положения Егошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского

города... город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный город Пермь»* (Полн. собр. законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 20. 1775—1780. — С. 1014—1015).

1781

27 янв. Указом Екатерины II учреждено Пермское наместничество. В него вошли Пермская провинция Казанской губернии, западные районы Сибирской губернии, некоторые районы Оренбургской губернии и горнозаводские территории, бывшие до этого на особом положении. Наместничество заняло территорию в 290 тыс. кв. км, которая по своим размерам превзошла многие западно-европейские государства.

В наместничестве были образованы две области: Пермская (центр г. Пермь) и Екатеринбургская (центр г. Екатеринбург). Их разделил Главный Уральский хребет.

В Пермской области было учреждено 8 уездов: Пермский, Красноуфимский, Кунгурский, Обвинский, Осинский, Оханский, Соликамский и Чердынский. Обвинский уезд появился в бассейне реки Язвы, притока Обвы. Его центр — село Обвинское (Язвенское) — стал городом Обвинском. Небезынтересно отметить: город Обвинск явился родиной декабриста В. И. Штейнгеля (1783—1862).

В Екатеринбургской области было учреждено тоже 8 уездов: Екатеринбургский, Алапаевский, Верхотурский, Далматовский, Ирбитский, Камышловский, Челябинский и Шадринский.

Уже вскоре стало ясно, что такое многочисленное административное устройство (наместничество — область — уезд) громоздко. Первоначальный план административного устройства территории пришлось изменить (Полн. собр. законов Российской империи. — Т. 21. 1781—1783. — С. 21—22).

18 окт. На богослужении в Петропавловском соборе

* Попыток расшифровать слово «Пермь» было много. Теперь исследователи считают: название Пермь восходит к финско-карельскому *Päry maa*, что значит «Дальняя земля» / Кривошекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? — Пермь, 1973. — С. 83—88; Матвеев А. К. Географические названия Урала. — Свердловск, 1980. — С. 201—202.

в присутствии пермского и тобольского генерал-губернатора генерал-поручика Е. П. Кашкина, пермского губернатора генерал-майора И. В. Ламба и гостей, под звон колоколов и пальбу из пушек епископ Вятский и Великопермский Лаврентий открыл торжества, посвященные рождению Пермского наместничества и города Перми.

Литургию совершил протоиерей собора Антоний с духовенством церковей ближних сел. Служба шла при участии специально приехавшего из Соликамска хора певчих. После литургии и благодарственного молебна был крестный ход на Соборной площади. Затем чиновников пригласили к столу в палаты, а для «простолюдинов» накрыли столы непосредственно на площади.

Торжества длились три дня. Каждый день устраивалось угощение, выставлялись бочонки с вином.

Пермским городским головой на первый срок (1781—1784) был избран кунгурский купец 2-й гильдии М. А. Попов (Дмитриев А. А. Указ. соч. — С. 32—36).

Подготовил С. Ф. Николаев

От Елошихи до Перми

Статьи, предлагаемые читателю в этом разделе, носят откровенно полемический характер. Авторы убедительно доказывают свою правоту, приводя множество фактов, цитат, ссылок на архивные документы и труды ученых-историков.

Б. Н. Назаровский — журналист. А. И. Реутов — географ. Что заставляло этих людей, далеких от исторической науки, вновь и вновь браться за перо, призывая нас отложить все дела и вместе с ними задуматься о том, как же проходило становление Перми? Думается, ответ прост: они любили свой город.

Впервые опубликованная статья Б. Н. Назаровского позволяет живо ощутить горячий накал дискуссии, будоражившей город в 1972—1973 гг. Откуда есть пошла Пермь? Быть или не быть 250-летнему юбилею города? Участвовали в споре, кажется, все пермяки. Но основное сражение велось на страницах местной печати крупнейшими авторитетными, уважаемыми историками Ф. С. Горовым и П. И. Хитровым и журналистом Б. Н. Назаровским.

Несмотря на эмоциональные перехлесты в предлагаемой статье, становится ясно: в дискуссии не было ни правых, ни виноватых. Юбилей состоялся, но спор так и не закончен. Вопрос остался открытым.

Нас возвращает к нему статья А. И. Реутова. Что счи-

тать Первогородом? Где она зародилась, наша Пермь? И опять — цифры, факты, авторитетные источники. И еще горечь: страшно подумать, сколько мы потеряли за эти годы, прошедшие после юбилейного 1973-го! Сумеет ли сохранить остальное?

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГОРОДА

Доктор исторических наук, профессор Пермского государственного университета Федор Семенович Горовой* поразил нас, пермяков, своим открытием.

До сей поры все мы считали, что город Пермь является потомком по прямой линии поселка Егошихинского медеплавильного завода, что в 1780—1781 гг. этот поселок был преобразован, или переименован, или возведен в ранг губернского города с присвоением ему наименования Пермь (по имени территории, которой он призван был управлять) или что город Пермь был назначен, учрежден в поселке Егошихинского завода.

Так утверждали летописцы Перми — Гавриил Сапожников и Федор Афанасьевич Прядильщиков. Так писали местные историки Дмитрий Дмитриевич Смышляев, Александр Алексеевич Дмитриев, Владимир Степанович Верхованцев. Это утверждал и Наркис Константинович Чупин в обстоятельной статье о Егошихинском заводе в своем «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии».

Во всех изданиях советского времени говорилось то же самое, причем многие стали подчеркивать, что поселок Егошихинского завода по социально-экономическому

●
* Горовой Федор Семенович (1916—1973), доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР. С 1945 г. преподаватель, а затем ректор Пермского госуниверситета. Автор большого количества работ по истории Урала. Основная тема его научных изысканий — классовая борьба на Урале в 50—60-х годах XIX в., отмена крепостного права. В круг его научных интересов входили также вопросы истории гражданской войны, коллективизации уральской деревни, истории Пермской партийной организации и многие другие. Под его руководством была подготовлена и издана двухтомная «История Урала».

существо своему уже был городом, получившим в 1780—1781 гг. официальное признание и функции административного центра огромного Пермского наместничества.

Еще совсем недавно в двухтомной «Истории Урала», вышедшей под общей редакцией проф. Горового, мы читали: «Крупным событием второй половины XVIII в. было создание из поселка Егошихинского завода города Перми как административного центра...», «Центром Пермского наместничества стал поселок Егошихинского завода, преобразованный в город»*.

И вдруг проф. Горовой стал утверждать нечто совсем иное: «...Никакого переименования Егошихи в Пермь на практике не было...», «...Появился совершенно новый по форме и по содержанию населенный пункт — губернский город Пермь», «Город Пермь, как свидетельствуют факты, зарождался не на территории Егошихинского завода или существовавшего при нем селения, а по заранее утвержденному плану, рядом с ним». И никакого наследства не передала Егошихинская слобода городу Перми. Даже население ее исчезло неизвестно куда, потому что проф. Горовой нашел среди жителей Перми только две семьи «выходцев из Егошихинского завода» в 1795 г. и только семь семей — в 1807 г. «Из этих данных, — пишет профессор, — напрашивается вполне обоснованный вывод о том, что бывшие егошихинские жители не оказали, да и не могли оказать по своей малочисленности, какого-либо серьезного влияния на формирование городских сословий губернского города». И почтенный ученый делает категорическое заключение: «Как мы видим, легенда о Егошихе как первоначальном ядре города Перми противоречит фактам»**.

Какие разыскал проф. Горовой новые документы, позволившие ему развеять чуть ли не 200 лет бытующую в серьезных работах «легенду», какие карты, планы, записи свидетелей событий, ранее ускользавшие от взора исследователей, разыскал он в архивах?

Этот вопрос возникает вполне естественно, тем более

* История Урала. — Пермь, 1963. — Т. 1. — С. 126, 152.

** Горовой Ф. С. О дате основания города Перми // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — Пермь, 1971. — С. 110, 115, 116, 121.

что статья Ф. С. Горового «О дате основания города Перми», содержащая изложенное выше открытие ученого, опубликована в «Уральском археографическом ежегоднике», научном издании, призванном публиковать материалы по истории Урала, способствовать выявлению источников этой истории, разрабатывать проблемы вспомогательных исторических дисциплин, которые обеспечивают выводам историков прочную базу фактов.

И тут читатель делает — на этот раз сам — еще одно открытие: ровным счетом никаких новых документов проф. Горовой не обнаружил и в научный оборот не вводил. Его ломающие традиционный взгляд утверждения есть результат не кропотливой работы в архивах, а внезапно сошедшего на ученого озарения, его смелости и...

Воздержимся произносить слово, которое просится за союзом «и», предоставим подыскать его самим читателям этих заметок.

Обратимся к аргументам, которыми оперирует проф. Горовой. Рассмотрение их многое прояснит.

Первая профессорская операция

Первый аргумент состоит в том, что в летописях Перми и в законодательных актах о Егoшихинском заводе пишется якобы лишь как о географическом ориентире, определяющем положение нового города. Проф. Горовой признает, что первый летописец Перми, современник учреждения губернского города Гавриил Сапожников «упоминает» (по выражению профессора) о постройке Егoшихинского завода, однако, как он, Горовой, считает, «никак не связывает это событие с началом города Перми». Летопись говорит лишь «о местности, где был открыт губернский город». И это, по проф. Горовому, соответствует указу Екатерины II генерал-губернатору Пермского наместничества Е. П. Кашкину об учреждении губернского города. Он цитирует указ: «Уважая выгодность положения Егoшихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города... предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный Пермь». «Обращаем внимание на то, — заключает проф. Горовой, — что в указе речь идет о «выгодности положения» и «месте»

размещения Егошихи, т. е. исключительно о географическом факторе...» *.

Мы сразу же должны внести уточнения и поправки.

Гавриил Сапожников, иерей Петропавловского собора, начал писать свою летопись в 1788 г., через восемь лет после «назначения» губернского города. Он не просто упоминает в ней о постройке Егошихинского завода, а начинает летопись с этой записи под 1723 г., что вполне естественно, ибо через два года здесь была построена церковь во имя Петра и Павла, преобразованная в 1781 г. в собор. Большая часть сделанных рукою самого Сапожникова записей относится к этой церкви и заводскому поселку. Затем уже Сапожников пишет, что императрица «повелела сие место переименовать губернским городом Пермью и открыть в нем наместничество» **.

Сопоставление изложения, которое дает летописным записям Сапожникова проф. Горовой, с самими записями обнаруживает тенденциозные неточности в его статье.

Гавриил Сапожников писал о месте, а не о местности, а это не одно и то же. Он писал: «Сие место», говоря до этого о поселке Егошихинского завода, а не о его окрестностях.

Наконец, Сапожников говорил о переименовании места, а не о наименовании его, переименовать же можно лишь то, что имело уже имя.

Так понимал и изображал события современник-летописец. Проф. Горовой пытается увести нас в сторону от этого понимания и вместе с тем в сторону от Егошихи.

С указом Екатерины II он обращается совсем бесцеремонно. Он цитирует указ 26 ноября 1780 г. «О назначении места для учреждения губернского города Пермского наместничества и наименовании оного Пермью». Профессор неправильно датирует этот указ 20 ноября, повторяя описку А. А. Дмитриева, по книге которого «Очерки из истории губернского города Перми» он, по видимому, этим указом пользовался, хотя и сослался на «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года». Но это не столь существенно. В книге Дмитриева

* Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 107, 114.

** Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год: Материалы для первоначальной истории г. Перми. — Пермь, 1862. — С. 18.

указ приведен полностью. А проф. Горовой ограничился приведенной нами выше цитатой, в которой сделал столь своеобразный пропуск, что это заставляет нас затруднить читателя ознакомлением с полным текстом указа. Он обращен к назначенному уже пермским и тобольским генерал-губернатором Кашкину: «Уважая выгодность положения Егошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города, мы повелели действительному тайному советнику и генерал-прокурору князю Вяземскому согласиться с владельцами того завода об уступке оного в казну, коя весьма немалый долг на нем имеет. И как от нее некоторых в том заводе участников объявлено уже полное на то согласие, то мы через сие предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный город Пермь; и вследствие того в нем основать уже все строения, кои на первое время, и особливо при случае открытия управления по учреждениям нашим, нужны будут для помещения присутственных мест»*.

Полный текст указа свидетельствует, что проф. Горовой, цитируя его, опустил не второстепенности, а существенные, но разрушающие его концепцию положения. Он вообще нигде не сказал, что учреждение губернского города Перми было связано с изъятием Егошихинского завода из частных рук, в которые он попал в конце 50-х годов, обратно в казну.

Если во внимание принималось только выгодное географическое положение Егошихинского завода и он рассматривался лишь как некий ориентир, зачем было изымать его строения и земли в казну? Ведь город, «совершенно новый и по форме, и по содержанию населенный пункт», можно было строить и несколько ниже по Каме — у устья реки Данилихи, а то и Нижней Мулянки, или выше — непосредственно вблизи от устья Чусовой.

Проф. Горовой упорно считает (или делает вид, что считает?), будто под словом «место», которое употреблено в указе императрицы и в летописи Сапожникова, можно разуместь только пространство, ничем не занятое пространство, «местность», как он передает это слово, излагая летопись Сапожникова.

* Полн. собр. законов Российской империи с 1649 года. — Т. 20. — С. 1014—1015.

При прочтении полного текста указа, препарированного Ф. С. Горовым, становится ясно, что под «местом» в нем разумелось не пустое пространство рядом с поселком Егошихинского завода, а именно этот самый поселок. Императрица не предписывала генерал-губернатору закладывать и строить новый город, а лишь «назначить» его «в сем месте» и в нем «основать уже все строения, кои на первое время... нужны будут для помещения присутственных мест».

Впрочем, для того, чтобы рассеять все сомнения, можно обратиться к документам, предшествовавшим указу 26 ноября 1780 г.

7 мая 1780 г. Екатерина II назначила генерал-поручика Евгения Петровича Кашкина, исполнявшего должность выборгского губернатора, генерал-губернатором пермским и тобольским. Центр Тобольского наместничества был несомненен — город Тобольск. В отношении центра Пермского наместничества и Пермской области, по-видимому, были еще колебания. Того же 7 мая императрица дала сенату указ, в котором Кашкину предлагалось «объехать места, назначенные к составлению сего наместничества», рассмотреть вопросы его устройства и сделать свое представление*.

25 сентября уже из Екатеринбурга Кашкин отправил Екатерине II донесение. «...По всемилостивейшему дозволению Вашего императорского величества представить всеподданнейшее мое донесение о избрании места к назначению губернского города в Пермском наместничестве, — писал Кашкин, — осмелюсь донести, что, объехав всю Пермскую область, наиудобнейшим местом нахожу Ягошихинскую слободу...»

Именно так и написано: наиудобнейшим местом нахожу Егошихинскую слободу. Место — слобода.

Е. П. Кашкин мотивировал свой выбор: «Положение ее почти в самой середине Пермской области и на берегу реки Камы, двенадцать верст по течению оной ниже, где река Чусовая падение свое в Каму имеет: а потому все отправляемые металлы из сибирских заводов на судах, как и соль, сверху Камы от соляных промыслов отпускаемая, сию слободу миновать не могут. Главное прави-

* Полн. собр. законов Российской империи с 1649 года. — Т. 20. — С. 936—937.

тельство всей земли, будучи в сем месте, имеет совершенный способ надзирать и споспешествовать во всех сих отправлениях».

Генерал-губернатор приводил и другие мотивы: большая часть уездных городов, назначаемых в Пермской области, а также город Екатеринбург, главный во второй области, имеют сообщение водою с этим местом — Егошихинской слободой; сюда легко получать лес и камень для необходимого в наместничестве строительства, а также соль и вино для запасных магазинов, которые оно должно иметь. Большая дорога из Казани в Сибирь проходит всего в восьми верстах от Егошихинской слободы, и ее легко проложить и через «сие место». Кашкин давал и обобщенную характеристику Егошихинской слободы, оценивал возможности превращения ее в крупный город, административный центр обширного наместничества. Он писал: «Сия слобода сделалась по своему положению главною пристанью на реке Каме потому, что купечество, привозя на оную свои товары сухим путем из Сибири, нагружают оные на суда и отправляют реками Камою и Волгою до Макарьева монастыря, на ежегодно бываемую там ярмарку, где, свой товар продавши и закупа потребный для пермских и сибирских городов, возвращаются водою до сей пристани, откуда по разным местам сухим путем развозят. Оборот сей торговли и близость разных медеплавильных заводов служили поводом как в торгах, так и в промышленности руд обращающемуся купечеству, мещанству и крестьянству из разных городов и уездов в сей слободе поселиться и выстроить посад преимущественнее против городов, в здешнем краю находящихся, и когда по высочайшей апробации вашего императорского величества сие место будет наименовано губернским городом, то с совершенною вероятностью предугадать можно, что в короткое время наполнится жителями из разных мест и будет подобно прочим внутри России предпочитаемым городом»*.

А проф. Горовой, не заглянув в архивные документы, которые хранятся буквально под рукой у него — в государственном архиве Пермской области, — утверждает, будто Егошиха фигурировала лишь как географический

* Государственный архив Пермской области (в дальнейшем ГАПО), ф. 316, оп. 1, д. 15, л. 15—16 об.

ориентир, что речь совсем не шла «об общем уровне развития завода и поселка, способных принять на себя миссию родоначальника губернского центра»*.

Ни у кого из современников не возникало и тени сомнения в том, что поселок Егошихинского завода был переименован в город Пермь, преобразован в губернский административный центр.

Весьма компетентный участник событий (в эти годы основной докладчик и секретарь императрицы) граф Александр Андреевич Безбородко, препровождая 27 ноября 1780 г. Е. П. Кашкину именной указ Екатерины II от 26 ноября о назначении места для учреждения губернского города Перми, в своем письме сообщал: «Между прочим, государыня отозвалась, что ежели дорога Большая Сибирская лежит близко от Ягошихи, то не худо было бы провести ее на сей новый губернский город»**. Вчитайтесь в эту фразу: Егошиха здесь названа новым губернским городом.

Спустимся на другой конец административной лестницы — в канцелярию пермского городничего. Отвечая в конце 1781 г. на «вопросные пункты» учрежденной при Академии наук комиссии для составления подробного описания Российского государства, городническое правление писало: «Губернский город Пермь, составленный по открытию Пермского наместничества из казенного Ягошихинского завода...»***.

Такое же определение города можно найти в «Краткой ведомости состояния Пермского наместничества по окончательному оного расположению, то есть по сделанию границ», разработанной в наместническом правлении: «Город Пермь, вновь учиненный из государственной приписной слободы Ягошихинской, где и завод того названия»****.

К открытию Пермского наместничества в Пермь приехал епископ Вятский и Великопермский Лаврентий, весьма просвещенный, по утверждениям современников, иерарх. В его указе о возведении заводской Петропавловской церкви в ранг собора написано: «По указу ее импе-

* Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 114.

** ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 15, л. 17.

*** Там же, д. 23, л. 90.

**** Там же, д. 1, л. 171 об.

раторского величества... повелено селу Ягошихинскому быть губернским городом Пермского наместничества, наименовав оный городом Пермию» *.

Взглянем на Пермь глазами проезжавшего через этот город в 1782 г. так же хорошо грамотного человека профессора Н. Я. Озерецковского, сопровождавшего графа А. Г. Бобринского (внебрачного сына Екатерины II и Г. Г. Орлова). Он писал И. И. Бецкому: «Августа 26 числа приехали мы в Пермь. Новоучрежденный город сей сохраняет еще вид той слободы, из которой он родился и которая Ягошихою называлась» **.

Число таких свидетельств легко можно умножить. Но и приведенных достаточно, чтобы подтвердить необоснованность утверждения проф. Горовой, будто город Пермь создавался лишь рядом с Егошихинской слободой.

Указов об учреждении городов в селах, слободах, посадах, крепостях в XVIII в. было издано множество, и указ 26 ноября 1780 г. не представляет не только исключения, а и какого-либо своеобразия. Под словом «город» в официальных документах XVIII в. часто разумелась система положенных ему как административному центру учреждений, а не населенный пункт с определенным составом жителей. Это следовало бы учитывать доктору исторических наук.

Что праздновалось 18 октября 1781 г.?

В своей статье проф. Горовой отводит большое место торжествам «открытия города Перми», которые были в условиях Урала «буквально грандиозными», в чем он видит веское подтверждение своего вывода, что «дату 18 октября 1781 г. нужно считать датой основания города Перми» ***. Ф. С. Горовой ссылается при этом на статью А. Г. Кашина «Открытие города Перми и Пермской губернии», опубликованную в 1864 г. в «Пермских губернских ведомостях» и снабженную подзаголовком «Из рассказа очевидца».

Однако кто очевидец? Александр Григорьевич Кашин

* Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. — Пермь, 1889. — С. 43.

** Русский архив. — 1876. — Кн. 3. — № 9. — С. 41.

*** Уральский археологический ежегодник за 1970 год. — С. 115.

написал статью в начале 60-х годов XIX в., и сам он в момент «открытия города» на свет еще не появился. Свидетелем был его отец, привезенный на торжества в Перми из Соликамска в составе хора певчих*. Рассказ отца в статье А. Г. Кашина никак не выделен, а основывается и на других материалах.

Город Пермь был назначен в слободе Егошихинского завода одним государственным актом: именованным указом, данным генерал-поручику Кашкину 26 ноября 1780 г. А наместничество образовано другим государственным актом: именованным, данным Сенату указом 27 января 1781 г. «Об учреждении Пермского наместничества из двух областей Пермской и Екатеринбургской с разделением оных на уезды».

Торжества в середине октября 1781 г. происходили в городе Перми по случаю осуществления второго повеления императрицы. Так понимали и формулировали суть события люди, стоявшие к нему ближе, чем А. Г. Кашин.

Соликамский летописец-современник под 1781 г. записал: «Октября 18 числа в показанном губернском городе Перми открытие было наместничества. Церемония церковная имела быть тако...»**.

Первый пермский летописец Гавриил Сапожников, составившись на повеление императрицы, данное 27 января 1781 г., открыть наместничество, продолжал: «...которое того же года октября 18 дня и открыто»***.

В Усольской летописи Ф. А. Волегова под 1781 г. записано: «Октября 18. Происходило в Перми открытие наместничества»****.

Существование официального описания подтверждает другой документ — донесение генерал-губернатора Кашкина императрице, посланное 20 октября. Кашкин писал,

* По странному недоразумению, Ф. С. Горовой пишет, что дед А. Г. Кашина был в составе хора на торжествах. Не дед, а отец, о чем ясно говорит А. Г. Кашин. Дед его — Яков Афанасьевич — сопровождал в 1778 г. князя П. С. Мещерского в его поездке по Прикамью (Перм. губ. ведомости. — 1864. — 17 апр. — № 16).

** Соликамские летописи / Издал преподаватель Пермской гимназии А. А. Дмитриев. — Пермь, 1884. — С. 39.

*** Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. — Пермь, 1862. — С. 18.

**** Усольская летопись Ф. А. Волегова / Издал преподаватель Пермской гимназии Александр Дмитриев. — Пермь, 1882. — С. 15.

что во исполнение указа 27 января 1781 г. он начал 12-го и завершил 18 октября «открытие в губернском городе присутственных мест, а именно: правления, палат казенной, уголовной, гражданской, приказа общественного призрения, совестного суда, верхней земского суда, губернского магистрата, верхней расправы и уездного суда. Каким же порядком сие знаменитое постановление происходило, подношу при сем журнал» *. Можно предположить, что таким журналом и был «Обряд открытия Пермского наместничества...».

В ответном письме императрицы Кашкину говорилось: «...Я получила с особливым удовольствием донесение ваше о благополучном открытии Пермского наместничества...» О городе ни слова. То же самое и в принятом по рапорту Кашкина 19 ноября 1781 г. сенатском указе «Об открытии Пермского наместничества».

Значит ли все сказанное, что торжества 12—18 октября 1781 г. не имели к городу отношения, что они не занимают в его истории видного места? Ни в коем случае! Торжества происходили в городе Перми, и именно после них Пермь стала вполне реально губернским городом.

Однако порядок и суть торжеств, насколько их можно восстановить по источникам, которые игнорировал Ф. С. Горовой (статью А. Г. Кашина признать источником трудно), показывают, что они не были торжествами открытия нового, построенного рядом со старым поселком города, в чем пытается убедить нас профессор.

Вторая операция

Не считаясь ни с чем, профессор идет напролом. «Что особенно показательно, — пишет Ф. С. Горовой, развивая свой тезис, будто бы город Пермь создавался рядом с поселком Егошихинского завода. — Даже после провозглашения губернского города Перми его земли были отделены от земель доживавшего последние годы Егошихинского завода. Даже спустя 16 лет после его закрытия строения и земли завода не считались городскими. Только указом 18 июля 1804 г. «Об отдаче казенного Егошихинского завода в пользу города Перми» «повелено» было «предоставить оный со всеми принадлежащими к нему строе-

* ГАПО, д. 316, оп. 1, д. 15, л. 39—39 об.

ниями и землю в пользу города Перми... для устройства в нем заведений, какие выгоднейшими для городских доходов признаны будут» *.

Опять пропуск в цитате! Он настораживает и побуждает прочесть указ полностью. Он дан Александром I на имя министра финансов графа А. А. Васильева. «Граф Алексей Андреевич! Министр внутренних дел представил мне донесение пермского гражданского губернатора тайного советника Модераха и мнение Берг-коллегии, от вас представленное, о состоянии казенного Егошихинского медного завода. Видя из сведений сих, что завод сей, по именению руд, остается с 1788 г. без всякого действия и не может быть более годен для горного производства, повелеваем, согласно представления пермского гражданского губернатора, предоставить оный со всем принадлежащим к нему строением и землю в пользу города Перми, в черте коего он находится, для устройства в нем заведений, какие выгоднейшими для городских доходов признаны будут. Пребываем к вам благосклонны» **.

Пропущенные проф. Горовым и выделенные нами слова указа говорят прямо противоположное тому, что профессор утверждает. Егошихинский завод находился в черте города Перми.

Это подтверждают и многие другие документы. Приведем один. Городническое правление, отвечая на известные уже нам «вопросные пункты» комиссии, учрежденной Академией наук, на вопрос: «Какие есть заводы или фабрики в городах или уездах оных...» в конце 1781 г. ответило: «Город Пермь внутри себя имеет один только медеплавильный казенный завод, поставленный внизу рва на речке Ягошихе...» ***.

О чем же шла речь в указе 18 июля 1804 г.? О передаче закрытого казенного завода из горного ведомства, входившего в Министерство финансов, пермским городским властям, — говоря современным языком, из союзного в местное подчинение.

В делах Пермской городской думы сохранились документы о приемке ею Егошихинского завода. Вот и все.

* Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 116.

** Полн. собр. законов Российской империи с 1649 года. — Т. 28. — С. 424.

*** ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 23, л. 91.

Нигде и намека на то, что город принимал находившуюся за его пределами территорию.

А проф. Горовой, препарировав указ и игнорируя другие документы (мы назвали только часть их), пытается убедить читателей, что завод до 1804 г. в черту города не входил. Негодные приемы!

Где же строился губернский город Пермь?

«...Новый губернский центр строился как отдельный населенный пункт по «высочайше» утвержденному плану западнее Егошихинского завода на территории, до того времени покрытой густым лесом»*, — утверждает проф. Горовой, ссылаясь на летопись Ф. А. Прядильщикова и статью А. Г. Кашина, а также на замечания А. А. Дмитриева и В. С. Верхоланцева.

Приходится рассмотреть и этот аргумент.

Ф. А. Прядильщиков не был свидетелем основания губернского города, он создавал свою летопись шестьюдесятью годами позже. Верно, у него сказано, что в продолжении лета 1781 г. производилась постройка «огромных казенных зданий» (заметим — деревянных) и что «дома эти, сообразно высочайше утвержденному городскому плану, расположены вокруг площади, перед соборною церковью св. апостолов Петра и Павла»**.

А. А. Дмитриев, приводя эту запись, считает нужным уточнить: «Правильнее было бы сказать: заканчивались постройки, начатые в 1780 г.»***.

Тут возникает недоумение. Если постройка казенных зданий началась, и даже с размахом, летом 1780 г., то как она могла вестись по «высочайше» утвержденному плану — императрица еще не утвердила и места губернского города? К тому же группа этих зданий возводилась на площади около Петропавловской церкви, где был заводской дом (контора завода и квартира управителя), в поселке Егошихинского завода, а не в густом лесу.

* Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 116.

** Летопись губернского города Перми Федора Афанасьевича Прядильщикова // Календарь Пермской губернии на 1884 год. — Пермь, 1883. — С. 6.

*** Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. — С. 37.

Из старых построек, кроме гостиного двора, Петропавловского собора и Егошихинского завода, на плане 1783 г. показаны и здания присутственных мест, и квартиры высших чиновников. Но... обозначены они пунктиром. Почему? В легенде сказано: «В пунктирных линиях построенные на время дома генерал-губернатору, губернатору, вице-губернатору и гауптвахты». Итак, здания эти, бывшие деревянными, рассматривались как временные и все не возводились по заранее составленному и «высочайше» утвержденному плану, как уверяет проф. Горовой.

На утвержденном императрицей 16 января 1784 г. плане города группа каменных зданий, как будто бы предположенных для высших чиновников и присутственных мест, намечена в большем, чем раньше, удалении от Петропавловского собора. Однако в легенде относительно казенных домов говорилось: «...не соизволит ли ваше императорское величество всевысочайше повелеть сочинить и к высочайшей конфирмации представить в должности генерал-губернатора». Словом, планы этих строений предоставлялось уточнить генерал-губернатору.

В государственном архиве Пермской области сохранился также «Генеральный план назначенному в губернском городе Пермь каменному строению».

Эти планы делают совершенно несомненным, что губернский город Пермь ни одного года не существовал рядом со слободой Егошихинского завода, что он был учрежден и строился на обжитом месте. О названных здесь планах писали М. Н. Степанов, А. С. Терехин, Г. С. Ларькин, Ю. А. Власов. Зачем же их игнорировать, как это делает Ф. С. Горовой?

Исчезло ли население Егошихи?

Как же с населением Егошихинской слободы? Куда оно при этих обстоятельствах строительства губернского города исчезло? Напомним, что, по утверждению Ф. С. Горового, которое приведено в начале этих заметок, в Перми в 1795 г. оказалось лишь две семьи «выходцев из Егошихинского завода», и даже в 1807 г., когда, согласно профессору, закрытый завод с его поселком вошел в городскую черту, таких семей насчитывалось только семь.

Ф. С. Горового не волнует вопрос о таинственном ис-

чезновении жителей большого поселка. Нас он тревожит. Впрочем, тревога длится недолго. Это исчезновение — дело рук профессора. И, в отличие от профессоров-хирургов и от других мастеров своего дела, произвел он эту операцию далеко не чисто.

Сноски к странным цифрам Ф. С. Горовой не дает. Но население Перми он характеризует по данным Д. Д. Смышляева, ссылаясь до этого на с. 17 и 18 его «Сборника статей о Пермской губернии». Заглянем сюда и мы. Читаем: «Из ревизских сказок, уцелевших частью в городском архиве, видно, что из 65 семей по ревизии 1795 г. отмечены: 2 из крестьян Ягошихинского завода, 9 из чердынских мещан, 2 из чердынских крестьян» и т. д.*.

У Смышляева сказано ясно: в городском архиве уцелела только часть ревизских сказок, а именно 65. У Горового получается, что в городе жило лишь 65 подлежащих ревизии (относившихся к податным сословиям) семейств. Если принять во внимание, что число домов в городе к 1800 г. достигло 940**, можно сказать, что уцелела одна десятая или одна восьмая часть ревизских сказок.

Исследователями (прежде других А. С. Черкасовой) выявлены в государственном архиве Пермской области документы, позволяющие судить о населении Перми в первые месяцы ее существования в качестве официального города. Это:

1) «Список, учиненный города Перми живущим всякого звания людям и сколько покоев, также сколько скота имеют». Он составлен между 6 октября и 14 ноября 1781 г. для размещения на постой прибывающих в связи с открытием наместничества военных и гражданских чинов. В основных графах — данные о хозяевах, последняя графа названа «Кто квартирует» и заполнена явно позже другими чернилами.

2) «Список губернского города Перми с показанием о всех живущих по домам хозяев, разного рода жителей и служащих в службе чинов, их срочных обоего пола

* Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 17—18.

** Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года. — Пермь, 1801. — Л. 65 об.

работников и собственных людей и о прочем». Он представлен при рапорте коменданта города 4 июля 1782 г. Этот список отличает большая, по сравнению с первым, полнота и точность данных*.

В список, датированный 14 ноября 1781 г., занесено 364 дома и показаны жителями 792 мужчины и 888 женщин, всего 1680 человек. В это число не включены определенные на постой военные и гражданские чины.

Не станет же Ф. С. Горовой утверждать, что 364 дома построены за короткий срок для прибывающих в Пермь чиновников. Это частные дома. В списке о домовладельцах говорится: «заводской служитель», «крестьянин», «кунгурский купец», «соликамский мещанин», просто «житель». Ни одного чиновника среди домовладельцев нет. Они в графе определенных на постой.

Списки жителей города 1781 и 1782 гг. не оставляют ничего от нелепой выдумки, будто бы губернский город Пермь был построен как город чиновников рядом со старым заводским поселком, пестрое, питающееся большей частью у торговли и транспорта население которого потом испарилось неизвестно почему и каким образом.

Особо о купцах

С особой настойчивостью Ф. С. Горовой подчеркивает, что Егошиха не имела купцов и ремесленников, между тем как «наличие в населенном пункте в период перехода от феодализма к капитализму купечества, ремесел и торговли, т. е. элементов будущего капиталистического города, является неременным условием признания этого пункта городом». Проф. Горовой утверждает: «Никаких данных о наличии в Егошихе более или менее значительной прослойки купцов и ремесленников летописцы не приводят. В литературе и источниках они не обнаружены»**.

Поселок Егошихинского завода официально признанным городом не являлся. Здесь не могло быть своих купеческих гильдий и ремесленных цехов. Но это вовсе не значит, что здесь не могли жить и не жили купцы, ре-

* Оба списка: ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 31, л. 23—44 (список на 14 нояб. 1781 г.) и л. 59—113 (список на 4 июля 1782 г.).

** Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 117, 119.

месленники, подрядчики, мелкие торговцы. Егошиха, как и другие горнозаводские поселки, представляла для них несомненные удобства. Действовал таможенный устав 1755 г. Согласно ему, русские купцы имели право торговать внутри страны беспошлинно.

Однако купцы одного города, приезжая в другой, могли продавать свои товары только оптом: закон охранял интересы купеческих гильдий каждого города. Крестьянам по этим же соображениям разрешалось торговать только в селах и в деревнях, находящихся не ближе 5 верст к городу, и даже свои продукты продавать в городах лишь до определенного часа.

Егошиха к числу официальных городов не относилась, но была крупным по тем временам поселением и стояла на бойком месте. Купцы и крестьяне, занимавшиеся торговлей и подрядами, селились здесь охотно.

Обратимся к свидетельствам об этом, ускользнувшим от проф. Горового.

В 1772 и 1773 гг. в Егошихе побывали два ученых-путешественника — академики Фальк и Георги.

И. П. Фальк в записках своего путешествия сообщил, что в заводском поселении жило около 1600 человек, и утверждал: «В сем числе находилось много купцов и ремесленников» *.

И. Г. Георги записал: «Егошиха — настоящий горный городок... На рынке до 100 торговых лавок, где нет недостатка ни в каких более требуемых товарах... Жители, за исключением немногих заводских людей, суть крестьяне и купцы. Последние занимаются торговлей и в довольно отдаленных верхних камских и чусовских заводах и селениях» **.

Семью годами позже, в связи с предстоящим созданием Пермского наместничества, находившаяся в Кунгуре Пермская провинциальная канцелярия составила ведомость о количестве и занятиях населения провинции. В ней Егошиха выделялась как крупный торговый центр.

О купцах, служивших первые 15 лет городскими го-

* Полн. собр. ученых путешествий по России, издаваемое императорскою Академиею наук. — СПб., 1824. — Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. — С. 283.

** Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. — Пермь, 1873. — С. 464.

ловами в Перми, можно с полной уверенностью сказать, что они жили в Егошихинской слободе еще до создания наместничества. Есть документ, подтверждающий сказанное. Это рапорт губернатора Ламба генерал-губернатору Кашкину о желающих записаться в мещанство, в цехи и в купечество по городу Перми. Он подан 17 сентября 1781 г., т. е. еще до открытия всех положенных в губернском городе учреждений. В сопровождающем рапорт реестре перечисляются доношения (заявления), поданные «от живущих в городе Перми и торгующих разных купцов», желающих перейти в купеческие гильдии. Здесь можно прочесть: «кунгурский купец Михайло Попов с братом своим родным», «кунгурский купец Федор Быков», «кунгурский купец третьей гильдии Емельян Калашников», «города Чердыни купец третьей гильдии Проконий Удников», «города Соликамска купец второй гильдии Василий Герасимов сын Лапин»*. Это купцы, занимавшие первые пять трехлетьей должность городского головы.

В отличие от Ф. С. Горового, государева наместника Кашкина мало беспокоили купцы. Он, похоже, вообще не думал о «переходе от феодализма к капитализму» и больше заботился о том, чтобы в аппарате власти, создаваемом в наместничестве, командные посты были заняты дворянами. А дворян в Егошихе — Перми не было совсем. Да и в Пермской области и Пермском наместничестве — раз, два и обчелся. Крупные землевладельцы — Строгановы, Голицыны, Шаховские, Всеволожские, Лазаревы — жили в столицах. На торжества открытия наместничества прибыли граф Александр Сергеевич и барон Александр Николаевич Строгановы. Но это и все, они и заняли во время церемонии места, «обществу дворянскому по уставленному обряду принадлежащие»**. Остальные дворяне, участвовавшие в торжествах, находились при должностях в составе учреждений. Поэтому без всяких выборов заполнили предназначенные для дворян места приезжими отставными офицерами, которых Кашкин предусмотрительно навербовал.

Таким образом, не в купцах и мещанах, а в местных дворянах ощущался недостаток при оформлении аппа-

* ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 39, л. 3 об. — 4.

** Там же, д. 24, л. 5, 5 об. — 6.

рата власти. Странно, что проф. Горовой, считающий, что создание «нового города» было продиктовано только интересами укрепления дворянской монархии и при выборе места для него не учитывались никакие побочные обстоятельства, не обращает внимания на отсутствие на месте дворянского общества.

А. А. Дмитриев в «Очерках из истории губернского города Перми», рассказав о первых выборах, сетовал, что от лиц, избранных на должности в городе Перми из других городов, «едва ли можно было ожидать... должного отношения к своим обязанностям»*.

А орава чиновников, наехавших из разных мест Российской империи для замещения дворянских должностей? В чем она была заинтересована? Конечно, были среди этих чиновников честные и старательные люди. А большинство стремилось к одному — угодить начальству и соблюсти на государственной службе свой частный интерес.

Сколько Пермь перевидала этих рыскающих по горам и долам жадных и готовых на все Митрофанов, так зло высмеянных Салтыковым-Щедриним!

Истинное содержание «марксизма» проф. Горового

Читатель мог оценить приемы проф. Горового, хотя мы далеко не использовали всех примеров, которые дает для этого его статья. Скажем прямо: ее отношение к археографии чисто негативное, — она показывает, как не надо обращаться с письменными историческими источниками, еще хранящимися на архивных полках и уже опубликованными.

Во имя чего Ф. С. Горовой возводит столь рискованные для его репутации ученого исторические построения, не выдерживающие и малейшего свежего ветерка критики?

Во имя защиты тезиса, что города в России возникали в XVIII в. в связи с реформами Петра I и Екатерины II по инициативе государственной власти как административные центры, которые лишь впоследствии наполнялись

* Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. — С. 38.

новым, характерным для капитализма (или для периода перехода к капитализму) содержанием*.

Этот тезис присутствует и в статье, опубликованной в «Уральском археографическом ежегоднике». Проф. Горовой говорит в ней о дате «основания города Перми — административного центра бывшей Пермской губернии». Он ставит, в качестве центрального, вопрос, «как относиться к предшественникам, существовавшим на том месте, где впоследствии были «учреждены» или построены города как административно-политические центры». Он утверждает: «Подобно всякому другому историческому явлению, город Пермь как административно-политический, а затем и культурно-экономический центр мог возникнуть только в определенных исторических условиях», был вызван к жизни «потребностью исторической среды, которой не было и не могло быть ни при возникновении деревни Брюханово, ни при постройке Егошихинского завода» и которая «появилась после подавления крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева», побудившей «правительство Екатерины II провести новое административное деление России и коренную реформу местного управления». Когда «потребовался новый административный губернский центр, — заключает проф. Горовой, — он и был, как мы уже показали, построен по политическим соображениям и открыт в 1781 г.»**.

Во имя сохранения административной чистоты губернского города Перми проф. Горовой и пытается разъединить во всех отношениях город Пермь и слободу Егошихинского завода, якобы не имевшую никаких качеств городского поселения и оставшуюся где-то в стороне.

Бесспорно, губернская реформа 1775 г. была продиктована прежде всего политическими соображениями, интересами укрепления дворянской монархии. Подготавли-

* Этот тезис был прямо высказан проф. Горовым в докладе «О дате основания города Перми», сделанном им перед университетскими историками и поданном весной 1969 г. при официальном заявлении в горисполком. По-видимому, замечания товарищей побудили Ф. С. Горового говорить в статье осторожнее — о «части городов России XVIII в.» (с. 117 «Ежегодника»), но, не оговаривая, какая именно это часть и в силу каких причин возникла другая часть городов, Ф. С. Горовой фактически продолжает защищать старый тезис.

** Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 106, 111, 113, 118.

лась она еще до крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, но война ее ускорила. Однако правительству Екатерины II не были чужды и соображения экономического порядка, оно сознавало значение городов не только как административных центров. Достаточно прочесть XVI и XVII главы «Наказа комиссии о составлении проекта нового Уложения» (1767) и «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» (1785), чтобы убедиться в этом. Осуществляя административные реформы, правительство стремилось укрепить дворянскую монархию. Но оно шло и навстречу потребностям экономического развития страны, без чего такое укрепление не было бы возможно.

Если губернская реформа и образование Пермского наместничества были продиктованы мотивами политическими, то при выборе места для нового крупного административного центра могли учитываться и, как мы видели по донесению Е. П. Кашкина императрице, учитывались также экономические факторы. Новый губернский город, учрежденный на ключевом в экономическом отношении месте, обеспечивался определенными преимуществами и в отправлении административных функций.

Этому месту — Егошихинской слободе — дали новое название — Пермь, поскольку губернский город заменил старые центры Перми Великой и Пермской провинции — Чердынь, Соликамск, Кунгур, поскольку в пространном титуле императрицы, пославшей сюда своего наместника, имелись и слова «великая княгиня Пермская». Но смена имени и резкое изменение административного значения нашего поселка не означали ни перерыва в его существовании, ни коренного изменения его социально-экономической сути.

Ф. С. Горовой отрывает политические мотивы реформы от экономических процессов, происходивших в стране в XVIII в. Он тцится разрушить «легенду» об Егошихе как первоначальном ядре губернского города. И у него выходит, что «легенда» разрушается во имя утверждения старого, очень старого тезиса.

Здесь нет возможности углубляться в историографию вопроса о русских городах. Скажем только самое необходимое.

Государственным властям Российской империи был свойствен строго юридический взгляд на город. Город —

это прежде всего административный центр, в котором сосредоточено управление определенной территорией — губернией, провинцией, дистриктом, уездом.

Видный русский юрист К. А. Невалин, составивший в 40-х годах XIX в. «Общий список русских городов», констатировал известные трудности в определении того, какие именно населенные пункты можно причислять к городам в Киевской и Московской Руси. С реформ Петра I эти трудности, по словам Невалина, полностью исчезают. Автор двухтомного исследования «Устройство и управление городов России» И. Дитятин писал, что в глазах правительства «городом, в смысле общего понятия, не был определенный пункт как средоточие торгово-промышленной жизни, торгово-промышленного населения, а напротив, пункт административной жизни» *.

Этому взгляду в основном следовала русская домарксистская историческая наука, в поле зрения которой находились лишь официальные города. Видный представитель буржуазной историографии России, известный больше как лидер кадетской партии, П. Н. Милюков дал ему обоснование. Он преувеличивал степень экономической и культурной отсталости России, находил ее народные массы инертными и заключал, что эти обстоятельства предопределили доминирующее значение в жизни страны государственной власти, действовавшей в военных интересах и интересах фиска (доходов казны). Милюков резко противопоставлял на этом основании методологию изучения истории, в частности истории городов западноевропейских стран и России. Там надо начинать с экономического строя, переходить к социальной структуре, а затем уже к государственной организации, здесь, в России, наоборот, надо начинать с государственности.

П. Н. Милюков после Октябрьской революции заканчивал свою политическую и научную деятельность за рубежом, в эмиграции. Там его тезис об особенностях развития русских городов, прекрасно сочетавшийся с основным положением другого видного ученого белоэмигранта П. Б. Струве, что «корни русской революции глубоко заложены в исторической отсталости России» **, на-

* Дитятин И. Устройство и управление городов России. — СПб., 1875. — Т. 1. Города России в XVIII столетии. — С. 374—375.

** Пашуто В. Т. Реваншисты-псевдоисторики России. — М., 1971. — С. 71.

шел хорошую питательную среду у антисоветски настроенных историков всех мастей: русских «евразийцев», немецких реваншистов-остфоршеров (исследователей Востока), английских и американских советологов. И понятно: он годится для всех, считающих, что русские не способны к самостоятельному историческому творчеству, что история России складывалась под главенствующим воздействием внешнеполитических факторов и различных иноземных культур: византийской, монгольской, наконец, европейской цивилизации, насаждавшейся Петром I и Екатериной II.

В 90-х годах прошлого века В. И. Ленин подверг критике русскую статистику, которая в качестве городского учитывала только население официальных городов и относила к сельскому жителей «новых индустриальных центров, не причислявшихся официально к городам», центров, которые возникают в России так же, как и на Западе*.

Учитывая несомненные особенности развития России, советские историки на огромном выявленном и изученном ими материале доказали, что в своих основных за-

* Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 568.

Л. С. К а ш и х и н. Работорговля на камских берегах

На 18 ноября 1793 г., согласно ведомости, составленной Казенной палатой, у 170 помещиков, заводчиков и дворян-чиновников Пермской губернии имелось 119 313 душ крепостных крестьян и дворовых людей. В ведомость включены крупные землевладельцы Строгановы, Голицыны, Всеволожские, Шаховские, Лазаревы, Голубцовы, владевшие 85 327 душами крепостных.

Отдельной группой в ведомости выделены заводчики Демидовы, Осокины, Яковлевы, Турчаниновы, Ширяевы, Масоловы, Петровы. На их долю приходилось 32 934 «крепостных и вечноотданных заводских крестьян и мастеровых».

Для беспоместных дворян-чиновников особую ценность представляли дворовые люди — крепостные крестьяне, оторванные от земли, от родных деревень и мыкающиеся по свету. Все дворовые хорошо знали какое-нибудь ремесло. Они были слугами, дворниками, няньками, скотниками, садовниками, кучерами, конюхами, поварами, парикмахерами. Некоторые из них, по прихоти господ, даже овладевали про-

кономерностях оно не отличалось от западноевропейских стран. И в России отделение города от деревни явилось результатом отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого», как это утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс*. Позиции марксистской исторической науки в этом вопросе обоснованы в работах М. Н. Тихомирова, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, К. Н. Сербиной, В. К. Яцунского, П. Г. Рындынского, Ю. Р. Клокмана и др. Город рассматривается советскими историками прежде всего в его социально-экономической сущности, как торгово-промышленный центр, а уже затем со стороны его правовых институтов.

Разумеется, проф. Горовой вправе выступить со своей, отличной от общепринятой точкой зрения. Но лучше было бы не игнорировать работ советских историков и разобраться, с кем и против кого он идет. И основательнее вооружиться для смелого похода.

Все же отдадим проф. Горовому должное: какой неопоримой верой в могущество дворянского государства и мудрость екатерининских вельмож надо обладать, чтобы развивать свою концепцию именно на материале Егوشي-

* Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 20.

фессиями ювелиров, медиков, актеров, художников и приносили им немалый доход.

В Прикамье на рубеже XVIII—XIX вв. редкая дворянская, чиновничья, служилая семья не имела своих дворовых людей. Их скупали по всей России и перепродавали на месте, в том числе в Перми. В указанной выше ведомости встречаются довольно известные фамилии владельцев дворовых. Среди них губернский землемер Андрей Грубер, штаб-лекарь Михайло Гамалея, прадед известного русского театрального деятеля Павел Дягилев, литераторы и сослуживцы А. Н. Радищева Иван Ванслов, братья Василий и Иван Прянишниковы и многие другие.

Братья Прянишниковы вначале имели в своем распоряжении по одному дворовому человеку. Достаточно разбогатев, они увеличили число дворовых.

Иван Данилович Прянишников служил в Перми председателем гражданской палаты. Он построил большой каменный дом, ставший впоследствии резиденцией семнадцати губернаторов, благоустроил огромную усадьбу и производил покупку крепостных и дворовых. Первая его покупка произошла в мае 1786 г., когда за 200 руб. он приобрел бег-

хи — Перми! Ведь он признает, что место для губернско-го города было выбрано неудачно. Но, считает наш автор, без всякой подсказки со стороны жизни. По его статье судя, даже вопреки такой подсказке: Егошихинский завод хирел, его поселок приходил в упадок, однако, взвесив «географические условия» и учтя «потребности исторической среды», екатерининские вельможи П. С. Мещерский и Е. П. Кашкин решили: быть здесь губернскому городу! И город появился как административный, только административный центр, начавший позже приобретать качества, свойственные городу периода перехода к капитализму: получать насильственно переселенных сюда купцов, ремесленников и т. п.

Среди екатерининских вельмож, несомненно, были люди умные; князь Мещерский и генерал-поручик Кашкин — из их числа. В том-то и выразился их ум, что они в интересующем нас случае присмотрелись к тому, что подсказывалось жизнью, и предложили императрице назначить губернский город Пермь в бойкой слободе Егошихинского завода.

Административная власть оказывалась не всемогущей. Одною ею создавать города не удавалось. И одних географических соображений высших государственных чинов было для этого мало.

Копилка краеведа

лого крепостного Егора Васильева, пойманного в Тобольске. В 1789 г. Прянишников дал доверенность полковнику А. П. Галахову на покупку для него в Рязанском наместничестве нескольких десятков семей крепостных. В 1796 г. на эти же цели он дал доверенность московскому купцу Ивану Крутикову. В марте 1796 г. составляется купчая на покупку Прянишниковым от надворного советника В. И. Донского за 650 руб. дворовых крепостных людей: трех мужского и двух — женского пола.

О том, какие уродливые формы принимала торговля крепостными в Перми в начале XIX в., свидетельствует помещенный ниже документ о продаже с аукциона дворовых людей титулярной советницы Морозовой, имевшей несчастье не вернуть вовремя денежный долг некоему майору Михайлову. Семья крепостных дворовых, состоящая из трех человек, продавалась по 400 руб. Для сравнения укажем стоимость некоторых вещей той же Морозовой, включенных в оценочную опись: платок бумажный с красными цветами — 1 руб. 50 коп., носовой платок красный клетчатый — 1 руб., тулуп черный некрытый из простых овчин — 10 руб., башмаки женские — 2 руб.

В период феодализма народные массы играли решающую роль в истории. Вовсе не были инертными русские крестьяне. Они двигали вперед производительные силы. Из крестьян выходили замечательные умельцы — мастеровые, талантливые художники, предприимчивые купцы и фабриканты. Безвестные первопроходцы осваивали просторы Урала и Сибири. Массы, низы общества неустанно «беспокоили» историю и заставляли ее пошевелиться. Им «принадлежал первый толчок всяких исторических изменений, даже изменений в тех надстройках, которые служили для их обуздания»*.

От имени исторической науки проф. Ф. С. Горовой декретирует: «Категорические утверждения о начале Перми с возникновения Егошихинского завода в 1723 г. противоречат историческим фактам и марксистской теории образования городов...»**.

Мы убедились в том, что Ф. С. Горовой не имеет в данном случае права говорить ни от имени фактов, ни от имени марксистской теории, — и то, и другое им игнорируется. Его смелая концепция — плод фантазии, ко-

* Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. — М., 1964. — С. 378.

** Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 121.

Доверенность И. Д. Прянишникова на имя графа
Ф. Г. Орлова

17 марта 1795 г.

Милостивый государь граф Федор Григорьевич!

Покорнейше прошу Вашу светлость купить село или деревню от двух до трехсот душ и, за оные заплатив деньги, от продавцов купчую на имя мое на законном основании совершить, в крепостной книге вместо меня расписаться и оную доставить мне...

Покорнейше прошу занять на мое имя с указанными процентами денег толикое число, сколько к покупке деревни доставать не будет, и в этой сумме дать от имени моего закладную на ту деревню по совершении на оную купчей.

Иван Прянишников

ГАПО, ф. 177, оп. 3, д. 76, л. 6 об. — 7.

Копилка краеведа

торая занесла его далеко в сторону — к Милюкову. Он тянет старую погудку на новый лад, а не разрушает «легенду», ибо за «легендой» о Егошихе как первоначальном ядре Перми стоит действительность.

Стоит ли спорить?

Стоит ли спорить с проф. Ф. С. Горовым? Стоит ли выносить этот спор на суд общественности? Стоит!

Советские люди — не Иваны, не помнящие родства. Их живо интересует история своей страны, своего края, города, завода. Этот деятельный интерес находит многообразное проявление. Он выражается в создании народных музеев, в частности заводских и школьных, в праздниках улиц, в чествовании рабочих династий, в юбилеях городов. Он не уводит в прошлое, а служит будущему — стимулирует стремление здесь, в родном городе, на родном заводе, возможно лучше служить Родине.

К сожалению, мы видим крайне мало популярных работ на темы истории страны, еще реже слышим публичные лекции на эти темы. Даже трехсотлетие крестьянской войны под руководством Степана Тимофеевича Разина прошло не отмеченным.

Вот почему иной раз у людей, желающих во всей полноте и богатстве представить историю своей страны, своего края, возникает стремление самим разобраться во всем.

Так было и с историей возникновения Перми. В конце 1968 г. на страницах пермской комсомольской газеты «Молодая гвардия» прошло обсуждение вопроса «Сколько лет Перми?» Подавляющее большинство участников обсуждения пришло к выводу, что датой основания Перми следует считать 1723 г. — год, когда был построен Егошихинский казенный медеплавильный завод, поселок которого, разросшийся как торговый центр и транспортный узел, был в 1780—1781 гг. преобразован в официальный город — крупный административный центр.

Ученые-историки участия в дискуссии не приняли, в чем, по-видимому, есть доля вины и редакции «Молодой гвардии». Не все в выступлениях в газете было точно сформулировано, имели место и погрешности. Они в такой степени раздражали проф. Горового, что он решил

от имени науки опровергнуть и вывод, и все аргументы участников дискуссии. Его статья «О дате основания города Перми» является одним из плодов такого раздражения. Оно завело ученого-историка слишком далеко и обнаружило, что личный престиж для него выше истины.

У нас, на Урале, поселки, сложившиеся около металлургических предприятий, основанных еще в XVIII в., сыграли большую роль в формировании сети городов. Не только такие крупные, как Екатеринбург и Нижний Тагил, но и поселки меньшего масштаба, причем часто эта роль не была прямым производным от роста завода. Некоторые вопросы становления сети городов Урала получили освещение в книге экономгеографа Л. Е. Иофа «Города Урала» (М., 1951), несомненно, добросовестном и ценном труде. Но в некоторых методологических вопросах с Иофа нельзя согласиться, да и охват им темы оказался слишком широким для того, чтобы обеспечить достаточное внимание к каждому заводу, поселку, городу; у него есть и фактические ошибки.

Вот почему изучение истории городов Урала должно быть продолжено. И объединение на этой почве усилий краеведов и дипломированных историков было бы, бесспорно, полезным. К сожалению, в Перми такое сотрудничество не налаживается. Книжки по истории заводов выходят без всякого участия историков. Одна из существенных причин такого положения — непомерная амбициозность проф. Ф. С. Горового. К сожалению, она не имеет под собой достаточных оснований.

Разве может серьезный историк, заявив в начале статьи, что «процесс возникновения города Перми весьма сложен и изучен слабо», и не привлекая никаких документов, а с опубликованными обращаясь с недопустимой вольностью, приходить к категорическому утверждению, что датой возникновения Перми может считаться только 1781 г., а все остальное противоречит и науке, и марксистской теории в особенности?

Есть все основания вести родословную города Перми от скромного вначале поселка Егошихинского медеплавильного завода, а не от оравы наехавших сюда в 1781—1782 гг. чиновников. И поколебать этого убеждения статья Ф. С. Горового не может, ибо сама она не выдерживает никакой критики и способна лишь дискредитировать профессора.

Историки страны, как известно, собираются провести в этом (1972) году конференцию по вопросу о создании истории городов и заводов. Пожелаем им успеха. Но этот успех можно обрести не на том пути высокомерного игнорирования не только краеведов, но и несомненных исторических фактов, документов и трудов своих товарищей-историков, по которому пошел проф. Горовой.

Из личного фонда Б. Н. Назаровского (ПАПО, ф. 90, оп. 12, д. 112.) Публикация Н. А. Аликиной

А. И. РЕУТОВ

ЕГОШИХА И ПЕРВОГОРОД

Автор этой статьи — действительный член Географического общества СССР. Наряду с географией, его очень интересовала история города Перми, волновали вопросы охраны памятников истории и культуры. Он буквально бился за сохранение пермского Первогорода — Разгуляя. В этой борьбе географ Реутов проявил большую принципиальность, причем, это надо подчеркнуть, научно обоснованную.

Горько осознавать, что трагический случай оборвал в 1990 г. жизнь Аркадия Ивановича Реутова. Память о нем и его делах навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал и любил.

Горько осознавать, что трагический случай оборвал в 1990 г. жизнь Аркадия Ивановича Реутова. Память о нем и его делах навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал и любил.

Когда появился Разгуляй?

В последнее время стало утверждаться мнение, что губернский город Пермь «вырос из Егошихинской слободы и никто не отождествляет эту слободу с Разгуляем». Утверждение бездоказательно и преследует, считает автор, определенную цель.

Начнем со свидетельства. Известный пермский историк А. А. Дмитриев, основываясь на материалах, опубликованных в «Пермских губернских ведомостях», «Очерках исто-

рович Кашкин, определенный в должность пермского генерал-губернатора... Немедля из Соликамска генерал Кашкин с выбранными из соликамских старожилов отправился в Егошихинский завод. Он остановился в заводском доме на горе у церкви св. Петра и Павла, где жил управитель и была заводская контора. К деревянным зданиям наскоро сделали пристрой. Несколько домов начали строить вновь. В то же время селение заводских мастеровых находилось около Разгуляя, сохранившего и до сих пор свое название, и простиралось до самого кладбища... В постройках проведено все лето 1780 г. Этим летом, по проектированному плану, был выстроен большой двухэтажный дом для губернатора. Дом этот выстроен с флигелями, службами, птичником и зверинцем — параллель с заводским домом, боковой стороной на площадь к церкви. На другой стороне площади, недалеко от церкви, была выстроена гауптвахта для военного караула. Под горою, на низменном плоском месте, был базар с деревянными лавками и лавочками...»

На несколько интересующих вопросов проливает свет выдержка из книги вековой давности. Сначала попытаемся выяснить, когда появился Разгуляй как определенное место в новом селении, микрорайон. Как отмечает один из открывателей плана В. Н. Татищева, по которому строился Егошихинский завод, географ Е. В. Ястребов, «для заводской канцелярии и жилых домов для начальства и работников отведена площадь в 230 кв. саженей на высоком берегу Егошихи, между заводом и Камой». Это же отмечает А. С. Терехин: «Узкая долина Егошихи не позволяла разместить вблизи завода кварталы жилой застройки. Поэтому на верхней террасе берега Камы и вдоль Егошихи складывается жилой район. Здесь образуется административный центр».

Сошлемся и на мнение М. Н. Степанова и А. С. Черкасовой: «Часть обитателей слободы проживала выше завода, по берегам пруда. Особенно много домов было по левому берегу, где за церковью и конторой на возвышении проживали преимущественно заводские мастеровые люди. Именно на этом месте находилось старейшее поселение — бывшая Егошиха (Брюхановка), существовавшая еще до основания завода и к этому времени давно слившаяся с разросшейся Егошихинской слободой. В наши дни здесь расположена часть города, традиционно назы-

ваемая Разгуляем». В свою очередь, названные авторы ссылаются на пермского историка Д. Д. Смышляева.

Ответ на вопрос о появлении Разгуляя однозначен: с рождения города. Только нельзя Разгуляй периода его появления отождествлять с сегодняшним микрорайоном под этим названием, как бывшую слободу с нынешней Пермью. Другой вопрос — когда появилось название «Разгуляй» — еще ждет ответа. По А. А. Дмитриеву, в догубернский период истории города. Хотя подтверждения этому пока нет. Например, краевед И. Малафеев утверждает, что мать декабриста В. И. Штейнгеля в 1810 г. жила в Разгуляе.

Итак, нет основания отрицать в Егошихинском селении основу микрорайона, где поселились первые жители Перми.

«Город сей сохраняет еще вид слободы...»

Теперь попытаемся проследить, какие изменения претерпел Разгуляй в догубернский период истории города, т. е. с 1723 до 1780 г. Росло население поселка, увеличивалась его территория. Нередки были пожары. Как изменилась, застроилась слобода за четверть века, с 1735 г., когда был составлен последний до этого план ее, неизвестно, как и неизвестен облик ее перед пожаром 1759 г.

Что из себя представляла слобода в 1780 г.? Попробуем ответить, какую территорию она занимала. П. И. Хитров, М. Н. Степанов, А. С. Терехин в 1972 г. обозначили ее в пределах от Камы до современной улицы Ленина (бывшая Покровская) и от Егошихи до современной улицы К. Маркса (бывшая Сибирская). Основывается это на плане города, составленном в 1782 г. Принято считать только территорию, что была занята сплошной застройкой, оставшейся с 1780 г. На плане она выделена, и именно эту часть плана часто публикуют в пермских газетах. К такому формальному подходу напрашивается ряд уточнений.

Первое. Почему-то не всю территорию с существовавшими застройками относят к заводскому селению. От устья Егошихи выше по течению Камы почти на километр вытянулась узкая полоса односторонней застройки.

Также на месте нынешней улицы Кирова были отдельные строения, что обрамляли с юга площадь у Петропавловского собора. И то, и другое имеется на плане.

Второе. Все историки ведут речь о существовании рабочей слободы у заводского пруда, что «простиралась до самого кладбища». Но на плане вместо хаотических построек видим четко распланированные участки усадеб. Поэтому слобода не отмечена как сохранившаяся с 1780 г., и ее не относят к территории бывшего заводского селения. Землемер Андрей Грубер составлял план города, каким его видели руководители нового местничества. Побывавший в 1782 г. в Перми академик Н. Я. Озерецковский отмечал: «Новоучрежденный город сей сохраняет еще вид слободы, из которой он родился и которую назывался». О проводимой работе по улучшению архитектурного облика нового центра местничества свидетельствует составленный в 1785 г. «Генеральный план назначенному в губернском городе Перми капитальному строению», т. е. генплан центра города, подписанный генерал-поручиком Е. П. Кашкиным. Уже по плану 1782 г. рабочая слобода, тяготея к формируемому центру города, должна была изменить свой облик.

Третье. Хотя Егошиха и была рабочим поселком, но в 1781 г. из 3 тыс. человек населения в ней насчитывалось 312 крестьян. Кое-кто из жителей держал крупный рогатый скот. Основным тяглом для всевозможных перевозок были лошади, которых использовали и на рудниках. По договоренности со Строгановыми заводу была выделена поскотина, которую егошихинцы с увеличением населения стали самовольно расширять. К 1766 г. они захватили принадлежащие баронессе Строгановой земли, находящиеся близ поселка, и использовали их для выгона скота и сенокоса. Была у селения и пашня.

План, о котором идет речь, составлялся с целью строительства города, что предусматривало и расширение его территории. Перед составителями плана не ставилась задача обозначить территорию, что относилась к бывшему заводскому селению. Естественно, на ней нет, например, конюшни или бывших личных огородов за окраинными строениями. На плане не отмечалось то, что оставалось еще временным, что со строительством города должно было исчезнуть. Периферия бывшего заводского

селения у нового центра наместничества по плану его руководства должна была быть застроена новыми объектами, должны были появиться новые улицы. Подтверждает это и сохранившееся в государственном архиве Пермской области так называемое «Дело об отводе земельных участков для строительства кабаков и жилых домов», начатое в мае 1782 г.

Остается неизвестным, почему на плане ряд новых усадеб намечалось разместить в юго-западной стороне за бастионами и крутинами городской крепости — намечаемой тогда границей города. Не было ли здесь в 1780 г. деревни или починка? Два десятка деревень, что окружали Пермь к концу XVIII в., были основаны после 1780 г., хотя А. С. Черкасова утверждает, что деревня Данилиха существовала и до учреждения Егошихи центром наместничества. Десяток селений и починков можно насчитать в ближайшей округе Егошихи на так называемой «Примерной карте заводской слободы Егошихинской с окружным местоположением на четыре версты», составленной в 70-е годы XVIII в. Нанесена и деревня Данилиха на летней дороге в город Кунгур.

Ч е т в е р т о е. Если территорию южнее сохранившихся строений на месте нынешней улицы Кирова назвать «пустошью», значит, она была свободна от леса, и только поэтому мы вправе отнести ее к слободе 1780 г. Различные функции могла носить эта территория в догубернский период истории города. К 1780 г. вполне могла быть парковой зоной или садом, где уже с основания завода неоднократно вместе с другими деревьями садили и дубы. Шесть из них сохранились до наших дней. Нет свидетельства, в котором бы шла речь о каком-то предварительном освоении этой территории с 1780 г. Жители старой Перми вполне могли эту территорию считать пустошью — само слово означает незаселенный, неводеланный участок земли. В нынешней Перми любой ее житель может назвать десятки пустошей.

Итак, какова же была территория Перми в 1780 г.? Граница на севере проходила по Каме от конечных построек у реки и деревни Горы на высоком берегу за Егошихой до устья Медведки. На юге и на западе границу можно провести только условно: от кладбища к истоку речки Медведка. Если на юго-западе было селение, то

граница проходила через него. Кое-где на этой территории еще вклинивался лес. Вообще, по первому плану губернского центра невозможно определить всю селитебную территорию Егошихинского завода.

Что считать Первогородом?

Первогород — это характерный облик комплекса построек первых лет или десятилетий существования Перми. Почему бы не считать таковым поселок 1735 г.? Бывший заводской поселок ныне оказался в центре крупного города, и от облика его практически ничего не осталось.

С 1780 г. город стал интенсивно строиться и перестраиваться. Авторы генплана 1785 г. создавали такую площадь у собора, которая своим великолепием «явилась украшением города». По плану Перми 1808 г. границы города проходили по речке Данилихе и нынешнему парку им. М. Горького (в XIX в. — городской Загородный сад). Чудом сохранились постройки XVIII в. на улице Малая Ямская.

Примечательна оценка облика города к концу XVIII в. Н. С. Поповым: «Правильное его расположение, довольно красивые в главнейших улицах дома, возвышающиеся публичные и частные здания представляют сей город довольно приятным, но в лучших видах он показывается с горы, что выше Егошихи, и с закамского берегу, украшаясь особливо набережною и публичными зданиями».

Первогородом сегодня называем то, что напоминает Пермь XVIII в. Это прежде всего Разгуляй и ландшафт с долиной Егошихи, в какой-то мере сохранившийся. В содержании понятия «первогород» сегодня многое неизвестно, но в любом случае оно отождествляется с Егошихой и Разгуляем.

Егошиха и Первогород

XVIII столетие составляет целую эпоху в истории Урала. Рождение многих городов обязано развитию горнозаводского производства. Среди них Екатеринбург и Пермь, основанные в 1723 г., которые превратились в крупнейшие торгово-промышленные центры края. Для этого были объективные предпосылки.

В начале XVIII в. Русское государство испытывало острую нужду в меди. Организовать медеплавильное производство на Урале оказалось значительно труднее, чем железоделательное. Как и в черной металлургии, на первом этапе казна выступила инициатором строительства медеплавильных заводов. В 1720 г. на Урал прибыл главный начальник казенных горных заводов Василий Никитич Татищев. С именем этого выдающегося администратора и ученого связаны история рождения большой уральской металлургии и ее подъем в первой половине XVIII в.

Ознакомившись с Кунгурским медеплавильным заводом, который уже два года бездействовал, В. Н. Татищев решил его не восстанавливать «по отдаленности от него хороших рудников». Но перенос завода поближе, к найденным тогда более благонадежным месторождениям руд в бассейне речки Мулянки, левого притока Камы, не должен быть механическим. Будущий завод тяготел к Каме, по которой все больше осуществлялись перевозки с заводов восточного Урала. Но нужна была пристань, чтобы отправлять грузы дальше на Волгу или по реке Оке к Москве. Будущий новый город на западе Урала, по мысли В. Н. Татищева, кроме производства меди, мог бы развиваться и благодаря наличию других функций.

Сооружение завода на Егошихе и селения-крепости при нем началось 4 (15) мая 1723 г. Велось оно по чертежам В. Н. Татищева, который присутствовал при закладке завода и еще трижды посетил строительство. Менее чем через год завод давал медь.

В Прикамье в это время действовало 4 медеплавильных завода. Для руководства горнозаводской промышленностью Пермии, как исторически называлось Верхнее Прикамье, Геннин в 1724 г. учредил при Пыскорском заводе Пермское горное начальство, подведомственное Главному управлению в Екатеринбурге.

Егошихинский завод оказался в центре действующих и еще намечаемых родственных предприятий. Поэтому для улучшения контроля сюда в 1734 г. перевели горное начальство. «...У водного выхода с Урала» на Каме появилась пристань.

Возрастающая потребность в заводских кадрах способствовала тому, что в Егошихе в 1735 г. организовалась

арифметическая и словесная школа. В ней ученикам давали и технические знания. Егошиха стала центром подготовки производственных кадров края, одним из первых очагов просвещения на Западном Урале. При заводе также появилось одно из первых медицинских учреждений Прикамья — госпиталь, который обслуживал работников казенных заводов, подведомственных Пермскому горному начальству. Егошиха получила административно-хозяйственное и культурное значение, стала в какой-то степени административным центром обширного края. Вообще, в отличие от других районов России, на Урале сложился своеобразный тип поселения — город-завод. План Егошихинского завода 1735 г. передает характер такого поселения.

В XVIII в. на Урале выплавлялось почти 100% всей меди России. За границу экспортировалось не более 1%. Дорогой и тяжелый металл использовался на внутреннем рынке. Более половины его шло на Екатеринбургский монетный двор, построенный в 1725 г. С Егошихинского завода, кроме Екатеринбурга, медь отправляли также в Москву и Петербург.

С истощением рудной базы большинство заводов прекращали существование. Некоторые на какое-то время перестраивались, например Хохловский, Иргинский. Ряд заводов одновременно занимались медеплавильным и железоделательным производством. Из перепрофилированных и ныне действуют Юго-Камский, Нытвенский, Суксунский, Пожевской заводы. Чермозский и Добрянский попали в зону затопления водохранилища Камской ГЭС.

В середине XVIII в. в промышленное предпринимательство на Урале активно включилась аристократическая дворянская верхушка. На Урале передали казенные предприятия придворным сановникам. К 60-м годам Егошихинский, Пыскорский, Мотовилихинский, Висимский заводы оказались в руках канцлера М. И. Воронцова. В связи с этим горное начальство в 1761 г. из Екатеринбурга было переведено в Кунгур.

В первые годы частного владения выпуск меди значительно увеличился. Но уже в 70-е годы производительность рудников и выпуск меди резко упали. Однако Егошиха продолжала расти как торгово-транспортный центр Прикамья. Через нее «возникло естественное направле-

ние для транспорта между Сибирью и Европейской Россией». Удобное географическое положение города на Каме послужило предпосылкой для формирования такой чисто городской функции, как транспортно-перевалочная. У пристани останавливались суда с железом и воинскими припасами с заводов Урала, сибирскими мехами, китайскими товарами, которые шли в Нижний Новгород, Москву и Санкт-Петербург. Часть грузов здесь перегружали на подводы для доставки к местам назначения. Академик И. Г. Георги, побывавший в Егошихе в 1773 г., характеризует ее как оживленный бойкий горный городок, в котором свыше 400 домов, а на рыночной площади до 100 купеческих лавок, полных нужными товарами.

Получила развитие мелкая промышленность. На первом месте был частный рудный промысел. Им занимались как жители Егошихи, так и крестьяне окрестных деревень. На втором месте были кузнечный и металлообрабатывающий промыслы. Всего же ко времени учреждения Егошихи центром наместничества в ней насчитывалось полтора десятка различных промыслов: хлебопекарный, рыбный, сальный, свечной, кирпичный, сапожный, столярный, мыловаренный и др. В 1788 г. из-за нерентабельности производства завод на Егошихе был остановлен. Рудная база его и леса перешли в ведение Мотовилихинского завода, куда было переведено и большинство рабочих. Развивались два заводских поселения, дополняя друг друга и в конце концов слившись в один город.

По свидетельству академика И. П. Фалька, в Егошихе в 1772 г. было 1610 человек населения, без учета населения Мотовилихи, где по переписи 1763 г. насчитывалось 572 человека. Это превосходило население таких городов, как Чердынь, Троицк, Кашира, Тамбов, Самара и др.

Вывод из всего сказанного однозначен: Егошиха — Пермь с основания выполняла функции города. Подтверждается это выбором центра в конце 70-х годов XVIII столетия вновь учрежденного наместничества на Урале. Самым его крупным городом и фактическим центром был Екатеринбург. Но вопрос о назначении Екатеринбурга центром наместничества не стоял, т. к. он находился в стороне от крупных рек, приобретающих тогда все большее транспортное значение.

Центр города — Разгуляй

Другой вопрос, к которому сегодня вынуждают возвращаться: где размещались администрации завода с 1723 г., горного округа с 1734 г. и наместничества и губернии с 1780 г.? Казалось бы, добавить к тому, что уже сказано, нечего — в Разгуляе. И все же приведем еще одно коллективное мнение уже упомянутых П. И. Хитрова, М. Н. Степанова и А. С. Терехина: «Вслед за открытием наместничества начались отводы участков для новой застройки. Характерно, что вновь образуемые улицы и переулки оказываются непосредственным продолжением уличной сети Егошихи. Бывший центр слободы, как показывают последующие планы Перми, оставался центром губернского города вплоть до пожара 1842 г.».

Представляет интерес свидетельство Дмитрия Смышляева о центральной части Перми до 1842 г.: «...генерал-губернатор имел представительный дом с двумя павильонами по краям и с возвышенною серединою, где помещался обширный тронный зал в два света. Дом был окрашен темно-желтою краскою, а пилястры и разные украшения на фасаде — белую. На площади, между этими домами и собором, существовал круглый сквер, засаженный деревьями и называвшийся Александровским».

Последний губернаторский дом на улице Сибирской построен к 1790 г. Пожар 14 сентября 1842 г. уничтожил в городе около 300 домов, в том числе и дом тогдашнего губернатора И. И. Огарева. Пожар обошел стороной основную часть Сибирской улицы. Это предопределило ее главенствующее место в будущем. На этой улице было решено искать дом под новую резиденцию губернатора. Для этой цели очень подходил дом, что сначала принадлежал И. Д. Прянишникову. Сюда губернатор с семейством заселился в 1845 г. Остается сделать вывод, что Разгуляй был центром Перми до середины XIX в.

К вопросу о первом каменном строении

В книге «Аракчеевцы на Урале», изданной в Н. Новгороде, находим строки: «...все экскурсанты (военного училища. — А. Р.) собрались в просторных помещениях офицерского собрания... Хозяин собрания... в разговоре с нами сообщил, что мы находимся в историческом уголке

города, где некогда был расположен Ягошихинский медеплавильный завод, и старинное здание собрания составляет своего рода историческую достопримечательность — это первый каменный дом в Перми, служивший резиденцией генерал-губернатора Пермского наместничества». А. А. Дмитриев в упомянутых «Очерках» пишет: в 1852 г. «положено основание каменной казармы для нижних чинов жандармской команды на Петропавловской площади, на месте сгоревшего в 1842 г. генерал-губернаторского дома». Ныне здесь находится госпиталь. Академик Георги, побывавший в Егошихе в 1773 г., сообщает, что в «горном городке... более 400 домов, которые все деревянные, только церковь каменная». Свидетельство более достоверное, но желательно иметь ему подтверждение. Тем не менее из утверждения Георги делается вывод, что первым каменным строением Перми является Петропавловский собор.

Но сегодня далеко не обо всех каменных строениях XVIII в. имеются сведения. По Н. С. Попову, в Перми на 1802 г. насчитывалось 28 частных каменных домов. Все ли они построены после сооружения собора?

Думается, правильнее было бы считать первым каменным строением медеплавильную печь, а Петропавловский собор — первым культовым каменным сооружением.

От былой Егошихи

Напрашивается необходимость проследить, как трансформировалось содержание топонима «егошихинский» с 1780 г. до наших дней. Первый наместник пермский и тобольский генерал-поручик Е. П. Кашкин в рапорте Екатерине II от 25 сентября 1780 г. отмечает, что Егошиха — самый крупный транспортный и торговый пункт на Каме, где «...выстроить посад преимущественнее против городов, в здешнем краю находящихся».

Что сегодня именуется Егошихой? В справочнике «Улицы Перми», изданном в 1985 г., находим: «Бывший пос. Егошихинский. Относится к микрорайону Н. Островского Свердловского района города». Сузилось понятие «Егошиха» не только географически: от известного в стране городка, самой крупной пристани на Каме, перспективного торгово-промышленного населенного пункта

в 1780 г. до какой-то неопределенной территории одного из микрорайонов под неопределенным названием. Кстати, в 1990 г. у самого крупного города на Каме была двойная юбилейная дата: 210 лет присвоения бывшей Егошихинской слободе нового названия и учреждение города административным центром не только Прикамья, но и гораздо более обширной территории, простирающейся до Западной Сибири.

Спасти историческую зону!

Историческая зона Перми ныне административно относится к трем городским районам: Мотовилихинскому, Свердловскому и Ленинскому. Чтобы решать вопросы ее воссоздания, необходимо, думается, всю эту зону передать в ведение одного района. Егошихинский лог пока не представляет интереса для нынешних архитекторов-градостроителей. Видимо, только это обстоятельство спасает его от каких-либо застроек. В будущем в долине Егошихи пермякам предстоит создать музейный комплекс и воссоздать завод. Тогда и будет реабилитировано историческое название «Егошиха». Но это будет малая часть Первогорода.

Чтобы как-то обосновать уничтожение старых построек Разгуляя, предлагается обычно два спекулятивных варианта разделения района, который сегодня условно можно отнести к Первогороду. Первый: территория Егошихи 1780 г. — ныне часть старого города. Эта территория устанавливается, как было отмечено, на формальной основе, а то и произвольно. Район Петропавловского собора заповедной зоной не утверждают. Второй: от старой Егошихи ныне осталось одно кладбище, которое предлагалось снести.

Думается, однако, что, выяснив архитектурный облик города XVIII и первой половины XIX вв., можно вести речь о конкурсе проектов детальной планировки всего исторического района Перми. Работа по возрождению старой Перми предстоит на десятилетия. Концепция возрождения исторической зоны — особая тема и должна быть выработана общественностью города коллективно, на научной основе.

Источники и литература

Аракчеевцы на Урале: Экскурсионный очерк / Сост. В. Н. Сумцов. — Н. Новгород, 1913.

Баньковский Л. Первогород или магистраль? // Звезда. — 1988. — 29 нояб.

Власов Ю. А., Чернышов Н. И. О развитии медеплавильной промышленности Прикамья (1640—1902) // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил нечерноземного Урала. — Пермь, 1977.

ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 15, 31, 53, 151, 152; ф. 321, оп. 1, д. 11.

Географический и статистический словарь Пермской губернии / Сост. Н. Чупин. — Пермь, 1873—1876.

250 лет Перми: Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». — Пермь, 1973.

Дмитриев А. А. Очерки истории губернского города Перми. — Пермь, 1889.

Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. — СПб, 1772. — Ч. 2.

Иофа Л. И. Города Урала. — М., 1951.

История Урала с древнейших времен до 1861 года. — М., 1989.

Кашин А. Открытие города Перми // Пермские губернские ведомости. — 1864. — № 16.

Кашихин Л. С. Дом для музеев // Веч. Пермь. — 1989. — 10 июля.

Кашихин Л. С. Первая летопись Перми // Веч. Пермь. — 1972. — 26 июня.

Малафеев И. Пермь и декабристы // Звезда. — 1986. — 4 янв.

Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. — СПб, 1813.

Реутов А. И. Здесь был Первогород // Молодая гвардия. — 1988. — 20 нояб.

Реутов А. И. Первогород: круговая осада // Молодая гвардия. — 1989. — 30 апр.

Реутов А. И. Сохранить свое, пермское // Большая Кама. — 1989. — № 22—24.

Смышляев Д. Из прошлого: О старых временах и людях // Пермские губернские ведомости. — 1885. — № 29—42.

Степанов М. Н. Егошиха — первоначальное ядро Перми — Молотова // На Западном Урале. — Молотов, 1956.

Степанов М. Н., Баньковский Л. В. Сохранить Первогород // Веч. Пермь. — 1988. — 4 июня.

Степанов М. Н., Черкасова А. С. Егошихинская слобода: Историко-географический очерк // Вопросы физической географии Урала. — Пермь, 1973. — Вып. 1.

Терехин А. С. Город Пермь — основание, краткая история планировки и застройки // Вопросы физической географии Урала. — Пермь, 1973. — Вып. 1.

Терехин А. С. Пермь: Очерк архитектуры. — Пермь, 1980.

Хитров П. И. От Егошихи до Перми // Рабочее Прикамье. — Пермь, 1973.

Хитров П. И., Степанов М. Н., Терехин А. С. В долине Егошихи // Звезда. — 1972. — 6 июня.

Царт М. Так строился город // Веч. Пермь. — 1971. — 11 февр.

Черныш М. Первогород: о чем спор? // Веч. Пермь. — 1989. — 12 дек.

Шадрин Е. Еще раз о Первогороде // Веч. Пермь. — 1989. — 10 июня.

Хронограф

Карл Федорович Модерах

Д. Д. Смышляев

Пожар в Перми 14 сентября 1842 г.

Н. Д. Аленикова

Первые уличные фонари

В. С. Верхоланцев

Город Пермь, его прошлое и настоящее

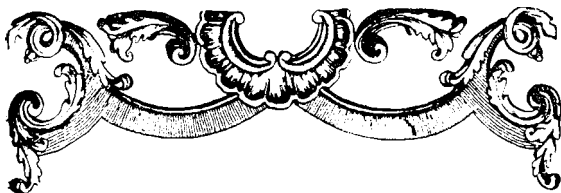
Л. В. Перескоков

Деревянная вязь пермской истории

М. П. Злобина

Мариинка

и др.

«ПЕРМЬ
ТИХА,
БЕЗМЯТЕЖНА...»

Пермь во времена Модераха

Пермь — городок порядочный, но безжизнен, торговли и промышленности в нем почти нет, грамотности много, образованности не бывало. Его жители радушны, гостеприимны, добры, довольно странны... Пермь тиха, безмятежна; жизнь в ней ровненькая, без бурь, только с крошечными страстишками. Знают здесь две страсти: в картишки поиграть да гостя получше угостить. И Пермь независтлива: она считает себя лучше всех городов и упорно стоит за свое. Пермь настоящий русский Китай... И какое китаиство в ней — удивительно! Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай, Господи, поскорее. Что ни говорите, а ведь Пермь на матушке святой Руси не последняя спица в колеснице.

1839 г.

П. И. Мельников-Печерский
«Дорожные записки»

ХРОНОГРАФ

Из «Летописи губернского города Перми»
Ф. А. Прядильщикова *

1796

На место скоропостижно скончавшегося губернатора И. В. Колтовского определен инженер-полковник Карл Федорович Модерах (уроженец Прибалтийского края), известный в Петербурге довольно важными гидротехническими сооружениями на пользу и украшение столицы. Прибыл в Пермь 9 июля.

1797

По воле государя императора Павла Петровича наместничество переименовано в губернию, с уничтожением раздела на области и с упразднением трех уездов: Обвинского, Алапаевского и Далматовского (Челябинск еще в 1783 г. было повелено приграничить к Оренбургской губернии).

В ознаменование особой монаршей милости губернатор Модерах пожалован чином действительного статского советника и оставлен в должности.

КАРЛ ФЕДОРОВИЧ МОДЕРАХ

Императрица Екатерина II, которой [Модерах] лично был известен по успешному исполнению данного ему поручения касательно безопасности Архангельска, сама назначила его в Пермь, ибо здешние горные заводы требовали, чтобы губернатор был человек сведущий.

Служение его в Пермской губернии в звании губернатора, а потом генерал-губернатора пермского и вятского давно известно людям, знакомым с деятельностью провинциальных администраторов. Тут он выказал в полной мере и знания людей, и умение производить большие дела с ничтожными средствами. Нет части, на которую

● * Прядильщиков Федор Афанасьевич родился в Очерском заводе Строгановых в 1811 г. Получил образование в Казанском университете. Был старшим учителем русской словесности в Пермской гимназии. Затем уехал в Томск. Был инспектором, а в дальнейшем и директором Томской гимназии. Выйдя в отставку, вернулся в Пермь, где и провел последние годы жизни. Умер в декабре 1870 г.

его внимание не было бы обращено и не имело бы полезных последствий. Делопроизводство облегчено; по присутственным местам пресечены злоупотребления; отправление повинностей так устроено, что обыватели были в выгоде и правительство почти не знало недоимок, столь в прежнее время значительных. Губернский город украшен прекрасною береговой улицей, валом и бульваром. Промышленность в Перми до него была так слаба, что мясо в лавках не продавалось и было крайне дорого. Карл Федорович обеспечил со всех сторон продовольствие города и дал правильный ход торговле жизненными припасами. Пока училища находились в ведении губернаторов, устроил он для гимназии каменный дом прекрасной наружности (сгоревший в пожар 1842 г. и потом перестроенный с фундамента), снабдил ее библиотекою, физическими инструментами и минералогическим кабинетом; учредил воспитательный дом, по справедливости обративший на себя внимание правительства и находившийся при нем в самом цветущем положении; значительно увеличил капитал Приказа общественного призрения и вместе с тем человеколюбивые его заведения; по недостатку ремесленников, снабдил ими Пермь из ссыльных за неважные преступления, чем оказал городу большое облегчение.

Дороги Пермской губернии, пересекаемые значительными горами и реками, были в самом ужасном состоянии; без издержек для казны и без отягощения обывателей, он довел до такого совершенства, что им удивлялись иностранцы, видевшие шоссе Франции и Англии, особенно если принять во внимание протяженность губернии. Заводчики и их рабочие, конечно, долго будут помнить этого начальника, создавшего для них столь много удобств и устранившего существовавшие дотоле важные недоразумения. Им же образовано Управление казенных горных заводов по Уральскому хребту на основании высочайше утвержденного в 1806 г. положения. Иноверцы, в Пермской губернии живущие и считавшие себя дотоле как бы чужестранцами в России, вследствие просвещенных мер Модераха начали сближаться с коренными жителями. Северо-Екатерининский канал, обещавший значительные выгоды торговле северного края и удобство снабжения Архангельска лиственничным лесом, отстраивался под главным его руководством.

Хозяйственное описание Пермской губернии, составленное директором училищ Поповым под руководством Модераха, до сих пор считается лучшим сочинением в этом роде.

Карл Федорович Модерах был незаменимый деятель для Пермского края. Многое, созданное им в Перми, живо еще до сих пор, хотя вместе с тем многое и приходит в упадок. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь занялся собиранием биографических и по административной его деятельности сведений.

Смышляев Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. — Пермь, 1876. — С. 81—84.

Публикуется впервые

Формулярный список пермского губернатора К. Ф. Модераха

1804

Тайный советник и орденов российских св. Анны 1-го класса, военного св. великомученика победоносца Георгия 4-го класса, св. равноапостольного князя Владимира 3-й степени кавалер Карл Федоров сын Модерах находится ныне гражданским губернатором в Пермской губернии, 57-ми лет.

Из дворян, немецкой нации, урожден в России.

Крепостных крестьян не имеет.

В высокославную российскую военную службу вступил из обучавшихся на своем коште в инженерный корпус в кондукторы во 2-й класс — 1764 янв. 8.

В штат генерал-майора в флигель-адъютанты — 1764 апреля 1.

Инженер-подпоручиком 1768 янв. 21.

Инженер-поручиком 1771 июля 1.

Инженер-капитаном 1775 окт. 1.

Инженер-майором 1781 янв. 2.

Инженер-подполковником 1787 янв. 1.

Инженер-полковником 1789 июня 9.

Высочайшим именованным его императорского величества указом определен в гражданскую службу в экспедицию о государственных доходах на вакансию советника 1789 июня 23.

В Пермскую губернию губернатором 1796 апр. 29.
 Действительным статским советником 1797 янв. 6.
 Тайным советником 1800 июля 2.

За усердную службу и особливые труды по водяным и другим работам пожалован кавалером ордена св. Владимира 4-го класса.

За ревность и усердие к службе в продолжении оной более 25 лет в действительном офицерском чине и должности награжден орденом военным св. Георгия 4-го класса — 1789 нояб. 26.

За усердную службу, радение в должности и ревностные труды пожалован кавалером ордена св. Владимира 3-й степени — 1793 сент. 2.

В знак высочайшего благоволения к усердию и трудам пожалован орденом св. Анны 2-го класса — 1799 дек. 22.

В знак благоволения его императорского величества за попечение и ревностные труды всемилостивейше пожалован орденом св. Анны 1-го класса — 1802 февр. 7.

За усердие к службе и труды для благоустройства высочайше вверенной ему губернии всемилостивейше пожалован знаками ордена св. Анны 1-го класса, алмазами украшенными, — 1804 июля 22.

Во время службы в походах и командировках был в первую Турецкую войну в 1-й армии, а именно в 1769 и 1770 гг. при всех сражениях, при атаке и взятии города Хотина и по взятии оного в Покуции и Молдавии Догалец, что на Дунае, для укрепления разных мест.

В конце 1770 г. отправлен в Санкт-Петербург.

В 1772 и 1773 гг. для осмотра крепостей и сочинения разных планов — в Финляндию, до шведской границы, и обратно в Санкт-Петербург, где с оного года до определения в экспедицию о государственных доходах состоял при производстве водяных в столице и окрестных местах работ и при строении разных казенных зданий.

Сверх того был членом в комиссии строения Екатерининского канала и Фонтанной реки.

В 1793 г. по высочайшему именному повелению отправлен к городу Архангельску по случаю бывшего там пожара, для осмотра города, и обратно в Петербург.

1794 мая 2 по высочайшему же именному повелению отправлен членом в комиссию, учрежденную для освидетельствования счетов по флотилии, бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну, и для рас-

смотрения разных по той флотилии претензий, с исправлением должности советника и по экспедиции о доходах.

Женат и имеет сына Александра, 23-х лет, [сын] находится в Екатеринбургском мушкетерском полку адъютантом.

ГАПО, ф. 36, оп. 1, д. 19, л. 3—4. Подлинник. Подготовил к публикации Л. С. К а ш и х и н.

Из воспоминаний Ф. Ф. Вигеля о пребывании в Перми летом 1805 г.*

...Скоро вступили мы в переднюю Сибири, в Пермскую губернию; тут опять появились русские селения. Мы нашли один только труп городишка Оханска, который за месяц до нашего приезда весь выгорел. На крутом берегу Камы высоко и одиноко торчал еще дом, занимаемый приказчиком Злобина, содержателя питейного откупа во всей губернии. Он угостил нас по-злобински, пока через реку переправляли наши повозки. Славное вино развеселило сердца наши, и радость в нас умножилась, когда в сопровождении сего приказчика на двенадцативесельном катере, оглашенные песнями его гребцов, мы стрелой полетели через широкую Каму.

Долг благодарности заставил нас вспомнить о Юшковых, о Гоньбе, о реке Вятке. Но что она в сравнении с Камой, с этим образчиком рек зауральских! Всем она взяла, сия величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагают, что она в Волгу, а не Волга в нее впадает.

Ночью, часу во втором, приехали мы в губернский город Пермь и достучались у городничего до указания нам квартиры. Въехав в Пермь, особенно при темноте, некоторое время почитали мы себя в поле: не было тогда города, где бы улицы были шире и дома ниже. Это было не царство, как Казань и Астрахань, не княжеский удельный город, даже не слобода, которая, распространяясь,

●
* Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), русский чиновник, писатель-мемуарист, близкий к литературным кругам, член общества «Арзамас», автор воспоминаний, охватывающих период с начала XIX в. до 1830 г. Летом 1805 г. Ф. Ф. Вигель находился в Перми проездом, направляясь в составе посольства графа Головкина в Китай.

заставила посадить в себя сперва воеводу; это было пустое место, которому лет за двадцать перед тем велено быть губернским городом: и оно послушалось, только медленно.

Торговля есть первое условие существования новых городов, и здесь хотя слабо, но она одна его поддерживала. Десяток каменных двухэтажных купеческих домов красовались уже в стороне на берегу Камы, тогда как главный въезд и главные улицы находились в том виде, в котором ночью не столько узрели мы, как угадали их. Утром мы еще более изумились пустоте города Перми: только одна узкая дорога посреди улицы была наезжена, все остальное обратилось в тучные луга, на которых паслись сотни гусей.

До начала XVIII столетия это был небольшой посад, но когда в 1723 г. здесь были открыты залежи руды, то в 1781 г. посад был объявлен городом. В то время Пермь едва оправдывала название губернского города. Улицы узкие и грязные, никаких памятников, дома маленькие, а о гостиницах и говорить нечего...

Середина XIX в.

Жюль Верн
«Михаил Строгов»

Приехавший прежде нас и зажившийся за починками казначей посольства Осипов напугал нас рассказом о начальнике губернии, которого представил сущим медведем.

Это был Карл Федорович Модерах, сын одного учителя математики в кадетском корпусе, как я слышал от отца моего. Верно, сын хорошо учился у отца, ибо в свое время почитался у нас одним из лучших инженеров: по его проекту и под его наблюдением берега Фонтанки были выложены гранитом. Года за два до смерти Екатерины назначен он был губернатором в Пермь и с тех пор никогда не выезжал из своей губернии. Мысль о благе вверенного ему края так овладела им, что он день отлучки

почитал вредным для него. Однако же и по заочности был он уважаем и награждаем при Павле и при Александре. И в этом самом 1805 г. к Пермской его губернии прибавили ему Вятскую, поставив его над обеими генерал-губернатором; в Пермь же покамест губернатора не назначали.

Поистине, он не был любезен, сей камергерской добродетели в нем не было. Уединенная и вместе деятельная жизнь в отдаленном месте хоть кого заставит потеть желанием и забыть о способах нравиться, колыми паще людей серьезных, со строгою нравственностью. Модерах был честен, добр, умен и сведущ в делах, но как все, великими трудами приобретенное, ценится более, чем даровое, то и генерал-губернаторство свое, кажется, ставил он наравне с владетельным герцогством. К тому же как в Перми нет других дворян, как заводчиков, живущих в столицах, то более десяти лет и не видел он никого, кроме подчиненных, а между проезжими по большей части мелких чиновников и ссыльных, — вот что обращению его давало холодность, сухость, которые не совсем были приятны.

Мы нарядились в мундиры и пошли к нему *in corpore*. Рядом с его домом был другой, одинаковой с ним величины, в котором находилось губернское правление. Он в это время там присутствовал, и нас, Бог весть зачем, туда повели. Доложили об нас, и он велел нам сказать, чтобы мы приходили в другой час, а что тут не место, не время ему нас принимать. Мы то же думали, но только можно было ответ сделать поучтивее. Все это нам так не понравилось, что мы, возвратясь домой, замышляли, не видевшись с ним, на другое утро пуститься далее. По крайней мере, мы были довольны нашею квартирой в чистеньком доме часовых дел мастера Розенберга, который уверял нас, будто он двоюродный брат генерала его имени. Мы обедали в его саду, в который выход был прямо из наших комнат. После обеда приехал городничий от имени генерал-губернатора звать нас на другой день к нему обедать. Итак, отъезд наш мы должны были отложить до следующего вечера.

Мы нашли г. Модераха чрезвычайно важным, что нам весьма не полюбилось, особливо после чересчур доброго Мансурова. Семейство его состояло налицо из жены и шести дочерей — двух замужних и четырех де-

виц. Единственный сын был в военной службе и в отсутствии. Генерал-губернаторша была добрая немка, которая, как нам казалось, охотно должна была ходить и на кухню, и в погреб. Старшая дочь была замужем за председателем уголовной палаты, статским советником Иваном Михайловичем Энгельгардтом. Четыре взрослые девочки были только что молоды.

Но, как алмаз, вправленный в олово, так сияла посреди сего семейства вторая дочь Модераха, Софья Карловна, выданная за генерал-лейтенанта Аггея Степановича Певцова, инспектора пехотной дивизии и шефа Екатеринбургского полка, который в том городе и состоял на квартирах. Муж поехал осматривать полки, а жену покамест отправил к родителям. Она была двадцати трех лет. Столь милого личика и столь пристойного, умного кокетства трудно было найти. От ее взоров и речей все наше отделение вдруг воспламенилось. Сам ледяной Сухтелен начал таять, а бедный наш Нелидов!.. Чудесная сия женщина была вместе с тем и просвещеннейшая из всех тех, коих я дотоле видел. Свободно выражалась на иностранных языках, наслаждалась всеми цветами литературы и, в преддверии Азии, читая журналы, знала все, что происходит в Европе. Разумеется, что наш отъезд был еще отложен: нас в тот же день пригласили еще на вечер.

Кто в Каме ловился?

Пока на Волге и Каме не было плотин и воды их не были загрязнены стоками, к нам приходили из Каспия белуга, осетр, белорыбица. Поднимались они на сотни и тысячи километров во имя продолжения жизни — шли на нерест. И нередко становились добычей удачливых рыболовов.

Пермский краевед Н. Н. Новокрещенных в своей «Летописи» (1889 г.) приводит такой пример. 15 мая 1805 г. при впадении реки Чусовой в Каму местный крестьянин Климентий Яшин поймал белугу весом 13 пудов (213 кг!). Одна половина рыбы была поднесена пермскому губернатору Модераху, а другая — его зятю Энгельгардту. За выловленную белугу удачливый рыболов получил 52 руб. — по тому времени целое состояние.

Вес белуги 213 кг далеко не предел. Белуга, одна из самых крупных пресноводных рыб, достигает тонны веса. В прошлом белуга поднималась по Каме до ее верховьев.

С. Ф. Николаев

Исключая Сухтелена, старика, и брата, генерал-инженера, Модерах почти никого из нас не замечал. Надобно думать, что старшие дочери в отсутствие наше шепнули ему что-нибудь для нас выгодное, представив людьми довольно порядочными и, может быть, кто знает, женихами для меньших его дочерей, потому что вечером был он внимательнее и приветливее к нам. Были собраны какие-то два-три аматера, чтобы сопровождать (аккомпанировать) одну из младших дочерей, которая перед нами хотела блеснуть музыкальным искусством, довольно странным для женщины: она играла на скрипке. Но если бы она играла и на контрабасе, то я мало бы тому подивился, быв совершенно углублен в созерцание сестры ее, Певцовой.

Сия чародейка, желая продлить наше пребывание в Перми, заставила зятя своего, Энгельгардта, пригласить нас на другой день к себе обедать. Третий день, 22 июля, был табельный, именины императрицы Марии Федоровны, в который генерал-губернатору надлежало дать официальный обед; [но так] как Модерах был беден и расчетлив, то и отпраздновали мы сей день партикулярным образом. На обед, на бал и на ужин пригласил нас пермский амфитрион, губернский казначей Дягилев, у которого в этот день жена была именинница. Мы было хотели отговориться, но Софья Карловна нам не велела. Мы знали одно только семейство Модераха — тут увидели мы все пермское общество, и я нашел, что оно двумя десятками годов от пензенского и казанского. Мужчины без всенижайшего поклона не подходили к дамам и говорили [с ними] с беспрестанным словоерсом.

Итак, вместо одних суток прожили мы почти пять и только 23 июля вырвались из пустого города, оживленного присутствием одного превосходного существа. Об нем были все помышления, все разговоры согласных соперников в первый день разлуки с ним. Но дорожные впечатления, как бы сильны они ни были, скоро изглаживаются новыми...

Вигель Ф. Ф. Воспоминания. — М., 1864.—Ч. 2.—С. 142—147.

Д. Д. СМЫШЛЯЕВ *

ПОЖАР В ПЕРМИ 14 СЕНТЯБРЯ 1842 г.

Из юношеских воспоминаний

Пожар, уничтоживший в августе 1842 г. значительную часть города Казани, произвел странное впечатление на пермяков. Почему-то большая часть их стали высказывать опасение и за Пермь. Впрочем, эти опасения носили на себе некоторое время характер обыкновенных провинциальных толков, пока весь город не был окончательно встревожен в первых числах сентября слухами о найденных в разных местах анонимных записках, заключавших в себе предупреждения о том, что 14 сентября город Пермь будет выжжен; в некоторых записках предлагалось даже жителям заблаговременно принять меры к спасению их имуществ. Мне не случилось, конечно, видеть ни одной из подброшенных записок; но я могу удостоверить, что слухи о них были общими, и это могут, без всякого сомнения, подтвердить все современники катастрофы 14 сентября.

Страшное смятение распространилось между пермяками. Все глубоко были убеждены, что предсказание сбудется, но никак не могли себе представить, каким образом оно сбудется; никто не постигал возможности обще-

●
* Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 163—172.

го пожара. Как теперь помню тогдашние толки: «Ну, положим, — говорили пермяки, — что загорится дом, ну, не подоспеет вовремя пожарная команда — сгорит этот дом, ну, соседний дом сгорит, ну, пожалуй, еще и третий... Но ведь наконец потушат же... Особенно, как будут все в ожидании, то ведь весь город сбежится на пожар и распространиться огню не дадут. Вот недавно (т. е. года два назад) загорелся дом Засухина: мигом сбежался народ, и дело кончилось тем, что обгорели две стены да часть крыши, — остальное отстояли... Оно конечно... Казань ведь сгорела же, да и ни с того ни с сего не станут подкидывать записки, в которых с такою уверенностью говорится о будущем пожаре... Пожалуй, чего доброго, ежели это поляки шалят... Так от них всего ждать можно: народ злющий, — коли пойдет на пакость, так делает свое дело... А впрочем, кто же знает, что это такое? Точно последние времена переживаем...»

Многие из пермяков не довольствовались такими толками; но, следуя совету неизвестных пророков, принялись прибирать что поценнее из имущества, дабы на случай было под рукою. Были даже такие, которые втихомолку, ночью порою, пытались вывезти кое-что в безопасные места, за город; но полиция, вероятно, желая предохранить город от общей сумятицы, силою понуждала их возвратиться с имуществом восвояси. Время шло. Общее беспокойство росло, во-первых, с приближением назначенного в записках срока, во-вторых, вследствие слухов о новых записках, о пойманных будто бы где-то подозрительных людях, при которых найдены легковоспламеняющиеся составы...

Раз я помню на нашей улице страшный гвалт: толпа людей с шумом вела какого-то человека высокого роста, в длинном засаленном нанковом сюртуке... Некоторые из толпы били и толкали его, и все без исключения ругали... Я испугался и с сильно бьющимся сердцем убежал в свою комнату. Не помню, в какой день это было, но только с этого времени в доме у нас начали рыться по сундукам и кладовым. Моя мать (отец еще не возвращался с Нижегородской ярмарки) и нянька Варвара Ивановна хлопотали больше всех... Бремя правления домами возложено было отцом моим на время его отсутствия на конторщика Александра Ивановича. Это был длинный худощавый человек, весьма честный, но трусливый,

как ребенок. Он только молился, плакал и дрожащими руками разбирал деловые бумаги и книги, из которых впоследствии оказались спасенными большею частью те, которые можно было бы без всякого сожаления оставить на жертву огню, а более нужные документы и ценные вещи, бывшие в кабинете отца, сгорели. Кроме описанных приготовлений, в нашем доме введены были предосторожности, которые стали общими во всем городе. Половина жильцов спала днем, другая ночью; бодрствующие, все без исключения, были в карауле. Я особенно хлопотал, чтобы на мою долю приходился ночной караул. Мне нравились эта тревожная осторожность, стук в доски и палки, переключки: «слушай! послушивай! посматривай!» — которые оглашали весь город и в которых я принимал ревностное участие, — холодная лунная ночь, легкая дрожь под теплым полушубком, разговоры с соседними караульщиками и дрема, одолевавшая под утро усталый организм... гордился тем, что принимал участие в деле взрослых, и чувствовал в себе готовность и силы к чему-то, чего я, впрочем, сам не понимал хорошо. Однажды меня разбудил днем двоюродный брат — мой однолесток; покрасневшись и запыхавшись, рассказал он мне, что в соседнем квартале вспыхнул забор, который был вымазан каким-то составом, что его тотчас же потушили и вытесали топором все подозрительные пятна, и приглашал меня, конечно, сбежать — посмотреть. Я мигом оделся, и мы полетели, как сумасшедшие. Действительно, забор оказался весь в белых пятнах: это были места, вырубленные топором. Кучка народу еще не разошлась, и некоторые стояли с топорами в руках, рассуждая о происшедшем и внимательно осматривая, не осталось ли еще на заборе такого места, которое следовало бы вырубить для безопасности... Слухи о поджигателях повторялись все чаще, и, кажется, не осталось ни одного деревянного забора за несколько дней до пожара, на котором не белели следы топора. Весь город был в напряженно-тревожном ожидании.

В субботу 12 сентября часа в три пополудни мне как будто в сердце стукнул первый удар набатного колокола. Я замер и присел на месте; я чувствовал, как вся кровь во мне устремилась внутрь и сбежала с лица, с языка; руки и ноги у меня задрожали, я почувствовал, что не в состоянии двинуться, и, воображивши, что огонь

уже вокруг меня, крикнул в отчаянии не своим голосом. Откуда-то взялась передо мною Варвара Ивановна, также испуганная, схватила меня за руку и, крестясь и читая молитвы, вытащила на улицу. «Господи! Господи! Согрешили мы, грешные... Господи, помилуй! Знать, последнее время настало... Смотри-ко, дым-от какой валит...» — бормотала она. Я взглянул вправо и в самом деле увидел клуб черного густого дыма, который, как туча, поднялся вдали из-за гимназии и другого нашего дома, недавно купленного отцом. Мне показалось было, что именно эти здания и горят; но меня тут же успокоили (все домашние толпились за воротами) рассуждения о том, что это должно быть не близко и, вероятно, горит Александровская больница.

В это время выехал из ворот верхом на иноходце один из приказчиков моего отца и поскакал по направлению пожара. Вслед ему кричали все, чтобы он хорошенько узнал, где горит, и чтобы скорее возвращался рассказать, что и как... Мало-помалу я, что называется, отошел, и уверенность в отдаленности пожара совершенно меня ободрила. С двоюродным братом, о котором я уже говорил, мы побежали на вышку (чердак) дома, где застали кое-кого из прислуги, занятой наблюдениями чрез слуховое окно. Мы присоединились к ним и пробыли там с полчаса, пока не увидели гонца, возвращавшегося с пожара. Сбежавши во двор, мы узнали, что горит столовая в отделении кантонистов, что пожарная команда сильно работает и множество жителей ей помогают и что, вероятно, пожару распространиться не дадут. Так и случилось. Часа через два уже дым едва заметен был от нашего дома. Если допустить справедливость общей уверенности, что пожар 14 сентября произошел от поджога и имел связь с подброшенными записками, то на этот предварительный пожар 12 числа должно смотреть как на удостоверение со стороны поджигателей в том, что предсказанное ими непременно совершится. И здание выбрано было ими для этой цели именно такое, от которого огонь не мог далее распространиться, — здание, стоящее особняком и притом пустое. Что же за надобность была им предостерегать жителей и советовать принять меры к сохранению имущества, если уже они задумали недоброе дело истребления города? Признаюсь, это для меня, как и для всех пермяков, неразрешимая загадка.

После пожара 12 сентября жителей города обуял такой панический страх, что некоторые из них считали даже излишним готовить что-нибудь к спасению от предстоящей беды; они были уверены, что это было совершенно излишне, что, куда бы они ни вывозили свои имущества, все равно они будут истреблены, если не огнем, то какими-нибудь другими средствами. Они уже представляли себе ожидаемое событие совершившимся и, как древние израильтяне на реках вавилонских, сидели и плакали... А неумолимое время шло, не обращая внимания на их бесполезные сетования и слезы...

Утро 14 сентября было в полном смысле прекрасное. Солнце так приветливо облило Пермь своими теплыми лучами, такую жизнь наполнило воздух, так сладко защебетали птички на деревьях, что трудно было видеть в этом предзнаменование чего-нибудь недоброго. Пермь, несмотря на тревожные ожидания свои, толпами повалили в церкви праздновать Воздвижение Честного и Животворящего Креста... О, как многим из них памятно это прекрасное утро!..

Едва народ успел наполнить церкви, как благовест во-вся смешался со зловещими монотонными звуками набата. Нет надобности говорить о том, что никто уже не сомневался в беде, грозившей городу, и все вне себя бросились по своим домам — спасать, что еще можно спасти. Не помню, что со мною было в это время, вижу только, как теперь, мать мою и ее безотлучную в продолжение всего тревожного времени Варвару Ивановну, установлявших на окне спальни, открытом к стороне пожара, образа и молившихся. Потом вижу их в кладовой со сводами, беспорядочно вынимавших разный хлам из сундуков и, как водится, оставлявших что получше на погибель... Суматоха в доме была общая; всякий отпирал, что хотел, брал, что вздумалось, бил или укладывал в экипажи, что первое попадалось под руку. Часа, должно быть, через два телеги и разные экипажи были набиты битком разными разностями. Меня усадили с сестрами в огромную старинную бричку, вывезенную когда-то отцом из Киева, на груди разного скарба. Вместе с нами отправила мать, сохранившая некоторое присутствие духа, Александра Ивановича, — для присмотра ли за нами, или потому, что он только мешал всем в доме своими рыданиями и совершенною неспособностью что-нибудь пред-

принять для спасения. Он, действительно, плакал навзрыд, как ребенок, молился, уселся без шапки, спиной к козлам, с образом в руках. Обоз наш потянулся на канатную фабрику, находившуюся в полуверсте от города. Мы приехали наконец к месту назначения, разгрузились и отправили экипажи обратно. Что со мною было далее, до вечера, я не помню. Только и представляется мне теперь — бульвар, окаймляющий город, и густые клубы дыма, из-за него выходящие, как из жерла колоссальной трубы, да свист и треск пламени, которое, несмотря на ясный день, багровыми полосами колыхалось в дыму. Под вечер к нам наехали со своими пожитками многие из городских знакомых, и наш небольшой загородный дом наполнился до того людьми, сундуками, узлами и разным скарбом, что в полном смысле слова не только пройти или прилечь — яблочку было негде упасть.

Наступила ночь; страшное зарево заиграло на небе, и город весь потонул в огне... Между бульваром и нашей фабрикою все пространство загорелось огнями костров, и, как днем, можно было видеть жителей, выехавших в поле из города с их имуществами. Тот же крик, что и накануне, «слушай!» раздавался в тысяче отголосков, но уже не слышно было ни «послушивай!», ни «подсматривай!». Было не до шуток и смеха... Мне хотелось взглянуть, что делается в этом лагере, и я присоединился к кучке любопытных, отправлявшихся туда же. Сердце поворачивается, когда я вспомню то, что видел в эту ночь! Было не до церемоний, не до поддержания собственного достоинства — аристократы, перемешанные с плебейми, кого в чем застал пожар и что на ком уцелело во время общей суматохи, в беспорядке бродили между грудями спасенного в самом жалком виде имущества... Раздавался крик голодных и напуганных детей, стонания и вопли взрослых, из которых многие лишились последнего, бабы голосили на разные тоны... все измученные, убитые горем, с мыслию о котором еще не успели свыкнуться... Не дай Бог быть свидетелем в другой раз подобной сцены!

В эту-то роковую ночь возвратился мой отец из Нижегородской ярмарки. Еще в Оханске он услышал весть о пожаре; на вопрос: целы ли его дома? — ему отвечали, что, должно быть, целы. Нанявши лучших лошадей, он погнал в Перь в надежде поспеть вовремя; но — увы! —

на заставе он узнал, что уже дома его горят, а семейство выехало на фабрику, вследствие чего он и повернул к нам. Не нужно говорить, что свидание было не радостное. Не более как через четверть часа он уже летел в город, забравши с собою лошадей в телегах и фабричных рабочих. Страшная картина ожидала его. Сквозь дым и пламя, чрез горящие на перекрестках мосты над канавами проскакали они из конца в конец Сибирскую улицу. Доехавши до большого, вновь купленного дома, отец увидел, что загорелось крыльцо, обращенное к гимназии, которая была уже вся в огне. Весьма бы легко еще было спасти дом, если бы одна-две пожарные трубы были под рукою... Уславши людей с бочками за водою, отец сам бросился к полицеймейстеру Вайгелю просить у него пожарных инструментов — ему не дали. Часа через два, испытавши безуспешно все средства, он снова в отчаянии кинулся к полицеймейстеру, и — уж не знаю, чем купил на этот раз его милость, — инструменты явились, но было поздно: дом обнялся весь огнем. Отец махнул на него рукой и отправился к другому дому, в котором мы сами жили до пожара; но тот уже догорал в это время. Во дворе его отец мой нашел нянюшку Варвару Ивановну, которую в суматохе забыли и которая не хотела оставить дома. В огне и дыму бродила она около развалин в одном ситцевом платье и горько плакала. До последней поры она вытаскивала из кладовых, что могла, хотя и без пользы, потому что это все погорело на дворе. Отец мой, видя, что все усилия спасти что-либо напрасны, возвратился к нам и, конечно, привез с собою и Варвару Ивановну.

Покойный Василий Васильевич Парначев рассказывал впоследствии, что, проходя на другой день часу в десятом утра мимо большого нашего дома, он видел, что солдаты пожарной команды, присланные, как выше было сказано, по просьбе отца моего для тушения пожара, разбили двери подвала, вытащили ящик шампанского и перепились... Двое из них отбили горлышко у бутылки и, потешаясь тем, что нагретое вино било вон, поочередно вливали его со смехом и ругательствами друг другу в рот; их товарищи давно спали мертвецким сном, подвергаясь опасности сгореть вместе с домом. Кто их спас — не знаю; но инструменты, с ними бывшие, действительно сгорели, что случилось, кажется, уже около полудня

15 числа. Не одна такая безобразная сцена разыгралась в эти несчастные для Перми дни.

Многим пермякам сильно памятен пожар 14 сентября, и некоторые в течение многих лет не могли после него оправиться; но едва ли не больше всех чувствителен он был для моего отца. Много добра погорело у него: разные товары в амбарах, в кабинете — документы на разных лиц, даже акты о его личности, большая библиотека, в которой много было библиографических редкостей, оригинальных старинных рукописей и списков; библиотека эта была им куплена у генерала Томилова. Кроме того, сгорел большой минеральный кабинет, приобретенный им в старые времена от одного любителя за 10 тыс. ассигнациями. В нем было много редких штуфов, каких уже ныне и найти нельзя. Но едва ли не чувствительнее всего этого была для моего отца потеря переписки его с графом Сперанским, с которым он был в весьма близких отношениях со времени ссылки графа в Пермь до самой смерти. Много и в других домах погорело подобных драгоценностей: так, у Мерзлякова сгорели бумаги, доставшиеся ему после смерти его родственника, известного профессора и поэта. Иван Федорович берег их, понимая им цену, и у него хранились даже детские прописи Алексея Федоровича. У одного чиновника Ка-

20 января 1838 г. вышел первый номер газеты «Пермские губернские ведомости». Он был необычным. По формату журнал, но не газета. Напечатан на толстой серой бумаге. И весь состоит из официальных материалов. Открывается номер пространном постановлением губернских властей об издании газеты. Далее сообщается о распределении дел в губернском правлении, о разделении уездов губернии на полицейские участки. Тираж номера — 250 экземпляров.

Долгие годы «Пермские губернские ведомости» выходили один раз в неделю. В официальном отделе газеты большое место занимали объявления о вызове отдельных лиц в присутственные и судебные места, о задержании беглых, о бегстве крепостных «от заводских господских работ». Бегство принимало такие большие размеры, что для публикации списков сбежавших крестьян газета ввела специальное «прибавление». В одном из таких приложений, относящихся к номеру за 18 июля 1858 г., перечислены 75 крестьян, сбежавших с заводов действительного статского советника Александра Всеволожского.

С. Ф. Николаев

Копилка краеведа

зенной палаты сгорел полный сундук рукописей замечательного человека своего времени — учителя гимназии Феонова. Да всего и не перечтешь!

Прибавлю к моим юношеским впечатлениям еще следующие заметки. Огонь показался первоначально на сеннике при постоялом дворе мещанина Никулина, в Екатерининской улице. При сильном ветре он быстро пошел по левой стороне этой улицы к реке Ягошихе и в то же время с дому губернского землемера Киттары (теперь мещанина Федотова, по прозванию Протаски), направился к Каме, по правой стороне Оханского проулка. В Екатерининской улице пожар дошел до Соликамского проулка и к Петропавловскому собору, по Пермской улице. Почти в то же время, как вспыхнул дом Никулина, загорелась на Ягошихе пыльная мельница, т. е. город загорелся не в одном месте, а с двух противоположных сторон — одновременно. От мельницы пыльной огонь сообщился круподерке, стоявшей ниже, и зданиям, расположенным по берегу Ягошихи. Между тем, пламя по Оханскому проулку шло до теперешнего полицейского пруда, истребив все строения по ту и другую сторону, захватило часть Покровской улицы до Широкого переулка, направилось к Сибирскому проулку и Торговой площади, по Торговой и Монастырской улицам и наконец слилось с пожаром, бушевавшим около Ягошихи и Петропавловского собора. Таким образом, менее чем в сутки пространство, ограниченное левою по направлению к Ягошихе стороною Екатерининской улицы до Соликамского проулка, Широким и Верхотурским проулками, ручьем Медведкою, Ягошихою и Камою, обратилось в дымящуюся площадь, уставленную печными трубами деревянных и обгорелыми стенами каменных домов. Сгорело в этот пожар невступно 300 домов. Говорят, будто зарево пожара видно было в Оханске, верст за 67 от Перми. Погоревшие и непогоревшие жители города переправились за бульвар, на берега Камы, Ягошихи и в другие безопасные места. Несмотря на весьма холодное время, погорельцы оставались на бивуаках, пока начальство не сделало распоряжения об отводе им бесплатных квартир в уцелевших от пожара домах. Вскоре получена была значительная сумма от покойного государя Николая Павловича для раздачи единовременного пособия погоревшим и, кроме того, особая сумма, предназначав-

шаяся для денежных ссуд тем из них, которые желали строиться; ссуды раздавались на 17 лет, без процентов за два первые и с процентами за остальные 15 лет. Сверх того, тогдашний председатель палаты государственных имуществ Кузьминский исходатайствовал у своего начальства разрешение на выдачу годового, не в зачет, жалования тем из своих подчиненных, которые пострадали от пожара.

Довольно трудно судить о причинах описанного бедствия, хотя, конечно, более вероятно, что оно произошло от злонамеренности. Городское общество, недовольное действиями полиции, жаловалось на нее министру, вследствие чего приезжал в Пермь флигель-адъютант государя для исследования дела, которое окончилось переводом полицеймейстера в другую губернию.

В календаре на 1842 г. записано рукою моего отца на сентябрьской странице следующее: «Выехал из Нижнего 6-го ч.; в Казань приехал 8-го вечером; приехал в Пермь 15-го поутру, в 4 часа, тогда, когда выгорел город и два дома мои — тоже загорелись; можно бы помочь, но полиция не дала машин».

Н. Д. Аленчикова

ПЕРВЫЕ УЛИЧНЫЕ ФОНАРИ

Город засыпает, гаснут окна домов, и на посту, освещая путь запоздалому прохожему, остаются только фонари. Когда же появились фонари на улицах Перми?

В государственном архиве Пермской области, в материалах канцелярии пермского губернатора, сохранилось дело, первый документ в которое был подшит почти 170 лет назад, в конце первой четверти XIX в. Это «Дело о построении будок и фонарей». В нем более 100 документов, однако строительству будок, предназначенных для укрытия в непогоду сторожевой охраны, посвящено лишь несколько документов. Все остальные относятся к построению фонарей.

Впервые вопрос о введении освещения улиц Перми в ночное время был поднят в 1825 г. 3 ноября 1825 г. пермский губернатор К. Я. Тюфяев предписал губернскому архитектору Васильеву «сделать исчисление на постройку и крашение столбов и фонарей для освещения города». Васильев довольно быстро справился с пору-

ченной работой и через неделю доложил губернатору, что «исчисление на постройку столба, окрашивание его масляною краскою и фонаря с оправленным железом для освещения города мною сделано, сметы и рисунки столбов Вашему превосходительству на рассмотрение при сем представляю».

Первоначально проектировалось установить в городе 1069 фонарей, «полагая расстояние между оными в 20 сажен»*.

Казалось бы, такое внутригородское дело могло быть разрешено на месте, без столичной санкции. Оказывается, нельзя, и 12 ноября 1825 г. пермский губернатор пишет представление в Министерство внутренних дел об устройстве «из городских доходов или из поземельного сбора до 100 фонарей со столбами для освещения города». Ответ пришел в феврале 1826 г.

Идею создания уличного освещения пермское общество приняло восторженно. Городская дума, во главе которой стоял в то время Д. Е. Смышляев, устроила торги на продажу подряда для устройства столбов с фонарями...

Подряд на изготовление фонарей получили пермский мещанин Петр Корзухин и крестьянин Владимирской губернии Петр Никитин. К концу апреля 1826 г. было уже изготовлено 50 фонарей и 300 столбов для них.

Затем дело застопорилось из-за того, что подрядчик вставил в фонари вместо полубелых зеленые стекла и окрасил столбы не в тот цвет. Фонари нужно было переделывать, это требовало дополнительных затрат. Кроме того, потребовалось утверждение в министерстве «Табели о количестве масла и фитиля, потребных для освещения города Перми», что заняло еще полгода.

В конце июня 1827 г. «построение в городе Перми фонарей приводится к окончанию». Однако потребовалось еще почти два года для того, чтобы они стали источником света на вечерних улицах. Городская дума никак не могла договориться с городничим относительно организации обслуживания фонарей: ведь их нужно было зажигать, гасить, чистить закопченные стекла. Наконец 25 сентября 1829 г. городничий пишет рапорт возмущенному бесконечными проволочками губернатору о том, что «городская полиция освещение фонарей по присланной смете согласна на себя принять и обязанность сию посредством будочников выполнять с тем, чтобы на исправление и починку 250 фонарей отпускалось не менее 250 руб. и сверх того от думы сделаны были 20 лестниц, 20 железных фонариков и потребные фляжки, мерки и воронки».

Четыре года длилась эта переписка. Осенью 1829 г. в вечерние

* Сажень равняется 2,13 м.

сумерки затеплились первые огоньки в установленных на улицах города фонарях. Заранее было условлено, что они должны зажигаться только в период с сентября до апреля, причем для каждого месяца было четко определено время, когда следовало их зажигать. Например, в сентябре полагалось зажигать фонари не ранее 7 часов вечера, в период с ноября по февраль — в 5 часов, в апреле — в 8 часов вечера. Гасить фонари полагалось в 12 часов ночи. Но даже при таком умеренном режиме фонари пользовали огромное количество масла в месяц: в самые темные месяцы — свыше 32 пудов, в апреле — немного меньше 19 пудов. Сейчас трудно уже судить о том, чего они больше давали — света или копоти. Но так освещались все города России в то время: с керосином человечество еще не было знакомо, не говоря уже об электричестве. Для Перми устройство уличного освещения было большим событием, которым мог похвастать далеко не каждый губернский город.

Свыше 30 лет горело масло в фонарях на пермских улицах. С появлением промышленного производства керосина город постепенно перешел на керосиновое освещение. Первый опыт такого освещения был проведен 25 июля 1863 г.

В. С. ВЕРХОЛАНЦЕВ

ГОРОД ПЕРМЬ, ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ *

Главы из книги

Быт жителей города Перми

Первые сведения о жизни обитателей города Перми мы находим в «Хозяйственном описании Пермской губернии». Приступая к подробному описанию образа жизни жителей Перми, автор прежде всего останавливается на их жилищах. Дома небогатых пермяков обыкновенно устраивались из двух комнат — чистой горницы и черной избы, соединенных между собою длинными сенями из стоячих досок, в которых устраивались чуланы (кладовые), где хранился домашний скарб. Наиболее же зажиточные строили двухэтажный дом, при этом весь дом за-

* Верховланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий ист.-статист. очерк. — Пермь, 1913.

нимался самым домовладельцем. Вверху жил хозяин с семьей, а внизу были кухня, жилище прислуги и кладовые. К дому в этих случаях пристраивалось высокое крыльцо.

После учреждения города дома уже начали строиться по плану, и количество комнат в каждом доме стало увеличиваться. Дом ставился на бутовом фундаменте и тянулся по улице на 6—8 сажен, а в ширину (внутри двора) от 4 до 6 сажен. К дому пристраивалось крыльцо, которое отделялось от выстроенного иногда для квартирантов флигеля воротами с калиткой. С крыльца дверь вела в прихожую, а из прихожей в зал. Передняя часть дома состояла из зала и столовой. Далее шел коридор, по обеим сторонам которого находились кабинет, спальня, детская, а в самом конце дома — кухня с чуланами. Большею частью последние находились внизу. При доме на обширной усадьбе устраивались амбары, погреба, конюшни, каретник, баня, иногда прачечная и сушильня для белья. При каждом почти доме насаждался садик, в котором строили беседку или просто стол со скамьями. У некоторых домов вверху устраивались антресоли (мезонин).

Внутри дома в переднем углу каждой комнаты было по одной или несколько икон, иногда в серебряных окладах и киотах. В некоторых киотах были вставлены вен-

Копилка факта

✱ Первый водопровод в Перми был построен в 1886 г. Его трубы были сделаны из лиственничных колод, соединенных чугунными муфтами. По ним вода из ключей у речки Данилихи пошла в губернскую земскую больницу и две богадельни. В 1887 г. была проложена труба к Сенной площади, где устроено водоразборное здание. Водопровод давал до 5 тыс. ведер воды в сутки.

✱ Пермский учитель Федор Николаевич Панаев регулярно отсылал в Петербург, в Главную физическую обсерваторию, обстоятельные данные метеорологических наблюдений. Руководитель обсерватории Александр Иванович Воейков был очень доволен своим корреспондентом и в знак благодарности послал учителю Панаеву подарок — гелиограф, прибор для записи часов солнечного сияния.

С. Ф. Николаев

чальные свечи с цветами. При иконах находились вербы, пасхальные яйца, артос*, просфоры. На окнах стояли комнатные растения, как-то: герани, кактусы, олеандры, гортензии, розаны, фикусы, кипарисы. В зале между окнами висели тяжелые зеркала, большею частью в рамах из красного дерева, а также портреты и картины. В зале же или гостиной обыкновенно стояли длинный, широкий, мягкий диван и кресла с деревянными спинками и мягкими подушками. Столы покрывались вязаными скатертями, обычно сделанными хозяйкою дома. В столовой стоял буфет, в верхней части которого были стеклянные дверцы, через которые можно было видеть фарфоровую и стеклянную посуду. Пол для чистоты и теплоты покрывали коврами или кошмами (войлоками), а коридоры и лестницы холстяною тропинкою. Комнаты освещались сальными свечами, при этом для съема нагара при подсвечниках лежали съемы вроде ножниц. Впоследствии сальные свечи были заменены стеариновыми.

Одежда у мужчин была короткая, за исключением духовенства, купцов и крестьян. Чиновники носили картузы с кокардой и шинели, купцы — бекеши и картузы. Дамские моды менялись, как всегда и везде. Почти в продолжение всей первой половины XIX в. дамы носили пышные юбки с кринолинами.

Во всех почти домах строго соблюдались посты, при этом в Великий пост не ели рыбы, а довольствовались грибами, горохом, редькою и капустою с приправою конопляного масла. В мясоеды обычную пищу составляли щи, суп с лапшою, студень из ног, говядина, каша, кисели, по праздникам рыбные пироги и мясные пирожки, гуси, поросята, рябчики. Наиболее любимым блюдом являлись пельмени (маленькие пирожки из теста с мясом). Они готовились почти всегда в заговенье и во время приема гостей. В эти дни обычно весь обед состоял из пельменей, сначала в супе, потом вареных, наконец, жареных. Как говорят, что «без блина — не масленица, без пирога — не именинник», точно так же про пермяков можно сказать, что для них «без пельменей — не заговенье». В заговенье даже самые бедняки старались готовить у себя пельмени, хотя бы из брюшины, т. е. из не-

* Квашеный, кислый хлеб, освящаемый в первый день Пасхи и раздаваемый в субботу Святой недели народу.

съедобных частей мяса. Вечером в заговенье, — говорит Мельников-Печерский, — прогуливаясь по Перми, во всех домах можно слышать стук сечек о деревянные корыта.

Зимой по праздникам происходили катанья пермских граждан по Сибирской улице. Наиболее зажиточные катались на рысаках, запряженных в казанские сани с медвежьим одеялом. У саней прежде устраивались запятки, или место для стояния. По словам старожил, пермские донжуаны и кавалеры, увидев знакомую катающуюся барышню, вскакивали на запятки, здоровались и разговаривали во время катания, стоя на запятках. Наговорившись и простившись, они соскакивали и вскакивали к другим. Ездили катающиеся медленно, лошадь за лошадью, чтобы рассмотреть знакомых.

На масленице для катания выбирался Проспект, или Кунгурская улица, где в последние дни масленицы играл военный оркестр. Кататься сюда приезжали обыватели не только Перми, но и Мотовилихи и окрестных сел и деревень, например Верхних Муллов. Катались тогда на тройках, обычно приготовляемых ямщиками-татарами, при этом лошади украшались цветами, бубенчиками, лентами и расписной дугой. Сзади кошевы, т. е. больших саней с двумя скамьями, обычно красовался персидский или тюменский ковер с изображением сцен из жизни, животных и цветов. Катанье обычно кончалось в прощенный день* при первом ударе соборного колокола к вечерне, когда большинство ехало в собор. Молодежь делала города из снегу и брала их с боя, каталась с горы Слудки на санках на Каму и в город. Те же, кто не имел возможности кататься, гуляли или сидели на лавочках у домов, грызя подсолнечное семя или кедровые орехи. Последнее занятие у пермяков в шутку называлось «сибирским разговором». Летом же ездили на узких дрожках, где могли сидеть четверо, а некоторые мужчины, особенно военные, ездили на них сидя верхом, спустив ноги в противоположные стороны. На Пасхе на очень длинных дрогах ездили певчие разных церквей «с концертом» по купеческим домам.

На святках пермская молодежь маскировалась, ходила по домам знакомых, а иногда и вовсе незнакомых,

* Последний день перед Великим постом, воскресенье на масленой неделе.

танцевала без конца под гармошку кадрили. Хоронили золото, играли в туалет (?!) *, в фанты, иногда разыгрывали шайку разбойников. На Пасхе качались на веревочных и круглых качелях (каруселях). На каруселях, т. е. деревянных лошадях вокруг столба, не стеснялись вместе с детьми кататься иногда и весьма почтенных лет и веса папаша. На окраинах в Пасху девушки обычно скакали на досках, а мальчишки играли в крашеные яйца, бабки, городки, чехарду и т. п. Парни и молодые мужчины по праздникам устраивали кулачные бои, которые обычно происходили на Горках. Такие же бои устраивали гимназисты с семинаристами и ученики городских училищ между собою.

В радоницу, т. е. во вторник на Фоминой неделе **, каждый пермяк считал своею обязанностью побывать на кладбище, отслужить панихиду по родителям, положить на их могилу крашеное яйцо, которое тотчас же подбиралось нищими. Так как здесь встречались знакомые, то к концу дня устраивалось нечто вроде гулянья. В этот же день в некоторых домах накрывали стол, уставляли его кушаньями, кадили ладаном и называли по именам покойников, приглашая их прийти и откусать хлеба-соли.

В семик, или в четверг перед Троицыным днем, девушки пригородных деревень Данилихи и Гарюшек «завивали березку», т. е. водили хороводы вокруг срубленной и украшенной лентами березки. Посмотреть на это съезжалось много городских жителей.

Особенно многолюдные гуляния летом устраивались в Троицын, Петров и Ильин дни. В Троицын день жители почти всего города уходили на большое поле за Кунгурской улицей, между Сибирским трактом и опушкою леса. Здесь ставились карусели и качели, играла музыка, продавались в парусиновых балаганах кедровые орехи, фуксинные пряники-коньки, конфеты, мармелад, сахарные, маковые плитки, сбитень, брага, квас, травник, домашнее пиво, кислые щи и т. п. В Духов день и в заговенье перед Петровым постом устраивали на Горках свое гулянье женщины, так называемый бабий праздник.

* Примечания в скобках сделаны В. С. Верхоланцевым. Подстрочные примечания — Т. И. Быстрых.

** Первая неделя после Пасхи.

Как и всякий провинциальный город, Пермь ничем не отличается от других городов. Большинство домов в городе были деревянные и одноэтажные, только казенные здания выкрашены большею частью в желтую краску. Почти у каждого дома — садик. Улицы были не мощены до 80-х годов XIX в., и в осенние дни обыватели тонули в грязи. Тротуары на главных улицах, сделанные к приезду императора Александра I, скоро обветшали и не поправлялись. Более осторожные обыватели не решались ходить по ним во избежание увечья, т. к. многие из них имели большие отверстия, при этом нужно было балансировать на них, потому что доски их поднимались подобно клавишам музыкального инструмента. Кроме того, они состояли из трех плах, так что на них трудно было разойтись двум человекам, чтобы не задеть друг друга. Мелкие чиновники, завидя начальство, обычно сходили с тротуаров, уступая их начальству.

До 60-х годов не было никакого освещения, и город в темные осенние вечера тонул во мраке. На ночь каждый обыватель спускал с цепи собаку, и малейшее движение в городе вызывало неистовый собачий лай. Кроме того, стаи уличных собак преследовали всякого нарушителя общественной тишины. В силу этих обстоятельств редкий из обывателей рисковал появляться ночью на улицах. Летом по городу носились столбы пыли. Непредусмотрительная полиция не позаботилась полить улицы даже к приезду в Пермь государя наследника Александра Николаевича в 1837 г., и он, весь покрытый пылью, должен был закрыть от нее свое лицо, что лишило пермяков возможности рассмотреть царственного гостя. Ночью по улицам города ходили караульные, неистово стуча колотушками самого примитивного устройства. Площади и некоторые улицы города были покрыты травой, которую мирно пощипывали бродившие по городу в изобилии козы, на что полиция смотрела сквозь пальцы, особенно если эти козы принадлежали кому-нибудь из «тузов» города.

Как и во всяком провинциальном городе, в Перми большую роль играли сплетни. Жизнь каждого обывателя была на виду и, в случае отклонения от известного шаблона, подвергалась бесконечным пересудам. Боясь злых языков, все старались до мелочей подражать другим, и потому жизнь была однообразна и скучна. Людей,

ведущих себя несколько иначе, чем другие, если они не были каким-нибудь начальством, чуждались, называли оригиналами, затейниками, чудаками, вольнодумцами, и они были на плохом счету у начальства. Мелкие чиновники — а их было большинство в городе — старались подражать по мере сил начальству и избегать того, чего начальство не любит. Некоторую вольность в поведении позволяли себе купцы. Конечно, им храбрости придавало излишнее подпитие, но и их выходки не выходили за пределы. Обычно это были нелепые пари, вроде того, кто сильнее в кулачном бою, или кто съест больше пельменей или блинов, или кто больше выпьет вина.

В городе не было никаких культурных развлечений. По вечерам обычно собирались в гости друг к другу, где мужчины играли в карты, а женщины рассуждали о детях, нарядах, прислуге и кухне и перемывали косточки своим ближним. Большим пороком тогдашнего чиновничества, по словам Ф. М. Решетникова, было взяточничество, которое тщетно старались уничтожить наиболее энергичные губернаторы и архиереи; «без взятки, — говорит Решетников, — нельзя было ничего получить и ничего добиться». Пороком купечества, по словам Мельникова-Печерского, был обман.

Предметами долгих разговоров были обычно свадьбы, крестины, похороны. Богатая свадьба была целым событием. Начинали к ней готовиться задолго. Девушки, подруги невесты, по целым неделям жили в доме невесты и шили приданое. Во время шитья девушки пели песни, в которых прославляли не только жениха и невесту, но и тех гостей, кто дарил им «на пряники и орехи». Невеста «выла» при расставании с домом родителей, т. к. считалось неприличным, если она не плакала, ибо в таком случае ее могли укорить в неблагодарности к родителям и в слабой привязанности к родному крову. На богатые свадьбы собиралось столько народу, что жених и невеста иногда с трудом могли пробраться в церковь. В церкви зрители вели себя свободно, забывая о святости места, позволяли себе стоять боком и даже задом к иконостасу, громко рассуждали о достоинствах и недостатках жениха и невесты, смеялись, иногда так теснили жениха и невесту, что шафера, схватываясь за руки, должны были сдерживать напор толпы. Впоследствии во избежание тесноты стали пускать в церковь публику по билетам,

приглашали полицию и ставили решетки-преграды. Каждому шагу жениха и невесты придавалось особое значение, например создавались приметы: кто первый ступит на ковер, тот будет глава дома, у кого свеча сторит меньше, тот проживет более, и т. п. Почетным лицом на свадьбе был тысяцкий, который платил за венчание, освещение церкви и за лошадей для свадебного поезда. Обыкновенно в тысяцкие выбирали людей зажиточных и пожилых. Жениха и невесту сопровождали шафера, украшенные белыми лентами и цветами, они ездили от жениха с подарками и угощали гостей. Кареты для поездки молодых в церковь и обратно брались напрокат у людей богатых, которые за это ничего не брали, но кучерам делал подарки тысяцкий. По приезде домой родители благословляли молодых иконами и хлебом-солью. У богатых свадебное торжество продолжалось иногда дня три, а у некоторых неделю.

При похоронах за покойником обычно следовала большая толпа, т. к. каждый покойник был известен в городе. При этом некоторые сопровождали печальное шествие не столько по родству, знакомству или из уважения к покойному, сколько из любопытства. Путь к кладбищу устилали пихтой. Заслышав надгробное пение, обыватели выходили из домов и расспрашивали провожающих, кого хоронят, от какой болезни умер, долго ли врал и т. п.

При родинах были свои обычаи. Обыкновенно дарили родильницу золотыми монетами «на зубок» ребенку. В первой половине XIX в. акушерская, как и вообще медицинская, помощь была слабо развита в Перми. К медицинскому персоналу обращались только в крайних случаях. Обычно же купечество и наименее зажиточные предпочитали лечиться у фельдшеров. Простой народ лечился у знахарей и «бабушек»; «бабушки» были вхожи и в купеческие дома, и дома других зажиточных обывателей. Помощь их при родинах, по словам автора «Хозяйственного описания Пермской губернии», выражалась в том, чтобы беспрерывно водить родильницу по комнате или бане, не давая ей садиться и, особенно, лежать. В трудных случаях «встряховали», выправляли неправильно рождающегося младенца посредством намыливания, давали есть воробьиное семя и некоторые травы. Эти же «бабушки», полные нелепых суеверий и предрас-

судков, не отказывались лечить и другие болезни посредством нашептывания на воду, впрыскивания с уголька, поили водой с солью и т. п.

До 60-х годов в Перми не было никаких культурных учреждений. Серьезных книг не любили и на людей, любивших читать, смотрели враждебно, называли их «умниками» и «вольнодумцами», и они были на плохом счету у начальства и общества. Впрочем, дозволялось читать глупейшие романы, вроде «Тайн Мадридского двора», которые в изобилии доставлялись молодежи услужливыми коробейниками из Ярославской и Владимирской губерний. У них бойко расходились молитвенники, поминальники, песенники, оракулы, сонники и т. п. По городу распространялась и переписывалась нелепая молитва с надписью: «Кто перепишет эту молитву, будет ежедневно читать и даст другим списать, получит отпущение грехов». Тех, кто увлекался серьезным чтением, предостерегали, чтоб «не зачитался». Особенно боялись читать Библию, и это опасение имело некоторые основания. Люди, не получившие систематического образования, понимали и толковали по-своему Священное писание. Это могло вести к ереси и к печальным последствиям. Так, пермский купец Адриан Павлович Пушкин пытался по-своему истолковать Библию, делал массу выписок из нее в подтверждение своих мыслей, впал в мистицизм, сделался ненормальным и провозгласил себя Мессией. Свои проекты о скорейшем осуществлении царства Мессии на земле он посылал государю Александру II. По освидетельствовании его умственных способностей, Пушкин признан был ненормальным, и так как его экзальтированное состояние сообщалось другим и он приобрел себе сообщников даже из интеллигенции, например врача Коробова, то его дальнейшее пребывание в Перми признано небезвредным и он был удален в Соловецкий монастырь, но потом оставлен в городе Архангельске, где и умер в 1882 г. Это был тип пермяка-мистика*.

В Перми жили и чудачки, очевидно, скучая от безделья и от однообразной жизни. Так, в Перми жил в ссылке князь Долгорукий. Причиной его ссылки, по мне-

* Подробно об этом можно прочитать в статье: Трапезников В. Н. Пермский купец Адриан Павлович Пушкин // Труды Перм. губ. учен. архивной комиссии. — 1905. — Вып. 9. — С. 13—28.

нию Д. Д. Смышляева, были проказы, перешедшие всякие границы терпимости. Вот как описывает этого чудака Д. Д. Смышляев: «Любимой забавой Долгорукого была травля собаками нищих и мужиков, требовавших уплаты за проданный фураж или хозяйственные припасы. Однажды в летний воскресный день, когда народ шел к обедне в Петропавловский собор, он высадил в окно на улицу свою фаворитку в райском костюме нашей общей прабабушки. Излюбленным кушаньем его были жирные обитатели провиантских магазинов — хомяки, из которых повар-француз, артист кулинарного искусства, приготовлял различные рагу и фрикассе для опального барина. Когда деяния Долгорукого сделались невыносимы даже и для не особенно взыскательных в то время пермяков, он был переведен на жительство в Верхотурье. Долгорукий, впрочем, ограничивал свои безобразия людьми мелкими или своими крепостными; в обществе же держал себя относительно сносно, был в хорошую минуту приятным собеседником, любил картежную игру и водил хлеб-соль с тогдашнею чиновною знатью Перми; на прощание он, однако, не выдержал и скормил сановным гостям за завтраком в паштете своего пуделя» *.

Дачи

Дачная жизнь среди жителей Перми начала развиваться сравнительно недавно, с начала 90-х годов прошлого века. В 12 верстах от города Перми вниз по течению реки Камы, на правом высоком берегу в местности, называемой Нижние Курьи, был устроен затон для зимней стоянки пароходов пароходоладельцев братьев Каменских. С 1891 г. здесь начали строить дачные участки и другие жители Перми. В начале нынешнего столетия дачные дома здесь строятся особенно усиленно. В настоящее время в Нижних Курьях около ста дач, имеется церковь и несколько магазинов. Здесь же находятся летние дачи-колонии Мариинской женской гимназии, технического училища и Богородицкой церковно-приходской школы. Высокий берег, прекрасный вид в даль, сосновый лес,

* Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. — С. 127—128.

купанье на Каме — все это делает эту местность наиболее любимым дачным местом для жителей Перми.

В 4 верстах выше города, против Мотовилихинского завода, на правом берегу Камы находятся Верхние Курьи, в настоящее время тоже усиленно застраиваемые дачами. Но низменное место, сравнительно редкий лес, дым от Мотовилихинских заводов и довольно частая летом стрельба из пушек делают эти дачи менее привлекательными, чем Нижние Курьи. Тем не менее усиленная стройка здесь дач продолжается, т. к. дачи в Нижней Курье находятся сравнительно далеко и сильно растут в цене, так что становятся недоступными для среднего класса общества. Люди же с ограниченными средствами, как-то: мелкие чиновники, служащие в различных частных учреждениях, учительский персонал, селятся на лето или в Закамском поселке, против города, или же в селениях, лежащих вблизи города, где плата за помещение в простых крестьянских избах невысока. Особенно любимыми дачными местами являются те селения по Каме, где находятся пристани дачного пароходства Истомина. На всем пути от Перми до Осы, где останавливаются эти пароходы, можно встретить дачников.

Эти селения следующие: село Нижние Муллы (в 25 верстах от Перми), деревня Оборино (против Нижних Муллов), деревни Оверята и Чирки (в 32 верстах), деревня Слудка, деревня Конец-Бор (в 40 верстах), село Усть-Качка (в 50 верстах), село Новоильинское (в 60 верстах). Далее дачники встречаются все реже и реже, однако же их можно встретить даже ниже города Оханска (120 верст по реке Каме от Перми), например в селах Беляевка и Казанка и деревне Монастырке (против города Осы, в 180 верстах от Перми). В этих местах живут уже те из пермских обывателей, которые в летнее время совсем порывают связь с городом, например лица из учительского персонала. Кроме того, много дачников живет летом и вдали от реки Камы, в деревнях, лежащих по рекам Мулянке, Ягошихе и Данилихе. Что касается железнодорожных служащих, то они, благодаря бесплатному проезду по железной дороге, селятся на лето по линии в селе Левшино, деревнях Васильевой, Лядах, Заборной и Мысах. Таким образом, по крайней мере третья часть жителей города Перми из интеллигенции на лето

удаляется из города на дачи и приезжает в город только для исполнения служебных обязанностей или за покупками.

Городские сады

Что касается той части жителей Перми, которая не имеет возможности уезжать на дачи, то она вечерами удаляется в городские сады. Излюбленным местом гуляния пермской публики является сад общественного собрания за бульваром*. Здесь летним вечером можно видеть большинство жителей Перми. Число гуляющих достигает иногда нескольких тысяч, особенно в народные праздники Троицын, Петров и Ильин дни или же когда здесь устраиваются лотереи-аллегри**, которых в лето бывает несколько. Эти последние большею частью бывают беспроигрышные, т. к. их особенно любит простой народ, во множестве стекающийся на них из Мотовилихи и других пригородов Перми. Занята гуляющими бывает обычно только центральная аллея. С 1882 г. в саду ежедневно, кроме суббот и понедельников, играет оркестр музыки. Долгое время оркестром управлял покойный Винарский, небольшая фигура которого с горбами спереди и сзади до сих пор памятна пермским жителям. В этом же саду помещается круглый павильон-ротонда, в которой жители города Перми встречали императора Александра I в 1824 г. Здесь же находятся большое деревянное помещение для небольшого театра, буфета, биллиарда, комнаты для игры в карты, кегельбана, синема-тографа. К саду примыкает велодром. Площадь, находящаяся под садом, занимает большое пространство. К ней также относятся два довольно больших сада, называемых ботаническими или питомниками. Последние возникли недавно, в 90-х годах прошлого века. Сад общественного собрания находится на юго-восточной окраине города.

Кроме того, в самом центре города находится Театральный сад, окружающий городской театр. В нем есть хороший фонтан и клумбы с цветами; в саду по праздникам играет оркестр музыки. В это время здесь много можно наблюдать детей. Особенно много посещает Те-

●

* В настоящее время городской детский парк им. М. Горького.

** Маскарад, бал или вечер с устройством лотереи.

... Губернатор объявляет, что всему моему семейству нельзя из Перми выехать, доколь он не получит на представление свое из Петербурга разрешения. И так вся моя семья... в ссылке и под арестом!

Из всех горестных моих приключений сие было самое горестное и, может быть, первое, которое до души меня тронуло. Видеть всю мою семью в ссылке и где же? В Перми.

Надобно, чтоб я вам дал некоторое понятие о сем городе. Зима стала в сентябре. 32 градуса — мороз обыкновенный, а бывает и до 38. Соленые огурцы — лакомство и редкость; судите о других овощах. С трудом можно достать картофелю; рыбу и говядину привозят из Сибири; все почти население составлено из ссылных...

1812 г.

М. Сперанский
Из письма к А. А. Столыпину

атральный сад публики весной, пока не открыт общественный сад, который открывается обычно с половины мая.

На берегу Камы находится Набережный сад. Из него открывается прекрасный вид на всю Каму. С этого места любовался Камой император Александр II в 1837 г., тогда еще наследник престола. «Как здесь хорошо!» — воскликнул царственный гость. Здесь же в беседке, ныне не существующей, любил сживать и подолгу смотреть вдаль известный писатель Мельников-Печерский. Отсюда же любовался Камой опальный изгнанник М. М. Сперанский. В 60-х годах сад был назван садом Багратиона, в честь генерала, привезшего в Пермь весть об освобожде-

нии крестьян, но это название не привилось и превратилось в комическое название «козьего загона», т. к. этих животных, мирно пощипывающих травку, тогда можно было часто видеть в этом саду. Только назад тому лет пять в саду было построено изящное деревянное здание биржи, устроены большой фонтан и клумбы цветов, после чего саду присвоено было название Набережного. Этот сад бывает наполнен публикой во время вскрытия Камы, когда пермяки спешат сюда полюбоваться зрелищем ледохода.

Как ледоход, так и встреча первых пароходов вносит большое оживление в довольно однообразную и монотонную жизнь пермяков. Первые приходящие пароходы буквально берутся с бою пермяками, которые спешат удовлетворить свое желание — посидеть на пароходе, несколько подышать чистым воздухом и отрешиться от пыльного города. Особенно хорош бывает вид Камы при закате солнца и в белые июньские ночи, когда темноты совсем почти не бывает. Красный огненный шар солнца погружается за горизонтом, на облаках красиво переливаются последние лучи заходящего солнца. На чистеньких беленьких пароходах, освещенных электричеством, толпы народа снуют взад и вперед. Кама покрывается массой лодок с катающимися. С лодок слышатся песни и звуки гитар, мандолин и балалаек. А над городом, утопающим в садах и красиво освещенным, медленно поднимается царица ночи — луна.

Вспоминают старожилы

Коновалова Зинаида Ефимовна родилась и выросла в Перми. Родители ее — служащие-железнодорожники. Она помнит много интересного из истории родного города. Бережно хранит старинные открытки, фотографии, письма. В ее коротких рассказах оживают колоритные картины старой Перми.

...Помню, в годы первой мировой войны в Перми был весной особенный праздник — «день ромашки». Взрослые и дети ходили по городу с кружками и собирали деньги в помощь раненым, которые находились в госпиталях Перми. Прохожие опускали в кружку монеты, а сборщики прикалывали им на грудь красивую ромашку. У многих горожан на одежде в этот день красовался белый цветок. Ходила и я с такой кружкой. Гордилась очень доверием и тем, что смогла помочь раненым солдатам.

... Деятельность дешевой народной чайной-столовой началась с конца мая 1898 г. в переселенческом бараке, что на берегу Камы, против вокзала железной дороги. Инициатива открытия и организации столовой всецело принадлежит совету Богородицкого попечительства, поддержанного небольшими суммами переселенческого комитета и городского самоуправления. Преследуемые цели: дать возможность рабочему люду, а также небогатым чиновникам-одиночкам и учащимся питаться за дешевую цену безусловно здоровой и питательной пищей, сберегая тем не только здоровье массы рабочих, но и общественное здоровье.

Только с 31 мая по 24 сентября 1898 г. в столовой отпущено обедов — 73 409.

П. Н. Серебренников

«Характеристика народной столовой
как общественного учреждения»

1899 г.

...Каждую весну, когда вскрывалась Кама, в городе наступало оживление. Масса народа шла полюбоваться на ледоход. Особенно многолюдно становилось на набережной вечерами. Открытие навигации всегда было праздником. Летом облик берега Камы совершенно менялся. Открывались мойки для полоскания белья, а затем и купальни. Помню, как приятно и безопасно было в них купаться, плескаться. Бойко начинал работать прибрежный рынок. Торговали рыбой, а позднее овощами и фруктами.

Открывалась бесплатная столовая. Здесь можно было поесть за очень малую плату, а иногда и совсем бесплатно. Она носила название народной чайной-столовой, но кормили здесь и супом, не только чаем. Это была существенная помощь бедному люду, который в огромном количестве толкался летом на Каме, да и многие пермяки из неимущих бывали в столовой. Создание ее связано с именем П. Н. Серебренникова, очень известного в Перми общественного деятеля, врача по профессии.

Копилка краеведа

Л. В. ПЕРЕСКОКОВ

ДЕРЕВЯННАЯ ВЯЗЬ ПЕРМСКОЙ ИСТОРИИ

Дошедшая до наших дней старая деревянная застройка города Перми относится ко второй половине XIX — началу XX вв. Сооружения более отдаленных периодов пока не обнаружены. Исключение составляет дом подрядчика Крылова, построенный в 1827 г. Причина этому не только ограниченный срок службы древесины как строительного материала, но и частые пожары, от которых страдали прежде всего деревянные дома, хотя сейчас выявлены здания (вероятно, с поздними перестройками), в которых присутствуют признаки применения древних приемов обработки строительного леса без использования пилы. Это так называемые рубленые дома (например, дом на углу улиц Клименко и Большевицской). Но связь старой пермской деревянной застройки с глубинными истоками народного искусства проявляется не столько в преемственности технологии строительства, сколько в сохранении мотивов художественного оформления убранства жилого дома. Своеобразие определяется традициями всей предшествующей истории пермской архитектуры, преломившимися в условиях нового времени.

Копилка краеведа

Помню, в 1914 г. было сильное наводнение на Каме, вода доходила до крыльца вокзала Пермь I. Я часто ходила смотреть на разлив реки. Однажды вижу: плывет по реке большая льдина, а на ней сидит несчастная, перепуганная кошка. В другой раз видела, как проплыл небольшой, самый настоящий дом. А на крыше восседает петух и гордо смотрит вокруг.

А вообще, Кама великая труженица. Сколько плотов, барж, буксиров, пароходов проплывало по ней за день. И у каждого был свой голос, свой гудок. Я это хорошо помню, и грустно мне смотреть сейчас на тихую, безмолвную Каму. Жаль многочисленных веселых разноголосых гудков, которые подтверждали, что река живет и работает.

Формирование Перми как крупного уральского центра начинается с 1781 г., когда Егошихинский завод стал губернским административным центром. Бывшая заводская слобода быстро меняет свой облик. Под влиянием столичной архитектуры возникает строгий, классический по своим формам городской ансамбль. При застройке широко использовались «образцовые» (типовые) проекты фасадов зданий, ворот, решеток.

Примером деревянного жилого дома первой половины XIX в. может служить упомянутый дом подрядчика Крылова, построенный в 1827 г. по проекту И. И. Связева и решенный, естественно, в традиционных формах классицизма. Важно выделить те черты, которые будут повторяться в деревянных постройках позднее: это плоскостенность симметричных фасадов дома, выходящих на красную линию улицы, выделение главного фасада фронтоном, украшение окон сандриками с фронтонами* (рис. 1 а — см. вклейку), трактовка цокольной части, отделенной тягой, имитация деревянной обшивкой каменной кладки.

Следующий период строительства Перми неразрывно связан с развитием капитализма на Урале. По образному выражению современников, Пермь стала «большими и широкими воротами в Сибирь». Промышленная революция изменила город и жизнь горожан. Архитектура Перми, безусловно, развивается теми же этапами, что и вся русская архитектура капиталистического периода, и характеризуется отсутствием единого стиливого направления. Образный арсенал зодчих второй половины XIX в. неизмеримо расширился за счет доступности передачи информации и наличия репродукций. Обращение к историческим формам различных времен и народов неизбежно приводило к эклектике. В этой обстановке деревянное народное зодчество явилось значительной составляющей частью духовной культуры общества, оказалось созвучно творческому поиску национального стиля.

В пермской провинции классицизм как официальный стиль сохранял свои позиции дольше, нежели в городах центра России. Другой характерной чертой деревянного

* Сандрик — небольшой карниз над окном или дверью на фасаде здания, иногда опирающийся на консоли, часто завершающийся фронтоном.

строительства стало заметное подражание каменному зодчеству. Определенное своеобразие пермской архитектуры капиталистического периода придавалось синтезом традиций прикамского народного жилища, классицизма и новых веяний профессиональной архитектуры, идущих из столицы. Характеризуя развитие рядовой деревянной застройки, можно отметить устойчивое сохранение традиционных для города, проверенных временем типов жилищ, конструкций, планировок, форм убранства.

Строителями и владельцами обывательских домов были мещане, крестьяне, приехавшие в город, мелкие и средние купцы, ремесленники, рабочие и специалисты заводов, интеллигенция. Все они составляли подавляющее большинство городского населения, что позволяет относить рассматриваемую архитектуру к народной. План, конструкции, материал и убранство определялись именно самим хозяином в зависимости от его материальных возможностей, рода деятельности, вкуса. Многие обыватели строили свои многокомнатные дома с целью сдачи части комнат под наем. Часто в одном доме совмещались производственные (для мелкого промысла), торговые помещения на первом этаже и жилые — на втором. Как и раньше, обывательские дома были одно- и двухэтажные, выходящие главным фасадом на улицу. В условиях сплошной застройки служебные и хозяйственные помещения могли размещаться за домом по периметру участка, формируя открытый дворик, куда можно было попасть через большие ворота или проем в основном объеме дома, образующий проезд. При датировке построек необходимо учитывать тот факт, что дома часто перестраивались.

Если постройки классифицировать по материалу, то, как и в первой половине XIX в., жилые дома были каменные, деревянные и полукаменные (первый этаж каменный, второй — деревянный). В 1895 г. на 34 448 жителей города было 7348 зданий, из них 648 каменных, 452 полукаменных и 6248 деревянных*. Несмотря на то что в начале XX в. количество каменных домов значительно возросло, деревянные и полукаменные дома составляли более трех четвертей от всей рядовой застройки.

* Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и административного деления / Изд. А. С. Суворина, 1895.

Эволюция пермского деревянного жилища привела во второй половине XIX в. к формированию нового типа городского дома. Прежде всего, дома стали бóльшего размера, причем в центральной части начали преобладать дома двухэтажные или одноэтажные с обширными полуподвальными помещениями. Новые условия внесли изменения в традиционную планировку и конструкцию, а перемены эстетических взглядов рядовых горожан отразились в убранстве их домов.

Классицизм предопределил популярность симметричного построения фасадов. Чисто городским явлением стал дом с мезонином (интересные примеры на пересечениях улиц Ленина и 25 Октября, Большевиктской и Газеты «Звезда»). Вход с улицы выполнялся в двух вариантах: вход с навесом на консолях и вход с заглубленной дверью (типа тамбур). Навесы встречаются деревянные и металлические. Оба варианта исполнения создавали некоторую защиту от непогоды и образовывали небольшое промежуточное пространство между улицей и собственно внутренним помещением. Композиция главного фасада могла завершаться фронтоном или декоративным парапетом.

В убранстве фасадов постоянно присутствуют и взаимодействуют традиции крестьянской домовой резьбы и классицизма. Внешнему оформлению дома в прошлом уделялось большое внимание. Украшение домов являлось, вероятно, не только делом престижа, а и той важной потребностью, которая определяется духовной жизнью общества.

Наличник обычно завершался козырьком на S-образных консолях (рис. 1 г, 3 в). Формы классицизма строителями обывательской застройки использовались достаточно свободно. Характерна стала тенденция изменения пропорций в сторону утяжеления, обременения старых композиций различными украшениями (рис. 1 б). Распространилась треугольная форма сандриков-фронтонов, завершающих наличники (рис. 1 б, в). Если в доме Крылова мы можем наблюдать логическую тектоничность каждой детали оформления, то декор построек капиталистического периода выступает лишь как украшение, более независимо от самой функциональной схемы здания. Эта черта свойственна вообще всем эклектическим постройкам.

Из классицизма также привнесены полуциркульное окно в тимпане фронтона крыши с имитацией каменного архивольты (рис. 3 а), профилированный карниз (рис. 1 а, б, в, г). Интересны примеры деревянных домов, карнизы которых имитируют элементы классического антаблемента. На рис. 3 б изображены фриз и карниз дома Демидова, расположенного на углу улиц Ленина, 46 и Газеты «Звезда», 20. В пермских постройках нетрудно найти примеры домов, несущих на себе отзвуки ампира. Четкость и организованность линий такого декора, вероятно, были симпатичны рядовому обывателю (дом по улице Ленина, 52). Имитация деревом деталей классицизма весьма распространена в оформлении полукаменных домов.

Все последующие типы фасадов деревянных домов, которые мы рассмотрим, вбирают в той или иной мере элементы декора, имеющие истоки в традиционном народном творчестве. Простейшие варианты наличников (рис. 1 г) начинают обогащаться и усложняться какими-либо деталями. Часто можно видеть, что козырьки-сандрики над окнами устанавливались на разных консолях в виде валуны, украшенных резьбой (рис. 3 в). Более сложная композиция образуется с применением рельефа, который прежде всего размещался в поле наличника верхней части под козырьком, а также и над ним (рис. 3 г). В старину верхняя часть наличника называлась очелье. В декоре очелья использовалось, как правило, два типа резьб: сквозная и пропильная. Та и другая имеют глубокие корни в народном зодчестве.

Сквозная резьба и по мотивам, и по технике тесно связана с традиционной домовая резьба. На примере убранства пермской застройки можно продемонстрировать ее преемственность древним мотивам, имевшим некогда семантический смысл. Во второй половине XIX в. городская домовая резьба использует в основном мотив растительного орнамента, всевозможные типы плетенок. Этот орнамент вошел в народное искусство в результате длительной трансформации сюжета древнейших религиозных и эстетических воззрений о «древо жизни» (рис. 3 г, д, е). В центре композиции также часто встречается другой древний символ — символ солнца, или солярный знак (рис. 2 а). В городской резьбе находим отзвуки сюжетов покровительственно-охранительного значения. Компози-

ции с драконами (змеями) или чином берегини подверглись значительной орнаментализации до вырождения в змеевидную плетенку или центрическую орнаментальную композицию по мотивам берегини (рис. 3 д, е).

Традиционные геральдические композиции с фигуративными изображениями животных, птиц, змей встречаются реже. Такие конкретные изображения в те времена были уже архаизмами. Во второй половине XIX в. древние символы утратили первоначальное значение, но сохранились в народном искусстве. Примером очелья, в композицию которого введены изображения птиц, может служить убранство дома по улице Большевикской, 18 (рис. 3 д).

Другим видом была пропильная резьба с применением шаблона. Шаблон приводил к нивелировке, но выполнялся по тем же самым мотивам, что и сквозная резьба. Поэтому в смысле художественной образности между той или иной обработкой не было существенных различий, а применение шаблона значительно повышало производительность работ. Отличия в технологии определили своеобразие в художественной выразительности. Пропильная резьба усиливает графичность изображения, создает игру светотени. Выделяются два подхода народных мастеров к пропиловке: мелкофигурная, ажурная резьба и резьба крупнофигурная, легко воспринимаемая на расстоянии.

Иная технология обусловила появление и новых форм, которых ранее не существовало в домовой резьбе. Приемы пропиловки позволяли легко выполнять разнообразные геометрические узоры. Геометрическая орнаментика также традиционно присутствовала в народном искусстве, но наиболее полно она проявилась в вышивке. Потому не случайно то, что многие свисающие доски наличников, украшенные орнаментом, напоминают вышитые полотенца.

Пропильная резьба обладала очень важным достоинством — относительной дешевизной, что позволило многим горожанам украсить резьбой не только наличники своего дома, но и карниз, фронтон крыши, части стен или даже весь фасад дома. Так появилась в городском деревянном зодчестве характерная для эклектики любовь к обилию украшений. В Перми много примеров жилых домов, богато убранных пропильной резьбой (дом по

улице Парковой, 12). Излюбленным местом приложения резьбы остается наличник окна. Распространены сложные, многоярусные композиции очелья, напоминающие древнерусские кокошники (рис. 2 а). Широко применяются детали, выточенные на токарном станке.

На рубеже веков в результате профессиональной переработки мотивов народного зодчества и их стилизации в городском строительстве распространяется «русский стиль» в гартмановско-ропетовском варианте*. Он нашел свое отражение и в пермской застройке. В городе появились терема, стилизованные в духе русского деревянного зодчества (дачи в Нижней Курье, дом по улице Кирова, 67). Им нельзя отказать в привлекательности и нарочитой эффектности. На рис. 3 е показан фрагмент очелья дома по улице Газеты «Звезда», 25. Важной чертой приверженцев «русского стиля» стало желание преодолеть сложившееся однообразие обывательской застройки путем обогащения фасадов декоративными украшениями, взятыми из древнерусского деревянного зодчества, разнообразия форм кровельного завершения, введения несимметрии в планировку.

В соответствии с общими тенденциями развития русской архитектуры начала XX в. как в каменных, так и в деревянных постройках Перми отразились прогрессивные поиски новых течений. Так, ряд домов имеет явно выраженное влияние модерна. Модерн в дереве, используя традиционный материал, пытается выработать оригинальный художественный язык, изыскивает новые формы и мотивы, ранее не применяемые в строительстве. Замечательным примером деревянного модерна является дом по улице Орджоникидзе, 35. В конфигурации широких наличников (сравнительно больших окон, в рисунке их прорезей явно звучат мотивы живописного модерна (рис. 2 б).

Совершенно оригинальные наличники у дома по улице Газеты «Звезда», 3. Автор этого проекта, несомненно, профессиональный архитектор, о чем свидетельствует полная проработка деталей. Неожиданную деформацию оконных наличников встречаем в оформлении дома по улице Кирова, 44 (рис. 2 г). Дом не сохранился, снесен в 1989 г.

●

* По фамилиям архитекторов В. А. Гартмана и И. П. Ропета (Петрова).

Удалось найти близкую аналогию этим наличникам в бывшей деревне Горы на доме по улице Фрезеровщиков, 65. В старой пермской застройке раскрывается и модерн с национальными оттенками. Здесь необходимо вспомнить несохранившиеся дома по улицам Луначарского, 63, Островского, 10. «Русский стиль» наиболее выпукло показал себя в доме по улице Горького, 9.

В ряде жилых домов Перми получили отражение рационалистические направления модерна. Композиция фасадов этих построек базируется на прямоугольной сетке линий деревянной обшивки, которая и определяет в этом случае местоположение оконных проемов (рис. 2 в). Декоративная резьба на фасадах отсутствует. Подобные варианты оформления встречаются не только в некоторых жилых домах, но и в служебных постройках, зданиях торгового и хозяйственного назначения, сооружениях железной дороги, промышленных постройках.

Итак, проведенный краткий обзор старой пермской рядовой деревянной архитектуры позволяет определить ее как важный компонент народного уральского искусства в завершающий этап дореволюционного периода истории. В ней запечатлелся многовековой опыт пермских строителей. По разнообразию форм и решений, высокому совершенству строительного исполнения деревянную архитектуру второй половины XIX — начала XX вв. можно рассматривать как наивысшее достижение городского деревянного зодчества. Указанные достоинства вызывают необходимость выявления и описания наиболее значительных в художественном и интересных в конструктивном отношении старых деревянных построек, а также поиска путей охраны и реставрации этих памятников, определявших некогда облик города.

Источники

- Бубнов Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала. — М., 1988.
- Дектерев С. А. Климат и архитектура народного жилища. — Свердловск, 1989.
- Памятники истории и культуры Пермской области. — Пермь, 1976.
- Перескоков Л. В. Деревянная вязь истории // Веч. Пермь. — 1987. — 3 июня.
- Терехин А. С. Пермь: Очерк архитектуры. — Пермь, 1980.

Д. А. Красноперов

ЗАСТАВА И БУЛЬВАР

По воспоминаниям русских писателей

Первоначально бульваром называли земляной вал, обсаженный деревьями. Постепенно он превращался в место для уединенных прогулок и праздного времяпровождения. Такой бульвар с земляным валом был и в старой Перми, заложил его губернатор К. Ф. Модерах в 1804—1805 гг. Пермский летописец Ф. А. Прядильщиков так описал этот бульвар (в пересказе А. А. Дмитриева): «По южной черте городского селения... выкопан ров и насыпан вал... Вдоль северной части вала протянут бульвар из четырех линий берез: боковые аллеи назначены для пешеходов, средняя для проезда экипажей... Самый бульвар — не пустая затея: во-первых, Пермь не имеет ни частных садов, ни общественных гульбищ; во-вторых, окрестности ее, покрытые хвойными лесами, редко посещаются жителями, как неудобные и скучные».

Особенностью пермского бульвара было то, что находился он на краю города и отделял его от прилегающих к нему леса и луга.

Все приезжающие в Пермь видели сначала бульвар. Поэтому первое впечатление о городе складывалось у них от обозрения этого бульвара. Русские писатели, побывавшие в Перми в первой половине XIX в., в своих путевых очерках и воспоминаниях описывали его как достопримечательность города.

А. И. Герцен в рассказе-воспоминании «Вторая встреча», написанном в Вятке сразу же по приезде из Перми, где он жил в ссылке с 28 апреля по 13 мая 1835 г., писал: «...Время было хорошо; хотелось походить, и я отправился на бульвар, идущий от Московской заставы до Сибирской. Бульвар этот превосходен; обхватывая полгорода с наружной стороны, он простирается версты три; огромные толстые березы, прямые и ветвистые, отделяют его с одной стороны от города, с другой — от обширного поля, и чугунные заставы, как черные, колоссальные латники, стерегут его с обеих сторон».

Из этого отрывка видно, что бульвар притягивал к себе и способствовал приятному уединению. Что касается трехверстной длины бульвара, то это явное преувеличение. В действительности его протяженность составляла 800 сажен, или чуть более 1,5 километра.

Заставы, о которых пишет Герцен, находились одна на Сибирской улице у Загородного сада, другая — на Казанском тракте (начало шоссе Космонавтов), примерно на том месте, где сейчас подземный переход, и назывались соответственно Сибирской и Казан-

ской (или Московской). Построены они были по проекту губернского архитектора И. И. Свиязева в 1824 г. к приезду в Пермь императора Александра I. Герцену они показались чугунными, на самом деле они были каменные.

Другой русский писатель, П. И. Мельников-Печерский, жил в Перми тоже как политический ссыльный в 1837—1839 гг. и работал преподавателем истории и географии в местной гимназии. В своих «Дорожных записках», опубликованных в 1839—1842 гг., в целом отрицательно отозвался о Перми, но бульвар ему понравился. «...Мы проехали лес, поднялись на гору, и глазам нашим представилась Пермь. Почти вся она скрыта была за бульваром, который идет от Московской заставы направо до Кунгурского выезда. Сквозь пушистые березы кое-где мелькали домики и, показавшись на одну минуту, будто прятались в ветвях. Я взглянул на Пермь: налево стояло красивое здание Александровской больницы; богатая чугунная решетка; окружавшая это здание, еще более увеличивала красоту его. Взглянув на этот дом, я подумал, что Пермь, должно быть, очень красивый город, но впоследствии узнал, что это здание, точно так же, как и здание училища детей канцелярских служащих, было не больше как хитрость пермских жителей, выстроивших такие дома у заставы для того, чтобы с первого взгляда поразить приезжего красотой и отвлечь внимание его от прочего строения, весьма незатейливого...»

Здание Александровской больницы, которое понравилось Мельникову-Печерскому, было построено в 1833 г. (архитектор И. И. Свиязев) по совету императора Александра I. Как пишет А. А. Дмитриев, российский император, осмотрев деревянное здание больницы барачного типа, высказал пожелание построить на этом месте каменное. Деньги на строительство были собраны по подписке. С тех пор больница называется в народе Александровской. У входа в нее по бокам лежат чугунные львы. Старожилы рассказывали, что они использовались как денежные копилки, куда благодарные пермяки опускали свои пожертвования на содержание больницы.

Богатая чугунная решетка, так понравившаяся русскому писателю, частично сохранилась до наших дней, находится под охраной государства как памятник истории и культуры. Она была отлита на Пожевском заводе по проекту знаменитого русского архитектора В. П. Стасова, сделанному в стиле классицизма.

Е. А. Вердеревский, проживший в Перми пять лет (1848—1853), полемизируя с П. И. Мельниковым-Печерским, который не увидел ничего замечательного в нашем городе, в своей книге «От Зауралья до Закавказья» (1857) перечислил ряд пермских достопри-

мечательностей, достойных восхищения, среди них здоровый пермский климат и, конечно же, бульвар.

А вот описание пермских застав и бульвара известного русского историка и этнографа, одного из основателей Русского географического общества П. И. Небольсина, сделанное в 1849 г. в «Заметках на пути из Петербурга в Барнаул»: «...Что за прелесть город Пермь, когда в него въезжаешь. Во-первых — застава: это два высоких столба, соединенные между собой чугунной цепью, под которой может пройти, не наклоняясь, Колосс-Родосский. На вершинах этих столбов сидит по орлу, а у подножия стоит по медведю. Чрезвычайно живописно! К заставе примыкает обширный луг, окаймленный длинным бульваром: это тоже эффектно. С противоположной стороны стоят красивые здания, стройным рядом вытянувшиеся в линию и рекомендуемые собою прочим своих братий, размещенных внутри самого города».

В заметках Небольсина упоминается о медведях, стоявших у подножия застав. Были ли они на самом деле? Летописцы и краеведы Перми не упоминают о них, нет их и на фотографиях, дошедших до наших дней. Может быть, это просто плод воображения писателя?

Сибирский краевед и писатель Василий Паршин проезжал через Пермь в 1849 г. В своем очерке «От Иркутска до Москвы» он записал: «...Губернский город Пермь занимает плоскую горную покатость, наклоненную к северу. Его окружают с востока и севера

Копилка краеведа | Многим известны сочинения Альфреда Брема о жизни животных. При написании их известный немецкий зоолог использовал и те наблюдения, которые вынес из своей поездки в Сибирь. Поездку в Сибирь он предпринял в 1876 г. Путь в оба конца проходил через Пермь. В Перми ученый побывал весной и осенью.

Брем с большим интересом знакомился с Уралом. В его записях появились строки: «Местность здесь холмистая и в общем довольно красивая, в особенности около Перми; много лесов».

Но состояние дороги (Сибирского тракта) доставило путешественнику немало неприятностей. «Бесперывные толчки отдавались во всем теле», — отметил Брем. В пути попадались ссыльные, гонимые на восток. Брем не мог не записать: «Нам было все-таки лучше, чем несчастным ссыльным, которых везли... частью в полуоткрытых кибитках, частью в открытых телегах, по шесть человек в каждой, на соломе и с солдатом для надзора».

Остановку в Перми на обратном пути немецкий зоолог использовал для охоты на тетеревов.

С. Ф. Николаев

некрутые горы, а с юга и запада степь. Городские ворота состоят из двух каменных столбов в виде четырехугольных пирамид, покрытых белым железом, с железными наверху пирамид орлами. Влево от тракта, от самых ворот, тянется к западу городской бульвар, состоящий из больших и красивых березовых деревьев. Против бульвара, на степи к югу, два больших каменных здания — провиантский магазин и винные подвалы, от них далее кирпичные сараи. В улице против бульвара к западу Александровская больница, помещающаяся в большом каменном здании с флигелями и огороженная красивой чугунной решеткой».

Дневник В. Паршина насыщен описанием частных, порой даже мелких подробностей тех мест, по которым он проезжал. Чувствуется, что это очень наблюдательный и дотошный бытописатель. Он видел Пермь в тот же год, что и П. И. Небольсин, но никаких медведей около застав не заметил. В то же время в его описании мы находим нечто новое — то, что столбы были обиты белым железом. И это могло быть правдой: в Перми обивались железом даже отдельные здания.

Город Пермь... замечателен тем, что в нем решительно нет ничего достойного внимания. Пермь — это искусственно созданная административная единица, которая скоро будет иметь только значение простого географического термина... На левом берегу раскинулся город, т. е. какие-то развалины около самого вокзала, затем какой-то деревянный балаган, несколько церквей и заборов; у самой воды стояли соляные магазины и толпились солоноски — жалкие, оборванные создания. Правый, низменный берег был покрыт жалкими кустами. Скоро пароход оставил далеко позади эту неприветливую картину.

Д. М. Мамин-Сибиряк
«От Урала до Москвы.
Путевые заметки»

Пермь, когда сходишь с парохода и направляешься по набережной к главным улицам, смотрит красивым, чистым, полным порядка губернским городом... Улицы с гладкими плитными мостовыми, большие храмы... Новый каменный театр, роскошное здание женской гимназии... Вообще весь центр города не только не уступит другим губернским городам, но и превзойдет многие из них...

С. Кельцев,

сотрудник газеты «Московские ведомости»
«От Москвы до Екатеринбурга»

1888 г.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что путешественники видели Пермь в разные годы на протяжении полувека. Естественно, заставы претерпевали какие-то изменения, потому-то одни видели их чугунными, другие — каменными, а третьи — обитыми железом.

Что касается бульвара, то он оставался неизменным многие годы. Нет точных сведений, когда он был уничтожен, по-видимому, полностью только в конце XIX в. — с расширением городской застройки. А. И. Герцен в 1835 г. и П. И. Небольсин в 1849-м пишут, что к бульвару примыкал огромный луг, и ничего не говорят о застройке луга. В. Паршин на этом лугу заметил «два больших каменных здания — провиантский магазин и винные подвалы, от них далее кирпичные сараи». Эта тенденция к застройке луга постепенно нарастала; одними из первых зданий в забульварной части города явились заразные бараки Александровской больницы — на территории нынешней психиатрической больницы. По мере расширения больницы стал застраиваться и бульвар у Казанской заставы (территория городской инфекционной больницы). Современный стадион «Динамо» тоже находится на месте бульвара. От бульвара в настоящее время осталась одна центральная аллея городского детского парка им. М. Горького. Основой этого парка и послужил бульвар, посаженный в 1804—1805 гг.

Читателю стало ясно, где конкретно проходил бульвар в Перми и что значат слова «от Сибирской заставы до Казанской». Он, видимо, продолжался по Казанскому тракту до речки Данилихи. Вот почему Иосиф Белов принял его за продолжение Казанского тракта. В своей книге «Путевые заметки и впечатления по Восточно-Европейской России» он писал о Перми: «...Хотя здесь и находится несколько площадей, но нет, однако же, бульвара, местом же прогулки в летнее время служит почтовый Казанский тракт».

И. Белов ехал через Пермь зимой. Вероятно, его провезли до гостиницы Дворянского собрания, в которой он останавливался, по бульвару.

В наши дни функции городского бульвара выполняет Комсомольский проспект.

Л. С. КАШИХИН

АДРЕС С ХРИЗОЛИТАМИ

Последняя четверть XIX в. на Урале, как и по всей России, отличалась заметным подъемом научной, культурной и общественной жизни. Это объяснялось тем, что страна, освобождаясь от вековых пут феодально-крепостнических отношений, все увереннее шла по пути капиталистического развития, который поддерживался народившимся классом буржуазии и интеллигенцией. Благодаря их усилиям, в ряде городов стали возникать разного рода научные общественные учреждения, заходившие порой в своих социально-экономических устремлениях так далеко, что начинали пугать царские власти.

30 января 1894 г. открылось долгожданное Пермское экономическое общество, устав которого был утвержден правительством 17 ноября 1882 г. Целью общества, как записано в уставе, являлось исследование состояния сельского хозяйства, кустарных промыслов, кредитных крестьянских учреждений, противопожарной охраны и содействие их усовершенствованию и развитию в Пермской губернии. С помощью общества его организатор известный пермский земский деятель, историк и экономист Д. Д. Смышляев надеялся смягчить угрозу голода и нищеты крестьян.

По уставу, руководил обществом совет, состоящий из

председателя, его заместителя, секретаря, казначея и четырех членов, избираемых общим собранием общества.

Вновь открытое общество губернским властям казалось вполне благонамеренным, тем более что в этом же году только что вступивший на престол император Николай II обнародовал свой рескрипт «Вольному экономическому обществу», основанному в 1765 г. Екатериной II, обещая ему свое монаршее покровительство. За несколько дней в Пермское экономическое общество вступило около 150 человек. Среди вступивших были сам губернатор П. Г. Погодин, губернский прокурор, архиерей, чиновники губернских и городских учреждений, купцы, церковнослужители. Основную массу вступивших составляли представители деловых кругов и местной прогрессивной интеллигенции, взявшие на себя всю работу по обществу.

Председателем экономического общества единодушно был избран управляющий Пермской казенной палатой А. Е. Рейнбот, человек высокообразованный, энергичный, передовых взглядов, но, может быть, несколько увлекающийся и эксцентричный, каким показала его потом недолгая деятельность на посту. Смышляев к этому времени уже умер.

Сохранившийся отчет общества за 1894 г. свидетельствует о его напряженной и разносторонней деятельности. На первом же собрании была создана особая комиссия для выработки программы деятельности общества. В ее состав вошли лучшие знатоки края, его экономических нужд, такие, как Е. И. Красноперов, известный статистик, автор многих работ по сельскому хозяйству и кустарному делу, землемер А. С. Сигов, ставший известным на Урале писателем и публицистом, печатавшимся под псевдонимом Погорелов. В комиссию вошла группа лиц, связанных с революционным движением. Среди них В. А. Владимирский, окончивший Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве и не допущенный к профессорскому званию за революционную деятельность, участник кружка так называемых пермских декабристов И. Г. Остроумов, а также сосланный в Пермь народник В. И. Маноцков. Такой состав комиссии не мог не настояжить губернатора.

За довольно короткий срок программа общества была разработана и представлена на обсуждение его членов.

Главное ее направление — определение разных сторон экономической жизни в естественно-исторических и социальных условиях края. Для упорядочения работы общества по разным отраслям деятельности программа предлагала учредить несколько постоянных комитетов, создать специальную экономико-краеведческую библиотеку.

Программа Пермского экономического общества являлась по условиям того времени чрезвычайно смелым документом, показывающим решительный характер тех, кто собирался претворять ее в жизнь. Она отпугнула многих реакционно настроенных представителей местной администрации, буржуазии и духовенства и еще больше насторожила губернскую администрацию.

Первым практическим мероприятием в осуществлении программы общества было принятие решения о почтовых учреждениях и сберегательных кассах при них в крупных заводских центрах губернии. 24 апреля 1894 г. на эту тему заслушан доклад горного инженера М. Д. Белоусова. В докладе обосновывалась необходимость создания правительственных почтово-телеграфных отделений в наиболее крупных рабочих поселках с обязательным устройством при них сберегательных касс, как это давно сделано в ряде промышленно развитых европейских стран. Собрание, соглашаясь с выводами докладчика, отметило традиционную косность русского почтового ведомства в расширении почтовых учреждений, несмотря на готовность со стороны владельцев частных заводов оказать финансовую помощь почтовому ведомству.

С докладом Белоусова и постановлением собрания ознакомили начальника пермского почтово-телеграфного округа. Он нашел доклад «несостоятельным» и потребовал дополнительный материал. На самом деле он старался затянуть дело и не дать ему дальнейшего хода. Увидев, что переговоры на месте ни к чему не приводят, совет общества решил обратиться в Главное управление почт и телеграфов. Но, несмотря на героические усилия, общество так и не смогло ничего добиться в этом деле.

Другим важным мероприятием, которое общество сочло нужным претворить в жизнь не откладывая, явилось повсеместное устройство потребительских обществ и отпуск им местными банками кредитов для покупки товаров, главным образом продовольствия. По этому вопросу общее собрание заслушало обстоятельный, основанный на

статистических данных доклад Е. И. Красноперова. Затем был выработан план действий и избрана исполнительная комиссия, куда, кроме Красноперова, вошли В. А. Владимирский, В. Д. Морозов, И. Г. Остроумов, М. Д. Белоусов, А. Е. Рейнбот, а также представители крупного капитала, пароходчики и либералы Н. В. Мешков и А. Г. Каменский. Комиссия энергично повела это дело, но к концу 1894 г. оно также было далеко до завершения.

Одной из проблем, интересовавших экономическое общество, связанных с сельским хозяйством, была научная постановка метеорологических наблюдений в крае. Известный на Урале горный деятель, публицист, журналист и краевед П. А. Вологдин 14 июня 1894 г. представил вниманию членов общества доклад о видах на урожай в Пермской губернии в 1894 г. по данным о распределении дождей и состоянии всей растительности к 1 июля 1893 г. В докладе доказывалось, что давно назрела необходимость систематических и правильно организованных по всей территории губернии метеорологических наблюдений. Согласившись с доводами докладчика, собравшиеся снова избрали комиссию, которой и поручили разработку и внедрение в жизнь этого мероприятия. Общество ассигновало на покупку приборов для метеорологических наблюдений 30 руб. Но средств и сил было явно недостаточно, поэтому было принято предложение Уральского общества любителей естествознания объединить свои усилия в этом направлении. 21 ноября 1894 г. на заседании объединенной метеорологической комиссии решили созвать губернский съезд метеорологов с участием представителей всех научных обществ и земства. Но он ни в этом, ни в следующем году не состоялся...

Несмотря на неудачи в практическом осуществлении ряда разработанных мероприятий, авторитет Пермского экономического общества рос изо дня в день. О нем говорили и в Петербурге. С мнением членов общества стали считаться. Не только экономические проблемы интересовали членов общества. В круг их интересов входили вопросы медицины, просвещения, благотворительности, прямо или косвенно отражающиеся на материальном положении населения губернии.

Подводя итоги своей деятельности за 1894 г., Пермское экономическое общество решило издать свои труды,

куда бы вошли основные доклады, зачитанные и обсужденные на заседаниях общества. Всего в типографии было отпечатано семь докладов, но их не успели даже сброшюровать. Сборник не увидел света. По одному экземпляру отпечатанных докладов сохранилось в деле канцелярии пермского губернатора.

Из состава членов Пермского экономического общества со временем выделился круг лиц, стремившихся к коренным переменам в социальной и экономической жизни России. К ним прежде всего относились прогрессивно настроенные служащие Казенной палаты, такие, как И. Г. Остроумов, В. Д. Морозов, А. Е. Рейнбот, служащие кустарно-промышленного банка, многие деятели Пермского земства, специалисты, состоящие на службе в губернском земстве, служащие частных предприятий, врачи, учителя, агрономы, техники и другие представители пермской интеллигенции. Их уже перестали удовлетворять одни общие официальные собрания членов общества. Они все чаще стали собираться отдельными группами в других общественных местах, а также на квартирах друг у друга. Их разговоры раз от разу становились все более откровенными, настроения все более решительными. Квартира пермских врачей супругов П. Н. и Е. П. Серебренниковых стала местом наиболее частых встреч. Собирались также у агронома В. А. Владимирского, видного пермского революционера-марксиста, у землемера-писателя А. С. Сигова (Погорелова) и у А. Е. Рейнбота. Если в доме имелись рояль или пианино, собрания эти походили на музыкальные вечера. Когда часть собравшихся, в основном молодежь, музицировала и танцевала, остальные горячо обсуждали проблемы экономического общества, высказываясь более открыто и прогрессивно, а также общие политические вопросы, события, происходившие в стране и на Урале.

В декабре 1894 г. во время одной из таких полулегальных встреч родилась мысль провести своеобразное политическое выступление под видом поднесения императору Николаю II в ответ на его рескрипт Вольному экономическому обществу адреса Пермского экономического общества с намеком о своевременности дарования народу конституции. Рейнбот, возглавлявший редакционную комиссию по составлению адреса, видимо, являлся и его основным автором. Текст адреса был согласован

лишь с немногими членами общества. Местные власти, губернатор не были поставлены в известность.

Чтобы произвести внешнее впечатление, адрес был роскошно оформлен местными художниками и украшен хризолитами, драгоценными камнями золотисто-зеленого цвета.

Вскоре расторопный Рейнбот, минуя канцелярию губернатора, отвез адрес в Петербург и передал его в руки министра земледелия. Искушенный царедворец Ермолов, прежде чем передавать адрес царю, показал его другим членам правительства. В адресе быстро была обнаружена «крамола», и о поднесении его по назначению не могло быть и речи. Адрес возвратили в Пермь ничего не подозревавшему губернатору с разъяснениями, какую опасность таит в себе «подарок» пермяков царю. Деятельность экономического общества предлагалось приостановить губернаторской властью. Взбешенный губернатор Погодин в свою очередь предложил, ничуть не церемонясь, общество просто-напросто разогнать, а его председателя Рейнбота отправить в ссылку. Но Петербург пермского губернатора в его кровожадном намерении не под-

Копилка краеведа

«Пермский хамелеон» *

«Люблю грозу в начале
мая!» —
сказал поэт, предполагая,
что май — весенних гроз сезон.
Ах, не в Перми родился он!
Когда б была пером поэта
природа пермская воспета,
то стих правдивый за обман
сочло бы мненье россиян!
Июльские в апреле грозы,
в июне снег да и морозы,
стихий безбожный кавардак:
вот приоблык к чему пермяк!
Природа с ловкостью кокетки
то жарит из него котлетки,
то снежной пылью охладит.
Нет на тебя в Перми закона,
природа, тип хамелеона.

* Стихотворение написано в конце XIX в. неизвестным автором. Из краеведческой копилки Н. А. Аликиной.

Стыдись, голубушка! Ведь
срам,
какой пример твоим сынам,
чему им у тебя учиться?
Пора, пора остепениться.
Кругом смеются над тобой.
Недоставало только срама,
чтобы в июле, в самый зной
покрылась льдом и стала

Кама!
Чтоб в декабре иль в январе,
не справившись в календаре,
река свои открыла воды
и зашныряли пароходы!
Капризы глупые уйми,
они тебе совсем не к лицу.
Стыдись все делать людям
в пику:
сбивать Панаева ** в Перми
и всю науку с панталыку!

** Панаев Федор Николаевич (1856—1933) — пермский учитель, первый климатолог Прикамья.

держал. Там понимали, что в подобном случае потребовались бы санкции царя, т. к. общество было открыто с разрешения правительства и имело утвержденный им же устав. В завязавшейся переписке по поводу экономического общества губернатору дали понять, что неуютное ни правительству, ни ему, губернатору, Пермское экономическое общество, которому формально нельзя было предъявить никакого законного обвинения, нужно дуть медленно и осторожно под видом временной приостановки его деятельности. Погодин в точности исполнил это указание столичных наставников, окончательно прикрыв деятельность общества лишь в мае 1895 г.

Члены экономического общества вплоть до 1898 г. предпринимали героические усилия вернуть его к жизни и продолжить все те мероприятия, которые были ими либо успешно начаты, либо остановлены. Прежде всего, нужно было выбить из рук недоброжелателей такой козырь, как этот злополучный адрес царю, и доказать, что члены общества никакого тайного умысла не преследовали. Рейнбот проявил в этом деле завидное упорство и слал телеграмму за телеграммой в Петербург, требуя немедленного вручения адреса по назначению.

Для борьбы со своим прямым противником, пермским губернатором, члены общества пытались использовать периодическую печать. Так, в газету «Волжский вестник» они направили корреспонденцию под названием «Столкновение экономического общества с губернатором», в которой рассказывалось о самоуправстве Погодина, запретившего своей властью издание первого выпуска трудов Пермского экономического общества. Кроме того, была послана жалоба на действия губернатора в Главное управление по делам печати. Однако все было напрасно: жалобы и корреспонденции направлялись тому же губернатору «на рассмотрение и заключение». Такой тихий способ расправы с неуютными царские власти использовали испокон веков наравне с открытыми репрессиями. Правительство предприняло еще один хитрый тактический ход: Рейнбот без его согласия был переведен на службу в Петербург, в совет министра финансов. Обезглавив Пермское экономическое общество, правительство рассчитывало как можно быстрее покончить с ним. Взялись и за наиболее активных членов общества. Были арестованы, а затем высланы в Архангельскую и Вологод-

скую губернии политссылные, народники-революционеры В. П. Дениш, В. И. Маноцков, А. И. Бороздич, И. А. Наклепаев, В. И. Фролов. Некоторые из членов общества отделились «отеческим» внушением губернатора. Правда, сам он, приобретший в лице Рейнбота, служившего теперь в Петербурге, сильного недоброжелателя, вынужден был, не без помощи последнего, выйти в отставку и вообще уехать из Перми. Уезжая в свое имение на запад России, Погодин, падкий до всяких драгоценностей, увез с собой так и не врученный царю адрес с хризолитами. Переезжая в Минске с вокзала на вокзал, как сообщали в то время столичные газеты, бывший пермский губернатор потерял портфель, в котором находились процентные бумаги на 100 тыс. руб. Не было ли в этом портфеле и адреса? Сегодня уже никто не ответит на этот вопрос. Судьба адреса с хризолитами, посланного в Петербург из далекой Перми, остается неизвестной.

Около полутора лет существовало Пермское экономическое общество, но и за этот короткий срок оно оказало громадное влияние на последующую общественную жизнь города. Объединенная им интеллигенция уже не теряла своей духовной связи. Работая вместе с политическими ссыльными, слушая их выступления и споры на собраниях, многие члены общества навсегда избавились от недоверия и страха перед ними; увидели в них бескорыстных тружеников, надежных товарищей. С закрытием Пермского экономического общества подъем творческого духа и интерес к общественно-политическим проблемам среди большинства бывших его членов не только не угасли, на что рассчитывали царские власти, а, наоборот, все более расширялись. Они стали не менее активно работать в других общественных организациях города, первое место среди которых занимал Пермский научно-промышленный музей.

Общество напугало царские власти не адресом к царю, а своим решительным, непредсказуемым вмешательством почти во все сферы экономической, социальной и культурной жизни края. Они увидели в лице кучки организованных, радикально настроенных людей угрозу незыблемым устоям самодержавия. Поэтому нужно было поскорее избавиться от этой угрозы. А адрес с хризолитами был лишь удобным поводом к тому.

В. С. ВЕРХОЛАНЦЕВ

**ГОРОД ПЕРМЬ,
ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ***Главы из книги***Благотворительность в Перми**

Начало благотворительности в Перми относится ко времени основания самого города. Так, в числе учреждений нового города в 1781 г. упоминается приказ общественного призрения. Этот приказ на первых порах имел довольно широкую сферу деятельности. На его средства была основана первая школа в 1783 г. Известно... что ему были подчинены дом для сирот и городская богадельня, помещавшаяся в двух деревянных домах у Старого кладбища.

27 декабря 1839 г. высочайше утверждено положение о детских приютах. Вследствие этого, пермским губернатором И. И. Огаревым была открыта подписка по всей губернии, которая дала к 1848 г. 3836 руб. 34 коп., а к 1850 г. достигла уже свыше 10 000 руб. Это дало возможность к открытию Пермского губернского детского приюта, который и открыт 1 мая 1850 г. Число призреваемых при открытии приюта достигло 46 человек, из них 10 мальчиков и 36 девочек. 4 февраля 1860 г. при приюте открыто ночлежное отделение на 10 человек, а в 1863 г. положено начало образованию сиротского капитала, который в 1900 г. возрос до 2630 руб. 73 коп. Когда возросли средства приюта, то представилась возможность выстроить двухэтажный каменный пристрой к приютскому зданию по Кунгурской улице для помещения первых двух ремесленных классов, открытый 7 декабря 1886 г. Воспитанницы стали заниматься рукоделием, шитьем и стиркой белья. В 1896 г. приступлено к постройке каменного двухэтажного корпуса по Кунгурской улице для помещения кулинарного и прачечного классов, открытие которых последовало 24 января 1899 г. В кулинарном классе занимаются и посторонние, желающие научиться кулинарному искусству. При классе существует столовая, где ежедневно отпускаются обеды. В 1900 г. стоимость всех приютских зданий достигала 60 000 руб., ежегодный расход определялся в 14 000 руб.

В приюте постоянно призревалося 85 девочек. Особенно большую материальную помощь приюту оказала Е. И. Любимова, состоявшая более 25 лет попечительницей приюта.

В 1862 г. в Перми появляется дамское попечительство о бедных, деятельность которого выразилась в основании начального училища в Перми и, главным образом, в открытии 3 ноября 1863 г. Убежища детей бедных. К 1 января 1866 г. в нем было уже 95 человек. Учреждение открыто по инициативе супруги начальника губернии А. Г. Лошкаревой. Сначала оно помещалось в доме, где была городская дума, на углу Соликамской и Верхотурской улиц; в конце 70-х годов для него начат постройкой дом на площади Петропавловского собора, но так как у Убежища детей бедных не оказалось средств на постройку большого дома, то на помощь ему пришли известные благотворители Ф. К. и Г. К. Каменские, которые в марте 1882 г. приобрели на свои средства каменный двухэтажный дом с флигелем, на углу Покровской и Верхотурской улиц, и пожертвовали его для помещения Убежища. Дом был заново перестроен теми же братьями Каменскими и приспособлен для Убежища детей бедных, которое и перешло в него 1 ноября 1883 г. В деле внутреннего благоустройства убежища много потрудились А. Г. Семевская, супруга управляющего Пермским отделением Государственного банка. Еще 24 января 1867 г. Убежище было принято под высочайшее покровительство государыни императрицы Марии Александровны. В память этого события, а также в ознаменование события 17 октября 1887 г. при Убежище 22 июля 1889 г. заложена отдельная каменная церковь во имя св. Марии Магдалины на средства частных лиц. В настоящее время (1913. — Прим. сост.), кроме общежития, при Магдалининском приюте помещаются: училище, столярная, переплетная, сапожная и рукодельная. В нем призревается 75 человек.

Затем на Обвинской улице помещается детский приют-ясли ведомства императрицы Марии. Собственного здания, за неимением средств, приют не имеет. В квартире 4 комнаты и кухня. Приходящих ежедневно бывает от 10—12 человек, которых утром родители приносят, а вечером уносят. Дети получают от приюта пищу, белье, платье и обувь.

Есть еще приют-ясли, основанный в 1899 г. Ададуровой. Он помещается в конце Петропавловской улицы в собственном доме, построенном благодаря энергии Л. Я. Бенедиктовой. Средствами приюта являются: пособие городской думы 100 руб., губернского земства 100 руб., уездного земства 125 руб., Е. И. Любимовой 300 руб. и доходы от вечеров, лотерей и спектаклей. Дети воспитываются в приюте до 8 лет, а потом отдаются в Марие-Магдалининский или Рождество-Богородицкий приюты. В «дети» отдают чрезвычайно редко, всего было два случая за время существования, и то после наведения тщательных справок. Число приходящих колеблется от 6 до 20. В приюте содержится 75 процентов круглых сирот и 25 процентов полусирот.

Есть также приют-ясли имени Григорьева, основанный в доме Григорьева, завещавшего свой дом и капитал городу на устройство приюта. Последний открыт 1 октября 1908 г.,

Для призрения престарелых на углу Большой Ямской и Красноуфимской улиц имеется городская богадельня, основанная по постановлению Пермской городской думы 10 октября 1866 г. В 1879 г. при богадельне устроена деревянная церковь во имя св. Симеона Верхотурского, замененная в 1885 г. каменной [церковью] на средства братьев Каменских. Богадельня имеет 4 мужских палаты и 18 женских, в которых в 1910 г. помещалось 32 мужчины и 113 женщин. Главный контингент женщин — мещанки, мелкие торговки; кроме того, 24 женщины живут вне богадельни, получая 36 руб. в год. Принимаются в богадельню не моложе 50 лет, но есть дожившие и до 90—95 лет.

Кроме этой, есть еще богадельня земская, помещающаяся в пригороде Данилихе.

Для приюта работоспособных 1 августа 1882 г. Пермским комитетом по разбору и призрению нищих открыт ночлежный дом на 100 мужчин, помещающийся по Петропавловской улице, между Верхотурской и Соликамской улицами. Здесь летом ночует от 100 до 110 человек, а зимой — до 300. Расходуется на его содержание всего 480 руб. в год. Помещение для ночлежного дома ниже всякой критики, теснота и грязь повсюду. В настоящее время есть проект устроить обширное каменное помещение для ночлежного дома со всеми новейшими улучше-

ниями известным благотворителем Перми Н. В. Мешковым в память его покойной матери.

22 февраля 1898 г. в Перми открыт дом трудолюбия по типу такового же в городе Кронштадте, устроенного известным протоиереем И. Н. Сергеевым-Кронштадтским, но дела его шли очень вяло, и в 1904 г. его взяло под свое попечение вновь возникшее в Перми общество трудовой помощи.

Цель этого общества — дать встать на ноги работоспособному, но впавшему в безысходную нужду человеку. Главное детище общества — дом трудолюбия. До декабря 1912 г. он помещался в наемном здании и двух флигелях по Вознесенской улице, а с 9 декабря 1912 г. переведен в новое собственное прекрасное помещение — трехэтажный каменный дом на углу Торговой и Брюхановской улиц. Средства дома трудолюбия составляют пожертвования, членские взносы, доход от вечеров и главным образом — доход от заработков работающих. Мужское и женское отделения дома изолированы. При доме трудолюбия находятся белошвейная, переплетная, сапожная и столярная, а также черное отделение, где треплют мочало, канаты для пеньки и пакли, делают швабры и веники. Особенно много работающих бывает зимою. Среди работающих встречаются много лиц со средним и даже с высшим образованием.

Для призрения вдов на средства известной благотворительницы Е. И. Любимовой построен на Слудской площади каменный дом по плану архитектора В. В. Попатенко, стоящий 40 000 руб. Здесь бедные вдовы с детьми

* 12 августа 1888 г. у механического и судостроительного завода И. И. Любимова в устье речки Данилихи царило большое оживление. Заканчивались последние приготовления к отправке в путь двух морских паровых шхун.

Строительством их руководил управляющий заводом, механик, бельгийский подданный Л. И. Пирсон. Ранее в Перми морские суда не сооружались. Шхунам были даны имена организатора национально-освободительной борьбы русского народа против польской интервенции начала XVII в. Кузьмы Минина и активного участника этой борьбы, полководца князя Дмитрия Пожарского.

Шхуны были сооружены для плавания на Каспийском море. Первая длительная стоянка была в Казани. Здесь их тщательно проверили, устранили выявившиеся на пути из Перми в Казань неполадки и отправили по Волге-реке.

получают бесплатно хорошую квартиру с готовым освещением и отоплением.

Кроме того, на седьмой версте от Перми по Сибирскому тракту открыта 1 ноября 1909 г. ремесленно-земледельческая колония и при ней земская школа. В ней призревается до 20 детей.

Далее, в Перми есть несколько дешевых народных столовых-чайных, например, в переселенческом бараке, на набережной Камы, по Петропавловской улице в доме Быковой. Последняя устроена комитетом по разбору и призрению нищих. Этот комитет образовался давно и проявил большую деятельность в половине 80-х годов, когда душою его был протоиерей Е. А. Попов, можно сказать, уничтоживший нищенство в Перми благодаря рациональной постановке дела благотворительности. Нищих тогда в Перми почти не было. Но после смерти протоиерея это благое дело забылось, и только в декабре 1911 г. возникло городское попечительство о бедных и город Пермь был разделен на 9 участков, в которых были открыты участковые попечительства о бедных.

Деятельность участковых попечительств нашла большое сочувствие в пермском обществе и была особенно активна в 1912 г. Некоторые из попечительств открыли бесплатные столовые для бедных, устроили бесплатные завтраки в начальных школах для бедных учащихся, на произведенный на вербной неделе кружечный двухдневный сбор организовано было разговение при попечительствах. Каждый квартал города был поручен известному лицу, знающему бедное население квартала, которое и уста-

Сооружение первых морских шхун на пермском механическом и судостроительном заводе И. И. Любимова явилось значительным техническим достижением.

* В 1910 г. Министерство путей сообщения переименовало железнодорожные станции на территории города Перми. С 18 апреля станция Пермь стала называться Пермь I, а станция Заимка — Пермь II, о чем сообщила газета «Пермские губернские ведомости» 16 марта 1910 г.

Станция Пермь I начала свою жизнь в 1878 г. с открытием движения поездов по Уральской горнозаводской железной дороге — от Перми до Екатеринбурга. Станция Пермь II была открыта в 1899 г., когда поезда из Перми пошли и на запад — к Вятке. Тогда станция находилась в густом сосновом лесу, «вдали от шума городского».

С. Ф. Николаев

Копилка краеведа

навливает, в чем главным образом нуждаются бедные его квартала и кому действительно нужна помощь. Последняя оказывается исключительно только материалами.

К благотворительным учреждениям города нужно отнести также училище и убежище слепых и училище глухонемых. Первое основано в начале 90-х годов прошлого века и помещается в прекрасном трехэтажном каменном здании с церковью. Второе существует очень недавно, не имеет собственного помещения и существует на взносы за право учения, пособия города и земства и на частные пожертвования.

Большую благотворительную помощь оказывают также церковно-приходские попечительства, особенно Рождество-Богородицкое, открытое в декабре 1889 г. в ознаменование столетия существования Рождество-Богородицкой церкви, и Петропавловское, учрежденное 19 декабря 1893 г. Первое из них ежегодно в первый день Св. Пасхи устраивает разговение для 500 бедных.

Нужно думать, что рациональная и систематическая постановка дела благотворительности, к которой город приближается с учреждением участковых попечительств, со временем совсем уничтожит печальное явление нищеты на улицах.

Т. П. ЗЛОВИНА

МАРИИНКА

*Из истории
Пермской женской гимназии*

Жители Перми давно мечтали об учебном заведении для женщин, и когда 10 мая 1860 г. было высочайше утверждено «Положение о женских училищах», эта мечта приблизилась к осуществлению. Дело было за средствами. Слово «благотворительность» звучало тогда вполне привычно для пермяков: в городе собирались добровольные пожертвования, устраивались концерты и лотереи, средства от которых поступали в фонд будущего женского училища. 1000 руб. удалось собрать по подписке.

Городская дума обязалась ежегодно отпускать по 600 руб. Но и этого оказалось мало. Пермские купцы Губкин, Кузнецов, Любимов, ставшие членами попечительского совета, приняли деятельное участие в организации нового учебного заведения. В итоге набралось 5010 руб. 67 коп. С этими деньгами можно было начинать. Тогда же принимается решение ходатайствовать о присвоении училищу наименования «мариинского» в честь императрицы Марии Федоровны.

28 декабря 1860 г. в двухэтажном полукаменном здании по улице Пермской, пожертвованном Ф. К. Каменским, состоялось торжественное открытие женского училища первого разряда. Ныне здесь на улице Кирова, рядом со средней школой № 21, находится жилой дом. Занятия начались 8 января 1861 г. Ученицы изучали закон Божий, русский язык и литературу, арифметику, французский и немецкий языки, чистописание и рисование. Практиковались уроки танцев, музыки, рукоделия и гигиены. Уделялось внимание и гимнастике. Так что из стен училища выходили вполне образованные и воспитанные барышни. На первых порах в училище было всего 57 учениц и 7 преподавателей.

С 1871 г. училище было преобразовано в 7-классную гимназию с дополнительным 8-м, педагогическим, классом, по окончании которого ученицы получали право на преподавание в народных училищах, а также звание домашней учительницы. В соответствии с новым статусом изменилась и программа: были введены уроки латинского и греческого языков, воспитанницы обучались методике преподавания. Поскольку место учительницы было трудно получить, а материальное положение учениц было далеко не всегда хорошим, решили ввести курс бухгалтерии.

Популярность гимназии росла, и вскоре потребовалось помещение более просторное. 31 марта 1883 г. гласные Пермской городской думы уступили для гимназии место в центре города, находящееся на углу улиц Петропавловской и Обвинской.

Инициатива перестройки здания принадлежит супруге пермского губернатора Т. Д. Анастасьевой. В пользу гимназии 22 июля 1883 г. ею было организовано в саду летнего помещения общественного собрания «небывалое гуляние с музыкой, шествием Черномора и каруселями».

Капитал на постройку вскоре достиг крупной суммы. 10 тыс. руб. постановило пожертвовать чрезвычайное Пермское земское собрание. 11 557 руб. было собрано по подписке от граждан. Самую крупную сумму (4 тыс. руб.) выделил князь Воронцов, 2 тыс. — граф Шувалов. Здание было построено по проекту ирбитского архитектора Ю. Д. Дютеля в стиле модерн с «национальным оттенком». 12 июня 1887 г. оно было освящено в присутствии великих князей Михаила Николаевича и его сына Сергея Михайловича. Здание общежития для иногородних и малообеспеченных учениц было построено в 1897—1899 гг. Только вот порядки в нем вряд ли понравились бы современным школьницам: воспитанницам вменялось в обязанность после шести часов вечера находиться дома; если же им нужно было отлучиться, то они должны были записать место отлучки, при этом ни в коем случае не разрешалось отлучаться позднее десяти часов вечера. На посещение театра и других общественных собраний гимназистки должны были просить разрешения у начальницы гимназии.

Вообще нужно сказать, что нравственное воспитание считалось в гимназии главной задачей. В отчете педагогического совета за 1881 г. говорится: «Педагогический совет признает главным предметом своей заботливости нравственность своих воспитанниц и действует общими силами, стараясь развить в ученицах качества, необходимые для будущих членов общества и семьи». Педагоги старались следить за формированием характера. Строго преследуются всякие признаки неуживчивости и сварливости между ученицами, а требуются деликатность в обращении и уступчивость. Задачи воспитательного характера решали классные надзирательницы, они же посещали гимназисток на дому.

Идея взаимодействия школы и семьи беспокоила и сто лет назад. Из доклада педагогического совета: «Иные родители, отдавши своих детей в училище, думают, что этим они уже исполнили свой долг, и затем оставляют всякую заботу об умственном и нравственном развитии своих детей. Другие родители считают, что училище должно сообщить их детям запас сведений, забывая при этом, что всякое общее образование имеет своей целью всестороннее и равномерное развитие всех сил — умственных, нравственных и физических». Так что зада-

ча гармоничного воспитания, поставленная советской школой, далеко не новость. Работал в гимназии и родительский комитет, но задачи его были шире. Он занимался благотворительной деятельностью, организовывал дополнительные занятия с неуспевающими ученицами, приглашал репетиторов за свой счет...

6 мая 1895 г. состоялась закладка церкви при Пермской Мариинской гимназии. Это было осуществлено при деятельном участии супруги пермского губернатора, попечительницы гимназии Е. Г. Погодиной. Хотя большинство воспитанниц были православными, к чести руководства, религиозной нетерпимости не существовало.

В 1895 г. началось преподавание римско-католического вероучения, а с 1899 г. было допущено преподавание еврейского закона для учениц иудейского вероисповедания.

Образование тогда обходилось достаточно дорого: для первых четырех классов — 38 руб. в год, пятых-седьмых классов — 45 руб., для восьмых классов — 65 руб. За обучение иностранным языкам полагалась дополнительная плата. Напомним, что заработная плата высококвалифицированного рабочего составляла 40—70 руб. в месяц, а к 1913 г. она еще возросла.

Плата за обучение являлась основным источником финансирования, но не единственным. Ежегодные взносы делали, например, И. П. Любимов, А. Г. Кропачев, Каменские, Строгановы и другие состоятельные люди города. Более существенным источником финансирования были земские взносы. Начиная с 1870 г. губернское земство ежегодно вносило 6 тыс. руб., уездное земство — 3 тыс. руб., что позволило облегчить путь к образованию многим пермским девушкам. За 50 лет, т. е. до 1911 г., от платы было освобождено 5070 учениц. Для того чтобы руководство гимназии освободило от платы, нужно было представить свидетельство о бедности — процедура в достаточной степени унижительная, но все-таки число освобожденных от платы составляло треть всех учениц. Имеющиеся средства позволяли гимназии содержать хорошие библиотеки и учебные кабинеты. В 1911—1912 гг. заботами начальницы гимназии Т. И. Пашихиной была построена в Нижней Курье дача-колония для отдыха бедных учениц.

Положение преподавателя гимназии в обществе было

вполне солидным. Это видно по оплате труда: в зависимости от квалификации и недельной нагрузки она составляла от 600 до 900 руб. в год и выше.

Многие преподаватели в гимназии были заметными людьми в городе. Например, М. Афонасьев, учитель чи-стописания, служивший в гимназии с 1861 до 1890 г., работал еще дополнительно почти во всех учебных заве-дениях и имел две слабости, делавшие его в глазах пер-мяков оригиналом: чрезмерную экономность и непрео-долимую страсть к написанию стихов; Алексей Несто-рович Зеленин, талантливый художник; А. А. Дмитриев, написавший «Очерки из истории губернского города Пер-ми»; Н. А. Синицын, автор «Конспекта по истории лите-ратуры»; В. Н. Шишонко, создавший «Пермскую лето-пись».

Наш рассказ был бы, наверное, неполным, если бы мы хотя бы несколько слов не сказали о выпускниках гим-назии.

Всем, кто хотя бы в какой-то степени интересовался историей нашего края, известна фамилия Теплоухо-вых — талантливых ученых, лесоводов, археологов, крае-ведов... О мужской линии этой семьи написано очень много, а вот о женской значительно меньше.

Надежда Александровна, внучка знаменитого лесо-

Копилка краеведа

С. Ф. Николаев. О. М. Варфоломеева

В 10-х годах нынешнего века народная учительница Олимпиада Максимовна Варфоломеева (1865—1960) посели-лась в Перми и занялась организацией дошкольного воспи-тания детей.

В 1912 г. в Перми было основано общество «Светлая юность», ставившее своей целью содействовать нравственно-му и физическому воспитанию детей и юношества. Одним из первых шагов общества, во главе которого встала О. М. Вар-фоломеева, явилась организация первой в Перми детской площадки. Ее открыли 10 июня на усадьбе губернского зем-ства (угол Сибирской и Большой Ямской улиц — ныне улиц Карла Маркса и Пушкина). Ежедневно приходило 80—100 де-тей в возрасте от 4 до 12 лет и старше.

Площадка проработала до осени. С закрытием ее обще-ство взялось за организацию первого в Перми, да и на Урале, детского сада. Имелось в виду охватить им детей от 3 до 8 лет. На средства родителей общество сняло помеще-ние, оборудовало его. 21 ноября в торжественной обстанов-ке состоялось открытие детского сада.

вода, не была крупным ученым. Она была просто хорошим, порядочным человеком. В 1898 г. она с серебряной медалью закончила Мариинскую гимназию, стала заниматься педагогической деятельностью, которую продолжила и при Советской власти в Кудымкарской национальной образцовой средней школе, где преподавала русский язык и литературу.

Многие из выпускниц, захваченные революционными бурями, оказались связанными с политикой. Среди них, например, М. Бруштейн, Т. Агеева, закончившие гимназию с золотой медалью, и другие. Несколько слов о М. Я. Бруштейн. В Перми эта фамилия была достаточно хорошо известна. Бруштейны занимались торговлей, а отец Марии Яковлевны был владельцем типографии. Семья сумела дать дочери высшее образование. Она становится одним из первых частнопрактикующих женщин-врачей. Активно занималась профсоюзной работой, за что и была сослана в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции. Вскоре ссылка из-за ухудшения состояния здоровья была заменена высылкой за границу с условием проживания в Берлине. В годы первой мировой войны М. Я. Бруштейн работает в лазарете, а при Советской власти заведует приютом для детей-подкидышей, который впоследствии был преобразован в Дом матери и ребенка.

Гимназия просуществовала до 1919 г.

И еще один любопытный факт. В здании Пермской женской Мариинской гимназии 1 октября 1916 г. состоялось торжественное открытие Пермского отделения Петербургского императорского университета.

Ныне, как известно, в этом здании размещается Пермский сельскохозяйственный институт им. акад. Д. Н. Прянишникова.

Источники

ГАПО, ф. 33, оп. 1, д. 1, 23.

ГАПО, ф. 1327, оп. 1, д. 1, 9, 11, 161.

ГАПО, ф. 613, оп. 3, д. 113, 114, 120, 170.

ГАПО, ф. 3, оп. 8, д. 3.

Мариинская женская гимназия в Перми: К пятидесятилетнему юбилею. — Пермь, 1913.

Верхолапцев В. С. Город Пермь... — Пермь, 1913.

Весь город Пермь: Адрес-календарь на 1904 г.

Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область. — М., 1978.

БЕЛЫЕ ПЯТНА ПЕРМСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ

Поставив последнюю точку в «Истории пермской книги» * и немного отрешившись от столь кропотливого труда, ясно видишь все его огрехи и недостатки. И, пожалуй, самый существенный из них — множество белых пятен, заштрихованных историей страниц, восстановить которые так и не удалось. Можно, конечно, оправдываться тем, что изучать пермскую книгу стали сравнительно недавно, что к этому моменту были безвозвратно утрачены многие источники и, прежде всего, сами книги, что разобщены усилия по изучению пермской книги краеведов, историков, филологов, искусствоведов, книговедов, что до сих пор не удалось опубликовать воссозданный нами репертуар пермской книги, включающий тысячи названий, — одно это могло бы послужить существенным толчком к дальнейшим поискам и находкам... Можно бы было в свое оправдание перечислять еще многое, но белые пятна существуют, и заполнить их возможно лишь совместными усилиями всех, кто знает, ценит и любит старую пермскую книгу. Задача данной статьи — обратить внимание исследователей и книголюбов на эти белые пятна, подтолкнуть к дальнейшим поискам, к новым гипотезам и решениям.

Прежде всего обращает на себя внимание неравномерность сведений по разным периодам истории пермской книги. Ее исходная точка — конец XVIII в. (напомним, что первая пермская типография была открыта в 1792 г. и с этого же года приступила к печатанию книг). Эта исходная точка издавна привлекала внимание исследователей. О ней писали такие дореволюционные и советские историки и книговеды, как В. Семенников, А. Дмитриев-Мамонов, И. Мартынов, Ю. Курочкин, А. Блюм, В. Павлов и др. Начало XIX в., о котором, казалось бы, сведений должно сохраниться больше, оказалось обделенным. Изучаются лишь отдельные книги, вспоминаются отдельные имена, а в целом — почти полное безмолвие. Более того, все чаще звучало мнение, что исследовать нечего,

* Н. Ф. Аверина — автор «Истории пермской книги» (Пермь, 1989).

что книг в это время в Перми практически не издавалось. Подобная историография прослеживается и в последующие годы: масса сведений и исследований по второй половине XIX в., гораздо меньшее их число по концу XIX — началу XX в., почти полное отсутствие по периоду гражданской войны, относительная информированность о 20-х годах, полная неразбериха по 30-м... Безусловно, влияли определенные догмы и стереотипы, ложные принципы, сомнительные постулаты. Подводила и наша «непорочная» статистика, сказывалось кощунственное отношение к книжным фондам: постоянно что-то изымалось, запрещалось, списывалось, сдавалось в макулатуру. В результате даже в областной библиотеке им. М. Горького за 50—60-е годы нашего века хранятся далеко не все пермские книги.

Неравнозначны у нас сведения о тех, кто пермские книги создавал. Больше повезло авторам, особенно если они были краеведами, литераторами, общественными деятелями, а сведений о типографиях, книгоиздателях, книгопродавцах почти не сохранилось. Лишь в самом конце XIX в. «Памятные книжки Пермской губернии» и иные справочные издания начали уделять внимание книжному делу губернии, приводя на своих страницах данные об имеющихся в губернии типографиях, книжных лавках, библиотеках. Можно было встретить и фамилии некоторых владельцев и служащих подобных заведений, но без каких-либо пояснений и комментариев. Минимальные подробности об интересующих лицах давали газетные информации, рекламные объявления, редкие мемуары, гораздо более частые жандармские донесения, хранящиеся в архивах. Кстати, именно последние хоть в какой-то мере характеризовали действующих лиц. Собирая из разрозненных, часто противоречащих друг другу штрихов трудно уловимые портреты, чувствуешь, как много интересного можно рассказать о таких незаурядных типографах, издателях, книгопродавцах, как Александра Сунгурова, Елизавета Попова, семья Сусловых, Алексей Хитров, Елизавета Кузес, Яков Шестаков.

Историю книги нельзя написать без знания самих книг. К сожалению, именно провинциальные издания сохраняются хуже всего: слишком мало их ценят при выходе, плохо берегут, считая малоинтересными для потомков, в первую очередь списывают, в первую очередь

сдают в макулатуру или просто выбрасывают. Тираж местных книг обычно бывает небольшим, но, распространяясь в ограниченном регионе, создает иллюзию чрезмерного обилия изданий. Так случилось и с пермскими книгами. Лишь немногие из них сохранились в достаточном числе экземпляров — их можно встретить почти во всех крупнейших библиотеках Урала, имеются они и в некоторых личных собраниях (например, знаменитые «Пермские сборники» Д. Д. Смышляева). Другие весьма редки. Третьи давно уже считаются раритетами, иногда известными лишь в единственном экземпляре, к тому же хранящемся далеко за пределами области. Так, в единственном экземпляре сохранилось сочинение Петра Филиппова «Подробное описание типографских должностей, с приложением о правописании объяснения, каким образом через короткое время оному научиться можно» — первая в нашей стране книга, посвященная типографскому делу, напечатанная в Перми в 1796 г. (хранится сейчас в специальном сейфе редкого фонда библиотеки имени В. И. Ленина в Москве). В составе личной библиотеки В. А. Жуковского, хранящейся в Томском университете, заведующим отделом редких книг университетской библиотеки В. В. Лобановым относительно недавно было обнаружено неизвестное исследователям пермское издание — «Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1837 года». Позднее оно было подробно описано известным свердловским краеведом и библиофилом Ю. М. Курочкиным. Видимо, издание приурочено к приезду в Пермь наследника престола, будущего императора Александра II и отпечатано в ограниченном числе экземпляров в подарочном оформлении. Один из экземпляров был преподнесен Жуковскому, который сопровождал наследника. Позднее сын Жуковского подарил библиотеку поэта молодому Томскому университету, где и хранилось до сих пор столь любопытное для нас издание.

Иногда совершенно забытое издание обнаруживается в личных коллекциях. Так, в декабрьском номере газеты «Вечерняя Пермь» за 1983 г. появилось интересное сообщение одесского книголюбца М. Бельского о пермской миниатюрной книге начала века — «Маленькое «удобство». Календарь на 1905 год». Формат ее 39×71 мм, издана книга добротно и изящно. И таких примеров можно приводить великое множество.

Но иногда совершенно забытые книги мы находим и у нас в Перми. Так, уже в 80-е годы работник государственного архива Пермской области Л. В. Куколев обнаружил в библиотеке архива сразу две незнакомки, причем обе — начала XIX в., когда, как полагали (об этом говорилось выше), книг в Перми вообще не печатали.

Наконец, есть книги, хотя и совершенно не сохранившиеся, но подробно описанные библиографами, историками, коллекционерами. Иногда эти описания не вызывают никаких сомнений. Например, о том, что в 1801 г. в Перми была издана «Ода изображения благоденствия России под державою государя императора Александра Павловича на день высочайшего его и императрицы Елизаветы Алексеевны коронавания сентября 15 дня 1801 года», уральским библиографам стало известно из второго прибавления к «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (1832). Знаменитый издатель, приятель А. С. Пушкина А. Ф. Смирдин владел этим изданием.

Однако сообщения о большинстве не дошедших до нас книг нуждаются в дополнительных подтверждениях и доказательствах. В течение нескольких лет, даже десятилетий, шумела, несколько приутихнув в последнее время, острейшая дискуссия, была ли действительно в Перми в 1882 или 1884 гг. напечатана повесть Н. А. Некрасова «Как я велик!», известная специалистам в отрывках. Спорили не столько пермяки, сколько столичные книговеды, литературоведы, историки. Кажется, известно о книге все: по чьей рукописи печаталась, какой был тираж, в какой типографии изготовлена, как внешне выглядела. Не нашли лишь самой книги и документального подтверждения приводимых подробностей. «Одной из наиболее загадочных страниц» отечественного библиофильства назвал эту историю ленинградский книговед М. Д. Эльзон, а известный советский литературовед С. А. Рейсер охарактеризовал ее как «неясную и полутаинственную»*.

Одной из самых известных и популярных первопечатных пермских книг справедливо считается «Хозяйствен-

* Эльзон М. Д. Существовала ли книга Н. А. Некрасова «Как я велик!» // Альманах библиофила. — М., 1979. — Вып. 7. — С. 179, 182.

ное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах в городе Перми» Н. С. Поповым и напечатанное в губернской типографии в 1804 г. Два тома большого формата, каждый по 400 страниц, рассказывают о природе, растительном и животном мире губернии, о заводах, промыслах, земледелии, скотоводстве, рыбной ловле, о 12 уездных и 3 заштатных городах и о многом, многом другом. Книга эта была перепечатана в Петербурге как образцовое сочинение — один этот факт говорит о ее незаурядности.

Однако и у этой, более других изученной и доступной первопечатной пермской книги, есть одна загадка. В «Летописи города Перми за 1790—1873 годы», составленной известным пермским краеведом В. Н. Шишонко, есть упоминание о том, что в Перми в 1810 г. был напечатан третий том сочинения Н. С. Попова, названного выше*. Сообщение, безусловно, сенсационное, но весьма сомнительное. Во-первых, в «Летописи» Шишонко немало неточностей. Во-вторых, почему больше никто не упоминал об этом третьем томе? Правда, в библиографическом указателе знаменитого пермского историка, краеведа, общественного деятеля Д. Д. Смышляева «Источники и пособия для изучения Пермского края», изданном в 1876 г., после констатации, что книга вышла в двух частях, читаем: «Сочинение это заключает 1199 страниц**». Смышляев не просто держал книгу в руках, он ее хорошо знал и ошибиться на 400 страниц едва ли мог. В чем же тут дело? Может быть, разгадка в нечеткости разграничения понятий «том», «часть»? Может быть, действительно увидел свет третий том, но не как самостоятельная часть, а как продолжение уже вышедшей ранее второй части? Однако это маловероятно.

В 1824 г. Пермь посетил император Александр I. К его приезду было составлено «Статистическое описание Пермской губернии», которое, как свидетельствуют некоторые источники, и было преподнесено царю. Об этом, в частности, писал Д. Д. Смышляев в упомянутом выше указателе: «Это весьма дельное описание представлено

* ГАПО, ф. 321, оп. 1, д. 16, л. 13 об.

** Смышляев Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. — Пермь, 1876. — С. 132.

было императору Александру I во время посещения им Перми в 1824 году» *. Но что было преподнесено царю? Рукопись или готовое издание? У Смышляева нет пояснения этому. Логично предположить: раз в губернии работало две типографии, достаточно долго и успешно выпускавших книги, вполне могли преподнести столь добротное сочинение отпечатанным в виде нарядного тома. Кроме того, известно, что в 1825 г. «Статистическое описание Пермской губернии» начали публиковать в московском «Историческом, статистическом и географическом журнале». Но снова вопрос: по рукописи или по печатному изданию? На страницах журнала «Вестник географического общества» (1852. — № 2) находим комментарии к этой публикации, где говорилось: «Статья эта, т. е. «Статистическое описание Пермской губернии», сокращена из рукописи, доставленной в редакцию журнала от преосвященного Дионисия, епископа Пермского, поднесенной в г. Перми блаженной памяти Императору Александру I». Находка разочаровывает, хотя и не убивает последние надежды. Подарена была именно рукопись.

Иногда встречаем сообщение о том, что какая-то книга готовилась к печати или даже была отпечатана — и вдруг словно в воду канула: ни самой книги, ни сведений о ней. То же самое произошло с некоторыми газетами, журналами. Кому из книголюбов неизвестны три выпуска «Вятской незабудки», подготовленных и напечатанных знаменитым просветителем и издателем Ф. Ф. Павленковым во время его вятской ссылки? Используя традиционную форму губернских памятных книжек, Павленков создал исключительно смелые, обличительные сборники, имевшие заслуженный успех у современников. Хотя первые два выпуска вскоре были внесены в каталоги книг, запрещенных для публичных библиотек, а третий уничтожен (до настоящего времени сохранилось лишь восемь его экземпляров), они были хорошо знакомы русской читающей публике. В различных губерниях России появляются подражания «Вятской незабудке». Есть сведения, что подобные книжки готовились к печати в Перми и Екатеринбурге. Так, М. П. Надеин, сотрудник Ф. Ф. Павленкова, писал 23 мая 1878 г.

* Смышляев Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. — С. 135.

Р. Н. Рума, пермскому педагогу, гигиенисту, краеведу, общественному деятелю: «Сообщите, что «Пермская незабудка»? Орудуйте! Теперь я здесь и могу быстро двинуть дело, но карман мой истощился, поэтому добудьте средства на местах. Орудая относительно «Пермской незабудки», Вы не должны говорить ничего о судьбе, постигшей вятскую, иначе это охладит рвение местных радикалов, любящих гладкие, усыпанные розами дороги» *. Рума был участником двух первых сборников Павленкова и, видимо, непосредственно занимался подготовкой пермского издания.

О том, что такая книга готовилась к печати, мы узнаем и из письма начальника Пермского губернского жандармского управления от 22 февраля 1878 г., в котором он, сообщая в III отделение о «Пермской незабудке», констатировал: «Пермская незабудка», как видно из переписки, будет иметь одинаковый характер с вятской» **. Но на этом следы сборника теряются. Видимо, он был арестован и уничтожен еще до выхода в свет. Подобных карательных акций против тех или иных изданий в истории пермской печати достаточно. Так и не увидела свет задуманная и во многих отношениях подготовленная Д. Д. Смышляевым газета «Пермяк»: в Главном управлении цензуры испугались острой политической направленности ее программы. Не удалось Смышляеву ни продолжить выпуск «Пермских сборников», ни издавать в Перми газету «Русский листок», ни открыть типографию.

Давно привлекают внимание исследователей смелые и яркие сатирические журналы периода первой русской революции. Выходили они и на Урале, в частности в Екатеринбурге: «Гном», «Магнит». Явно готов был продолжить традиции «Гнома» журнал «Гноменок», задуманный служащим типографии «Уральская жизнь» И. П. Вогулкиным. Вогулкин разработал подробнейшую программу журнала, продумал все: внешний вид, содержание, периодичность, цену, где и каким способом будет печататься. Получил разрешение на выпуск журнала ***, но он почему-то так и не вышел.

* Изергина Н. П. Ф. Ф. Павленков и «Вятская незабудка» // Учен. записки Кировского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. — Киров, 1965. — Вып. 20. — С. 246.

** Там же.

*** ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 430, л. 1.

В Перми читаются газеты и журналы, которые после открытия Московско-Петербургской железной дороги получают здесь из Петербурга в десятый день: трудно же назвать глушью город, который от столицы отстает только десятью днями в приобретении новинок. Через Пермь лежит большой тракт в быстро расцветающую Сибирь и в торговый город Ирбит; следовательно, не бывает в Перми недостатка в заезжих гостях, часто именитых и просвещенных, которых гостеприимно встречают пермяки и которые не всегда находят в Перми глушь или скуку... В Перми, наконец, есть парходство, есть театр, есть порядочные люди.

Е. Вердеревский

1857 г.

«От Зауралья до Закавказья»

В 1910 г. почетный гражданин Перми А. Г. Лопатин подал на имя губернатора прошение — разрешить ему, следуя примеру других городов, издать справочник небольшого формата «Пермь в кармане», который бы содержал самые разнообразные сведения: планы города, адреса учреждений и культурных заведений, перечень городских достопримечательностей, его наиболее ценных памятников, сведения об окрестностях, ярмарках, транспорте, почте и т. д. Справочник включал бы, кроме того, юмористические миниатюры, объявления. К прошению прилагалась подробная программа издания*. Разрешение Лопатин получил, но справочник «Пермь в кармане» то ли не увидел света, то ли, увидев, чем-то так напугал

* ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 451, л. 2—3.

власти, что был уничтожен. Пока не держишь в руках издание, бывает почти невозможно догадаться, чем оно могло так напугать, что, уже отпечатанное, растаяло в пространстве и времени. В № 39 газеты «Екатеринбургская неделя» за 1893 г. появилось объявление: «Именинники г. Екатеринбургa. Приступив с разрешения начальства к изданию «Календаря именинников г. Екатеринбургa» и желая избежать неверности в составленном нами списке дней именин, мы покорнейше просим жителей г. Екатеринбургa сообщить нам о дне (месяц и число) своих именин по адресу: контора типографии «Екатеринбургской недели», гг. Зырянову и Зобнину». В № 2 этой же газеты за 1894 г. промелькнуло объявление: «Печатается и скоро выйдет календарь «Именинники г. Екатеринбургa». Может быть, кому-то все-таки удалось встретиться с этим оригинальным, даже уникальным календарем, но ни каталоги крупнейших хранилищ краевой литературы, ни местные библиографические указатели такого издания не фиксируют.

Много неясного таят и дошедшие до нас книги. Иногда они выходили без обложек и даже без титульных листов. Так чаще всего случалось, когда издателем был сам автор, не имевший для этого достаточных средств и необходимых сортов бумаги. Иногда и фамилия автора нигде не указана или скрыта за необычным псевдонимом, таинственными инициалами. Часто лишь приблизительно можно установить, кто написал книгу, когда, где она напечатана. Порою экземпляры одного и того же издания имеют разное количество страниц, содержат или не содержат приложения, иногда называются по-разному. Наблюдалось парадоксальное явление: серьезное научное и художественное произведение публиковалось без имени автора, зато какой-нибудь тривиальный отчет, обзор, памятка шли под автором.

Совершенно недостаточно изучены книжные связи Перми с другими губерниями, прежде всего соседними, такими, как Вятская, Казанская, Тобольская. Исследования в данном направлении могли бы привести к поразительным результатам. Не случайно постоянно указывал на это известный советский библиофил, историк провинциального книжного дела Е. Д. Петряев. То, что порою ищешь годами, может быть хорошо известно соседним краеведам.

Конечно, ликвидировать все белые пятна не удастся никогда. Чем глубже мы изучаем проблему, тем больше новых и новых вопросов встает перед нами, все более открывается загадочного, непознанного. Но в этом, наверное, и кроется смысл познания: решив одну сложную задачу, обращать свои взоры к другой.

О. Г. БАЗИЛЕВИЧ

«ГОРЬКОВКА»

«Горьковка» — так называют в нашем городе главное хранилище книг, Пермскую областную библиотеку им. М. Горького. За годы существования она стала неотъемлемой частью города. Она создавалась, росла, работала вместе с городом и всегда служила своеобразным барометром, определяющим его научный, культурный, технический уровень.

Путь становления как пермской, так и других губернских библиотек был очень трудным. Время их появления в России не благоприятствовало развитию отечественной культуры.

Идею организации публичных библиотек выдвинул президент Вольного экономического общества граф Н. С. Мордвинов. В апреле 1830 г. в докладной записке правительству он писал, что с созданием библиотек «возродится в городах наших дух общественности... откроется большой сбыт для хороших сочинений по части наук и промышленности» *.

Правительство поддержало предложение Н. С. Мордвинова и издало в июле 1830 г. циркуляр об открытии губернских библиотек.

В немногочисленных источниках, в которых говорится об основании библиотеки, указываются различные даты: 1830, 1831, 1832 и, наконец, 1863 гг. Такой разницей в отношении даты основания библиотеки объясняется тем, что подлинных документов об ее открытии в пермских архивах не сохранилось, и авторы руководст-

* ЦГИА, ф. 733, оп. 7, д. 15, л. 1—2.

вовались публикациями в «Пермских губернских ведомостях».

В 1978 г. сотрудницей библиотеки Л. В. Вошиковой в Ленинградском государственном историческом архиве были найдены подлинные документы, подтверждающие время основания публичной библиотеки. При подготовке данной статьи использован неопубликованный материал, собранный по истории библиотеки сотрудниками Л. В. Вошиковой и М. А. Пастуховым.

Итак, пермский гражданский губернатор Гаврила Се-ластенник после неоднократного напоминания Министерства внутренних дел 12 июля 1832 г. собрал чиновников, городского голову, представителей купечества и поставил вопрос об учреждении публичной губернской библиотеки, о чем 14 июля 1832 г. доложил в Министерство внутренних дел Закревскому.

Библиотека не представляла из себя библиотеку в том смысле, в каком мы в настоящее время знаем публичные библиотеки. Это был угол классной комнаты училища детей канцелярских служащих. Попечителями библиотеки были избраны директор пермских училищ Антропов и ассессор губернского правления Никольский. Обязанности библиотекаря возложили на смотрителя училищной канцелярии титулярного советника Комарницкого.

Денег на содержание библиотек правительство не отпускало. Они должны были существовать на добровольные пожертвования и плату, взимаемую с читателей (которых тогда называли подписчиками). Библиотекарь должен был работать бесплатно.

На собранные деньги приобрели необходимый минимум оборудования: стол, стулья, два шкафа для книг, письменные принадлежности. Денег на покупку книг не было, и на полки вначале встали рассылаемые библиотекам бесплатно журналы министерств внутренних дел и просвещения, труды Академии наук, Вольного экономического и минералогического обществ, была выписана «Коммерческая газета».

Рассчитывать на приток подписчиков при таком скудном фонде было бессмысленно, и в 1833—1835 гг. принимаются меры к изысканию средств на приобретение книг. В декабре 1835 г. библиотека получила первое зна-

читательное пополнение — 469 томов, пожертвованных разными лицами и организациями: департаментом народного просвещения, Вольным экономическим обществом, Академией наук, С.-Петербургским минералогическим обществом, профессором Московского университета Погодиным и др.

Получив такую партию книг и собрав по подписке 1280 руб. 26 коп., власти решили организовать торжественное открытие библиотеки. В сохранившемся документе записано, что «4 января 1836 г. по принесению Господу Богу благодарственного молебна в доме училища детей канцелярских служителей открыта Пермская публичная библиотека»*.

Для чтения книг было определено три дня в неделю: воскресенье, среда, пятница — с 4 до 9 часов вечера. Вход в библиотеку дозволялся всякому, исключая лиц в неприличном виде и одеянии. Для желающих пользоваться книгами дома была установлена плата — 15 руб. в год, которая не возвращалась, если даже читатель прекращал пользоваться книгами раньше установленного срока. Кроме того, получающий книги на дом должен был внести залог или представить поручительство своего начальника.

Из приказа общественного призрения библиотека была переведена в ведение статистического комитета. Торжественное открытие библиотеки способствовало оживлению ее работы, увеличению числа пожертвований. Библиотека к 1837 г. имела 712 томов. По тем временам это было неплохое книжное собрание. Многие из первых книг до сих пор находятся в фондах библиотеки и стали библиографической редкостью.

Во время пожара 14 сентября 1842 г. пострадало и училище детей канцелярских служителей. Из горящего здания были вынесены 900 книг, журнал записи читателей. Спасенные книги сложили в помещении приказа общественного призрения, и практически 20 лет библиотека не работала. Книгами пользовались лишь немногие чиновники.

В 50-х годах прошлого века, отмечавшихся подъемом

* ЦГИА, ф. 733, оп. 7, д. 47, л. 9. Именно эта дата была принята для празднования 150-летия Пермской областной библиотеки им. М. Горького в 1986 г.

общественного движения, возрос интерес к литературе, печатному слову. Все чаще на страницах губернских ведомостей и в частных беседах поднимался вопрос о необходимости иметь в городе хорошую библиотеку. Учитывая общественное мнение, губернатор К. И. Огарев (дядя поэта-революционера Н. П. Огарева) в 1859 г. поручил чиновнику по особым поручениям Нелюбохтину осмотреть губернскую библиотеку и внести предложение по возобновлению ее деятельности. Но Нелюбохтин умер, не успев выполнить поручения.

В 1863 г. новый губернатор А. Г. Лошкарев дал это же задание титулярному советнику Андрею Даниловичу Крапивину, который горячо взялся за дело.

Для управления библиотекой был создан комитет, Крапивину поручалось заведование ею. Губернатор распорядился передать библиотеке 200 руб. из доходов типографии, выделить 12 экземпляров газеты «Пермские губернские ведомости» для обмена, распродать в губернии памятные книжки на 1863 г. и вырученные деньги отдать на содержание библиотеки. Библиотеке передали конфискованные после ареста А. И. Иконникова книги из его частной коллекции (некоторые из них с экслибрисом «Из библиотеки Иконникова» до настоящего времени сохранились в фонде библиотеки). Чиновники Казенной палаты тоже передали 500 книг.

По новому уставу подписную плату снизили до 3 руб. в год. Работала библиотека с 8 часов утра до 8 часов вечера, включая воскресенья и праздничные дни.

Но ни торжественность открытия, ни речи о высоком назначении библиотеки, ни пожелания ей развития и процветания, ни призывы к пожертвованиям не улучшили материального положения, т. к. не было постоянного и достаточного источника финансирования. Только благодаря усилиям управляющего А. Д. Крапивина библиотека продолжала работать.

После ухода Крапивина попечители библиотеки, желая упрочить материальное положение, предложили соединить ее со статистическим комитетом. Предложение комитета было приведено в исполнение в конце мая 1864 г. Управляющим библиотекой назначили секретаря статистического комитета С. С. Пенна.

С согласия городской думы 1 января 1867 г. библиотека была переведена в «хозяйственное заведение» горо-

да, хотя общее управление ею, согласно уставу, оставалось за комитетом попечителей. Библиотеку разместили в небольшой квартире в доме А. Е. Киприянова на Петропавловской улице (ныне Коммунистическая).

К концу 1868 г. средства библиотеки истощились до предела. Двоевластие в управлении, царившее около десяти лет, довело библиотеку до бедственного состояния. В этот тяжелый период делается попытка получить библиотеку в аренду. Коллежский регистратор Прощепальников дважды обращался в городскую думу с предложением передать ему в аренду общественную библиотеку. Комитет отклонил просьбу, а после закрытия коммерческой библиотеки в 1870 г. ее купил городской голова Любимов.

В мае 1874 г. библиотека была переведена в дом купца И. Г. Шеина по улице Торговой (угол улиц Советской и 25 Октября), в просторное помещение на втором этаже, и с июля 1875 г. окончательно перешла в ведение городского общества. Уставом были официально утверждены источники финансирования библиотеки: плата с читателей и пособие от городского общества. Период двоевластия кончился. Для библиотеки было выделено новое помещение в городском доме по улице Сибирской на втором этаже. Город впервые потратил на помещение для библиотеки значительную сумму — 4416 руб., а библиотека получила лучшее за всю историю помещение. С 1875 г. вводится оплачиваемая должность заведующего библиотекой. Первым штатным заведующим стал В. К. Грибель. Фонд библиотеки к этому времени вырос до 8500 экземпляров.

В начале XX в. деятельность библиотеки заметно оживилась. Новые члены комитета (С. Я. Дроздов, Н. В. Мешков, Н. Н. Новокрещенных) активно взялись за работу и добились значительного увеличения размера пособия библиотеки от города. Начиная с 1901 г. пособие впервые стало основным источником финансирования библиотеки и к 1907 г. увеличилось до 5 тыс. руб. Значительная часть денег была обращена на приобретение книг. Основными источниками пополнения библиотеки были магазин О. Петровской и дар от читателей, различных учреждений, обществ. При этом особую ценность представляли книги о Пермском крае.

В целом период с 1905 по 1917 г. характерен совершенствованиями внутреннего устройства библиотеки, каталогов и форм работы с читателями, упорядочением фонда.

Инициатором нововведений в библиотеке становится ее новый заведующий Виталий Николаевич Панаев. Это был очень деятельный, энергичный человек. Вместе с женой Ольгой Алексеевной они окружили себя образованными людьми Перми, в их доме всегда собиралось большое общество.

В 1912 г. библиотека перешла в новое помещение: увеличился читальный зал, главное книгохранилище из полуподвального этажа было переведено в верхний этаж, а на его месте разместили раздевалку, швейцарские комнаты. Большое внимание уделял Панаев пополнению книжного фонда. Библиотека обратилась со специальным письмом в организации, учреждения, к частным лицам с просьбой жертвовать книги. Крупное пожертвование — 2100 экземпляров книг по картографии — сделал в 1914 г. управляющий отделом картографии и статистики Тиманов. В 1913 г. куплены очень ценные книги по архитектуре и строительному искусству у вдовы архитектора Турчевича.

Однако самым примечательным событием этого периода является открытие в мае 1908 г. при библиотеке музыкального отдела. Это была третья по счету в России доступная публике музыкальная библиотека. Постепенно отдел стал одним из крупных подразделений биб-

Копилка краеведа

* С 1873 г. городская дума стала выделять ежегодно ассигнования на наем помещения и отопление библиотеки.

* Начиная с 1899 г. в типографии ежегодно стали печататься довольно полные отчеты о работе библиотеки.

* Среди членов библиотечного комитета активностью выделялся Николай Павлович Седых, который с 1908 по 1917 г. избирался председателем комитета. Им же написана история библиотеки.

* 30 августа 1913 г., по инициативе Н. П. Седых, библиотека отметила юбилей — 50-летие со дня основания. Пожертвование библиотеке сделали 647 организаций и частных лиц, в том числе 116 из-за рубежа.

* В 1913 г. начата работа по составлению алфавитного, а в 1915 г. систематического каталога.

лиотеки, пользовался популярностью среди любителей музыки Перми, Прикамья и даже Поволжья.

В 1917 г. библиотека имела 71 тыс. книг, свыше 5 тыс. читателей, выдавала свыше 200 тыс. печатных источников. В годы революционного подъема библиотека предпринимает попытки распространить свое влияние на рабочих, возбуждает ходатайство об открытии филиалов в рабочих районах для привлечения малоимущей части населения. В результате увеличивается число читателей рабочих.

В настоящее время Пермская государственная ордена Почета областная универсальная научная библиотека им. М. Горького — одна из крупнейших в России. Библиотека является центральным книгохранилищем области, получает обязательный экземпляр изданий на русском языке, имеет свыше 2 млн. книг, журналов и документов, обслуживает 60 тыс. читателей в год, выдает свыше 1,5 млн. печатных источников жителям города Перми и свыше 20 тыс. книг читателям Пермской области. Библиотеку ежегодно посещают 300—340 тыс. человек.

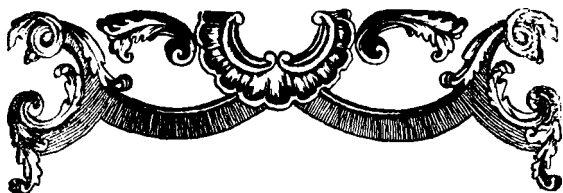

Д. А. Красноперов
Семья Панаевых

Г. М. Матвеев
Скрипичных дел мастер

Л. С. Кашихин, Л. В. Перескоков
Архитектор и актер
А. Б. Турчевич-Глумов

Е. А. Спешилова, В. В. Семянников
Художник А. Н. Зеленин

ПЕРМЬ
В ИМЕНАХ
И БИОГРАФИЯХ

Д. А. КРАСНОПЕРОВ

СЕМЬЯ ПАНАЕВЫХ

Говоря о Панаевых, невольно вспоминаешь 60-е годы XIX в. и выходивший тогда прогрессивный журнал «Современник», редакторами которого были И. И. Панаев (1812—1862) и поэт Н. А. Некрасов.

Родоначальник Панаевых — Иван Андреевич, воевода города Туринска. Он пользовался особым расположением тобольского губернатора Д. И. Чичерина, благодаря которому потомки Панаевых получили доступ в высшие слои русского аристократического общества.

По воспоминаниям внука туринского воеводы, известного поэта первой половины XIX в. В. И. Панаева, дед его, Иван Андреевич, сам обучал своих детей (сына и двух дочерей) грамоте и чтению церковных книг. Сын Иван одиннадцати лет был записан в гвардию, но до пятнадцати оставался в родительском доме. Около этого времени Чичерин, объезжая свою губернию, заехал в Туринск к Панаеву и увидел у него молодого человека. Красивая наружность, высокий рост, скромность, умные ответы понравились губернатору, и он предложил Панаеву отдать сына ему на воспитание.

Чичерин зачислил Ивана Панаева прапорщиком в один из полков, расквартированных в Тобольске, поместил в своем доме, приставил к нему лучших учителей

из числа так называемых несчастных (ссылных) и лиц духовного звания. Юноша старательно учился, был примерным в поведении, чем заслужил почти отеческую любовь Чичерина. Через шесть лет Чичерин произвел Ивана Панаева в подпрапорщики и отправил с рекомендательным письмом в Петербург, видимо, для того, чтобы иметь поближе ко двору своего человека. Так И. Панаев стал сначала адъютантом генерал-майора графа М. П. Румянцева (сына фельдмаршала), а потом флигель-адъютантом генерал-аншефа графа Якова Брюса, в штабе которого военным прокурором служил А. Н. Радищев.

В свободные от службы часы Панаев посещал дом престарелой матери фельдмаршала, куда его ввел Я. Брюс, женатый на сестре великого полководца.

Дом графини М. А. Румянцевой, игравшей важную роль при дворах Петра I, Екатерины II, Анны Иоановны и Елизаветы Петровны, был средоточием высшего петербургского общества. Панаев сделался в этом доме своим человеком, составлял 80-летней графине партию в марьяж, ломбер или в вист. Именно здесь, в доме графини Румянцевой, познакомился он с Н. И. Новиковым, И. В. Лопухиным, Г. Р. Державиным, Я. Б. Княжниним и другими сановными людьми, стал членом петербургской масонской ложи Горуса (ложи барона Рейхеля). Членами этой ложи были Н. И. Новиков и Г. М. Походяшин, с которыми особенно близко сошелся Иван Панаев.

Вращение в кругу литераторов, вольное или невольное участие в чтении и обсуждении написанных ими произведений побудили Панаева взяться за перо. Его религиозно-нравственные сочинения высоко ценились слушателями, но, как с сожалением отмечает в воспоминаниях его сын В. И. Панаев, из-за скромности никогда не были напечатаны, что «составило истинный ущерб для русской словесности».

Сильное влияние оказал на Панаева Н. И. Новиков. Его деятельность по просвещению граждан нашла горячий отклик в душе молодого человека, и он до конца жизни остался добровольным помощником Новикова по распространению книг среди населения.

С образованием в 1781 г. российских губерний И. И. Панаев был назначен губернским прокурором в Пермь. Здесь он организовал одну из самых прогрессив-

ных масонских лож — «ложу Золотого ключа», чтобы, по примеру Новикова, заниматься просветительской деятельностью. На это указывало и название ложи: ключ с давних пор является символом книги и книгоиздательского дела. Члены ложи (братья) собирались на квартире Панаева и слушали пламенные речи «старшего брата» (И. Панаева), в которых он излагал цели организованного им братства — всеобщее просвещение и нравственное совершенствование народа. Однако ложа эта просуществовала только два года и торжественно закрылась, т. к. Панаев в сентябре 1783 г. был переведен в Казань.

В Казани Панаев женился на дочери тетюшинской помещицы Анны Ивановны Страховой — Надежде Васильевне, которая, по воспоминаниям В. И. Панаева, «с прекрасной наружностью соединила все женские добродетели, в особенности, чего более всего искал он, благочестие и неограниченную преданность воле Божьей. Этой женитьбой вошел он в родство с Гаврилой Романовичем Державиным, который был двоюродный дядя его супруге».

Надо заметить, что В. И. Панаев не совсем точно определяет родство своей матери с Державиным. Известно, что Державин вторым браком был женат на Дарье Алексеевне Дьяковой, дочери обер-прокурора Сената. У Дьякова было пять дочерей. Трое из них стали женами друзей — писателя В. В. Капниста, поэта Г. Р. Державина и архитектора Н. А. Львова. У Г. Р. Державина не было детей от второй жены, зато был полон дом племянников и племянниц — детей Капниста и Львова, которые жили в провинции, но детей своих для получения образования привозили в столицу к Г. Р. Державину. Сын Капниста, Иван Васильевич, впоследствии московский и смоленский губернатор, также приходился племянником Державину, а дочь Ивана Васильевича, Анна Ивановна, была двоюродной племянницей. Она вышла замуж за друга и однополчанина Державина, тетюшинского помещика Василия Михайловича Страхова, с которым Державин участвовал в подавлении крестьянского восстания под предводительством Пугачева. Дочь Анны Ивановны, Надежда Васильевна, жена пермского губернского прокурора И. И. Панаева, была уже троюродной племянницей знаменитого поэта. Неточность в воспоминаниях В. И. Панаева можно объяснить стремлением последнего приобрести боль-

ший вес в обществе, приписывая себе близкое родство с Державиным.

Через три года Панаев снова был губернским прокурором в Перми, где он продолжил свою просветительскую деятельность. При его непосредственном участии в Пермской губернии с 1786 г. открылись народные училища. Не случайно поэтому губернский прокурор стал одновременно исполнять должность директора народных училищ, много заниматься вопросами подготовки учителей, снабжения училищ пособиями и учебниками.

И. И. Панаеву принадлежит честь открытия дарования ученика Пермского народного училища, 13-летнего Алеши Мерзлякова, ставшего впоследствии поэтом, переводчиком, профессором Московского университета, крупным теоретиком литературы. Мальчик жил в Перми у своего дяди, исполнявшего должность начальника канцелярии губернатора, и прислуживал членам семьи и гостям. Увидев Алешу, подносящего чай, И. И. Панаев поговорил с ним, нашел его ответы разумными, записал его учеником в народное училище и сам стал следить за его успехами. Через год Алеша Мерзляков показал своему покровителю оду «На заключение мира со шведами», которая привела в восторг не только И. И. Панаева, но и губернатора А. А. Волкова, отправившего ее в Петербург как доказательство успехов Пермского народного училища. Ода по распоряжению императрицы Екатерины II была опубликована в академическом журнале «Российский магазин», а ее автор после окончания училища отправлен в Москву для «продолжения наук» и определен в благородный пансион при университете. Отвез Алешу в Москву друг И. И. Панаева Г. М. Походяшин. И. И. Панаев с ним передал рекомендательные письма к поэтам М. М. Хераскову, Д. И. Фонвизину и ректору Московского университета И. И. Тургеневу. Так начался путь в большую литературу нашего земляка, известного ученого, поэта и переводчика, поэтического учителя М. Ю. Лермонтова* Алексея Федоровича Мерзлякова,

* Бабушка Лермонтова привозила Мерзлякова домой, и он давал ее внуку уроки поэзии. Когда Лермонтова за стихотворение «Смерть поэта» отправили на Кавказ, бабушка, по воспоминаниям М. Н. Лонгинова, в сердцах воскликнула: «И зачем это я на беду свою еще брала Мерзлякова, чтобы учить Мишу литературе; вот до чего он довел его».

внесшего большой вклад в сокровищницу русской национальной культуры.

В 1790 г. И. И. Панаев радушно встретил в Перми А. Н. Радищева. Иван Иванович разделял стремления Радищева бороться за свободу угнетенного народа и сам, как мог, боролся со злоупотреблениями местных чиновников.

Деятельность Панаева в Перми оборвалась неожиданно. Осенью 1796 г., возвращаясь с похорон отца из Туринска, он простудился и скончался от жестокой горячки в Ирбите, где и похоронен «у Соборной площади». На попечении Надежды Васильевны, вдовы Панаева, осталось восемь детей — пять сыновей (Николай, Иван, Александр, Владимир, Петр) и три дочери (Татьяна, Поликсена, Глафира). По совету братьев, вдова продала пермский дом и переехала в пустовавшую усадьбу своей матери в селе Емельяновка Тетюшинского уезда, где хозяйничала до конца жизни.

Все дети Панаева, кроме Владимира*, родились в Перми, здесь же получили и первоначальное образование.

Приехав в Тетюши после смерти мужа, Н. В. Панаева старших сыновей — Николая, Ивана и Александра — определила на учебу в Казанскую гимназию. В Казани жили ее братья Страховы, которые и приютили мальчиков на время их учебы в гимназии, а затем и в университете.

Уже в студенческие годы все братья увлекались литературой, выпускали рукописный журнал «Аркадские пастушки» и печатались в столичных журналах. Они учились вместе с С. Т. Аксаковым, который и рассказал о них в своих «Воспоминаниях». После окончания университета в 1808 г. Александр и Иван приехали в Петербург и поступили в уланский полк, которым командовал великий князь Константин Павлович, брат императора Александра I. В 1812 г. Иван умер, а Александр в составе этого полка участвовал в Отечественной войне 1812 г.

В 1819 г. он вышел в отставку и поселился в деревне. Старший брат Николай по слабости здоровья по-

* Владимир родился в Тетюшинском уезде, в доме бабушки, куда на время родов была привезена его мать.

ступил в гражданскую службу и жил в Лаишеве, недалеко от него жили его мать и сестры — Поликсена и Глафира. Самая старшая из сестер, Татьяна, умерла незамужней.

Младшие братья, Владимир и Петр, тоже окончили Казанский университет. Петр стал военным, участвовал в заграничном походе русских войск в Париже. Владимир преуспел на поприще поэзии и на государственной службе — 27 лет исполнял должность директора канцелярии императорского двора при Александре I и Николае I, был самым именитым из Панаевых, имел чин тайного советника. Его портрет рисовал художник Тыранов.

Этому возвышению способствовали его литературный талант и рекомендации профессора А. Ф. Мерзлякова, с которым В. И. Панаев встретился в Москве по пути в Петербург. Мерзляков дал Панаеву сопроводительное письмо к директору департамента иностранных исповеданий А. И. Тургеневу. Это письмо помогло В. И. Панаеву поступить в департамент юстиции. Одновременно он писал идиллии, которые высоко оценивали Г. Р. Державин и другие литературные авторитеты. За «Похвальное слово императору Александру I» В. И. Панаев был отмечен бриллиантовым перстнем. Последние 27 лет (он умер в 1859 г., 67 лет от роду) он был директором канцелярии императорского двора, членом Российской Академии наук.

Страсть к литературе — фамильная черта Панаевых. Она четко обозначилась и в третьем поколении — во внуках пермского губернского прокурора.

Наиболее известным из них является Иван Иванович Панаев (1812—1862), носящий имя своего отца и своего деда. Это был прозаик, поэт, очеркист, фельетонист, литературный и театральный критик, мемуарист, редактор и издатель самого прогрессивного журнала — «Современник».

Сотрудничали в «Современнике» и другие внуки губернского прокурора — Ипполит Александрович и Валериан Александрович Панаевы.

Ипполит Александрович Панаев (1822—1901) по специальности был инженером, но всю жизнь горячо и преданно любил литературу. Он напечатал в «Современнике»

несколько рассказов и роман «Бедная девушка». В журнале «Современник» он заведовал конторой и финансовыми делами, пользовался неограниченным доверием Некрасова, который поручал ему вести и свои денежные дела, выплаты пособий и другие расчеты.

Валериан Александрович Панаев (1824—1899) — инженер путей сообщения, строитель Николаевской, Саратовской и Курско-Киевской железных дорог России. В журнале «Современник» он выступил с рядом публицистических статей. В доме своего двоюродного брата, Ивана Ивановича, у которого жил в студенческие годы, познакомился со многими писателями, с некоторыми из них дружил довольно продолжительное время.

Во время длительной командировки в Европу с целью изучения опыта строительства и эксплуатации железных дорог В. А. Панаев познакомился с А. И. Герценом, которому передал для опубликования в «Колоколе» свой «Проект освобождения крестьян». Высоко оценив этот труд, Герцен и Огарев напечатали его в 1857 г. отдельной книжкой.

Так зародилась дружба Панаева с Герценом.

Позднее, живя в Париже, В. А. Панаев некоторое время снимал квартиру в Буживале, недалеко от дачи Тургенева. Дочь Панаева, Александра, обладала прекрасным голосом и брала уроки пения у Полины Виардо, так что Панаев с Тургеневым в это время виделись довольно часто.

Заметный след в истории русской культуры оставили дочери Валериана Александровича Панаева, Александра и Елена, правнучки пермского губернского прокурора. Уже говорилось, что Александра Панаева была певицей, ее талант очень высоко ценил П. И. Чайковский, который написал для нее семь романсов.

Вторая дочь В. А. Панаева, Елена Валериановна, воспитала Сергея Павловича Дягилева (1872—1929), известного театрального деятеля России начала XX в.

Елена Валериановна была второй женой Павла Павловича Дягилева, профессионального военного, служившего в аракчеевских военных поселениях в с. Грузино Новгородской губернии. Первая жена П. П. Дягилева, Евгения Николаевна Евреинова, умерла через три месяца после рождения сына Сергея. Е. В. Панаева впервые

увидела мальчика, когда ему исполнилось полтора года. Он сразу же бросился к ней на руки, и это стало решающим в выборе дальнейшей судьбы: она стала приемной матерью Сергея.

Елена Валериановна, как и ее сестра Александра, была музыкально одаренной женщиной. В доме Дягилевых постоянно звучала музыка, ставились любительские музыкальные спектакли.

В 1880 г. П. П. Дягилев вышел в отставку и приехал на жительство в Пермь, где жил его отец. Сергею в это время было уже восемь лет. В Перми дом Дягилевых стал центром музыкальной жизни. Дядя Сергея, Иван Павлович Дягилев (1836—1906), руководил музыкальным кружком, который ставил и оперные спектакли. Дягилевский музыкальный кружок сыграл заметную роль в воспитании музыкальной культуры пермяков. Не случайно поэтому первым профессиональным театром в Перми стал театр оперы и балета, открытие которого состоялось в 1870 г.

Советская культура возникла не на пустом месте. Она вобрала в себя все лучшее, что было достигнуто деятелями русской дореволюционной культуры и других народов, населяющих Россию. Свой вклад в становление национальной культуры внесла и семья Панаевых, представители которой плодотворно развивали русские литературные и музыкальные традиции на протяжении целого столетия.

Источники

Аксаков С. Т. Воспоминания // Собр. соч.: В 5 т. — М., 1966. — Т. 2.

Воспоминания Валериана Александровича Панаева. — СПб, 1893.

Курочкин Ю. Под знаком Золотого ключа // Урал. — 1982. — № 3.

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1964.

Панаев В. И. Воспоминания. — СПб, 1860.

Панаева-Карцева А. В. Воспоминания о П. И. Чайковском // Воспоминания о П. И. Чайковском. — М., 1973.

Сергей Дягилев и художественная культура XIX—XX вв.: Проект выставки. — Пермь, 1987.

Татаринцев А. Радищев в Сибири. — М., 1977.

Чайковский П. И. Письма к близким. — М., 1955.

Якушин Н. Тропа к Некрасову. — М., 1987.

Г. М. МАТВЕЕВ

СКРИПИЧНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Михаил Петрович родился 24 декабря 1833 г. в Перми, в маленьком, на три окна, домике Солдатской слободки, в семье мелкого чиновника. Семья Нориных жила довольно благополучно, пока отец семейства критически не высказался о своем начальстве. После этого Петра Семеновича снизили по службе, а затем отправили из Перми в Шадринск. С горя он запил, и началась нищенская жизнь. Бывали дни тяжелой нужды, когда в доме не было и хлебной корки. Иными летами пробивались целые месяцы на квасе с зеленым луком и хлебе. Миша не знал, что такое новые брюки, что такое теплые ноги — зимой, сухие — осенью. Ходил в дырявых сапогах — обносках братьев. Вместо чулок на ногах — обертки из тряпок и изношенного половика. Нижнего белья совсем нет. Зимой, чтобы не обморозиться, мчался в школу и обратно бегом. С собой в лучшем случае — кусок хлеба, завернутый в платок вместе с книгами и тетрадами. Это уже было, когда в начале 1845 г. семье удалось перебраться обратно в Пермь. Михаил учился в уездном училище, по окончании которого начал работать писарем, затем акцизным чиновником.

В 1859 г. Михаил женился на Надежде Ефимовне Игнатовой, хорошей пианистке. Так сложилась семья, влюбленная в музыку. На склоне лет Михаил Петрович вспоминал: «С самых малых лет я чувствовал необыкновенную любовь к музыке, и в особенности скрипка смущала меня. Вообще нравилась мне музыка, на чем бы она ни исполнялась, но скрипку я не мог слушать равнодушно».

Маленький Миша не был исключением в семье. Музыку любили все братья и сестры. Пели, играли на гитаре, а брат Константин считался лучшим гитаристом чуть ли не на всю Пермскую губернию.

Шли годы. Михаил Петрович, получивший повышение по службе, играл на скрипке, как умел. Было ему 23 года, когда он познакомился с Засухиным, хорошо образованным молодым человеком, который отменно играл на скрипке. После первого знакомства Михаил в дневнике записал: «Я увидел такую манеру, услышал такие

звуки, каких до того никогда не слышал. Смычок у него был так выработан, что кажется: не было у него ни начала, ни конца. Игрок казался мне каким-то чародеем. Он кончил, а я сидел убитый, уничтоженный, без слов, без мысли и только чувствовал, что в душе моей раздаются звуки лучшего, незнакомого мира, в котором готов бы утонуть».

Засухин согласился обучать Норина игре на скрипке. Учеба продолжалась около двух лет, до отъезда Засухина в Кунгур. Была хорошо изучена нотная грамота. Давалось это все нелегко. Приходилось тянуть гаммы до нытья в челюсти, боли в висках, немоте в плече. Но труд не пропал даром. Михаил Петрович стал хорошо играть на скрипке и стал принимать участие в разных квартетах.

Однажды он решил улучшить скрипку немецкого мастера, на которой играл. Достал в Екатеринбурге кусок дерева из лесины, побитой грозой. Есть поверье, что она хороша для скрипок. Сделал за три дня новую деку, но неудачно. Пришлось полностью делать новую скрипку. Бился восемь месяцев. Многое переделывал по несколько раз и наконец закончил. Получилась хорошая скрипка. Пермский капельмейстер Намородов ставил эту скрипку выше итальянского производства, на которой играл их общий знакомый Рудольский. Слава быстро распространилась в Перми, Тюмени, Ирбите. На радостях Норин сфотографировался со скрипкой. На первом этаже своего дома организовал мастерскую.

Воодушевленный успехом, Михаил начал изготавливать скрипки, альты, виолончели. Было много неудач, были и радости, которые придавали новые силы для поиска и эксперимента. Он завел большую рукописную книгу «История моих скрипок». В этой рукописи подробно фиксировал все, что касалось изготовления инструментов: пропорции деталей, материалы, рецепты лаков и т. д. Ввел нумерацию изготавливаемых инструментов от первого до тридцать второго.

В амбаре накапливал материал, который привозил из служебных командировок: то пни со склада Нобеля, то из города Дедюхина чурку, найденную в дровах у солеварен. Мастерскую оборудовал хорошим инструментом. Приспособил купленную на рынке старую швейную машину не только для затачивания инструмента, но и

для вырезания каналов в деках под установку жил. Работал в мастерской неравномерно. Иногда успевал поработать с 5 часов утра до службы. Засиживался вечерами. Были случаи, когда работал до 4 часов утра.

Никаких руководств по изготовлению скрипок не имелось. Все его творчество велось путем опробования. Поэтому на полках мастерской десятки дек напоминали ему о допущенных просчетах и ошибках. Иногда на доводку инструмента уходили не только дни, но и целые месяцы.

Обычно после изготовления нового инструмента Михаил Петрович сразу, независимо от времени, отправлялся к Константину Флегонтовичу Сперанскому — мужу его племянницы Александры Павловны, тоже мастеру по скрипкам и музыканту, — испробовать свое детище. В таких случаях засиживались до ночи.

Любовь к музыке постепенно привела Норина к созданию нотной библиотеки. В основном ноты выписывались из Петербурга от Юргенсона. Но были и рукописные: Гайдн, Моцарт, Шуман, Мендельсон, Чайковский, Добжина и любимый Бетховен.

Михаил Петрович, не писавший стихов, после удачно изготовленного инструмента выражал переполнявшие его душу чувства в рифмованных строках. Так, на верхней деке альта № 21 появляется запись:

Рождайся, пой, ласкай
 людские чувства
 И будь служителем
 высокого искусства.
 Я отойду, все Норина забудут,
 Лишь музыканты
 мастера чтить будут.

Появляется из-под его пера стихотворение философского направления.

Когда легковерен и молод я был,
 Я тонкие деки ужасно любил.
 Но вскоре я дожил до черного дня:
 Толстенные деки сразили меня.
 Однажды я альт свой шестнадцатый вскрыл
 И толстые деки к нему приклеил.
 Играю, и зноб даже в теле пошел:
 Мой альт далеко от собратьев ушел.
 Печалью покрылось седое чело,
 Сомнение крепкое в сердце вошло.

Зачем я потратил часть лучшую лет,
 Когда в том успеха желанного нет?

Хватил я с досады штук пять нулевой
 И грустно к подушке поник головой.
 Но время все лечит: сомнение ушло,
 И новой дорогой искусство пошло.

В 1887 г. Михаил Петрович две свои скрипки — № 15 и № 16 — послал на научно-промышленную выставку в Екатеринбург. Очень хороший отзыв он получил на скрипку № 15.

Норин никогда не продавал изготовленных им инструментов, а дарил их своим друзьям по музыке и близким. Поэтому многие его инструменты имели собственные имена: «Лель», «Надежда», «Оля», «Саша», «Таша» и др.

На его инструментах играли целые квартеты. Существовал постоянный квартет, куда входили Михаил Петрович (альт), его сын Николай (первая скрипка), зять Н. П. Седых (виолончель) и сосед Н. П. Чердынцев (вторая скрипка). Когда составлялось семейное трио, к роялю садились или жена Надежда Ефимовна, или дочь Елена.

У М. П. Норина был широкий круг знакомств среди пермских музыкантов и ценителей музыки. Часто его приглашали играть в семье Дягилевых, Серебренниковых, в Благородное собрание.

Скончался Михаил Петрович Норин в 1905 г., оставив на память родным и друзьям изготовленные его руками 18 скрипок, 11 альтов, 3 виолончели.

Л. С. КАШИХИН, Л. В. ПЕРЕСКОКОВ

АРХИТЕКТОР И АКТЕР А. Б. ТУРЧЕВИЧ-ГЛУМОВ

Имя Александра Бонавентуровича Турчевича-Глумова теперь мало кому известно, хотя некогда строительно-техническое бюро этого архитектора пользовалось заслуженной славой первоклассных зодчих не только в Перми, но и во всей Пермской губернии. Действительно, знакомство со старой архитектурой Урала последней четверти прошлого — начала нынешнего века обращает

внимание на необычайно плодотворную деятельность этой частной проектно-архитектурной организации. Так что, будучи в Березниках или Осе, Кунгуре или Верхотурье, Свердловске или Перми, мы подчас проходим мимо зданий, построенных по проектам А. Б. Турчевича, которые не могут оставаться незамеченными, ибо во всем их облике чувствуется рука замечательного мастера. Но вопрос о творчестве А. Б. Турчевича осложнялся до сих пор отсутствием каких-либо биографических сведений. Поэтому потребовалась длительная и кропотливая поисковая работа, чтобы восстановить хотя бы некоторые черты жизни и деятельности этого незаурядного человека.

Александр Бонавентурович Турчевич родился 26 февраля 1855 г. в дворянской семье польского происхождения на Киевщине. По окончании Киевской гимназии он поступил в Строгановское училище, но полностью курс обучения не закончил. По-видимому, причиной ухода из училища явилось сильное увлечение театром, которому он предполагал посвятить всю свою жизнь. Этим пока объясняется и его появление в Перми.

Известно, что в 1878 г. открыл свой первый театральный сезон новый Пермский городской театр, так что здесь представлялась возможность проявить себя молодым талантам. С начала 80-х годов становится заметным участие Турчевича в культурной жизни города. Он — антрепренер и один из ведущих актеров театра, выступавший под фамилией Глумов. По всей вероятности, он был неплохим антрепренером, т. к. в 1886 г. сумел убедить Пермскую городскую думу в поддержке его проекта по передаче ему в аренду на три года сразу двух театров — в Перми и Екатеринбурге. Объединив оба театра под своим руководством, Турчевич-Глумов рассчитывал создать две труппы: драматическую и опереточную, которые бы поочередно выступали в обоих городах. Для осуществления этого проекта требовались немалые деньги, которых у Турчевича не было, но он со дня на день ждал получения крупной суммы из выделенного ему наследства. Наследство же по какой-то причине задерживалось, а время шло, и Турчевич вынужден был отказаться от своего блестящего, как ему казалось, проекта, который приобрел к тому времени уже всероссийскую известность благодаря авторским публикациям в газете «Театр и жизнь».

Итак, творческая биография архитектора Турчевича началась с театра. Однако он вскоре понял, что сцена не может дать ему и его семье достаточных средств к существованию. И тогда он вспомнил о своем первом призвании и незаконченном образовании. В 1885 г. Турчевич сдал экзамен на право производства строительных работ и начал принимать заказы. Эта вторая область его деятельности оказалась более плодотворной, чем первая, сценическая, которую он тем не менее никогда не оставлял.

Всю свою строительную деятельность А. Б. Турчевич осуществлял как частное лицо. В 1888 г. им было основано строительно-техническое бюро по составлению всевозможных проектов и смет на строительство самых различных объектов — от крупных культовых и общественных зданий, богатых частных особняков до небольших жилых обывательских домов, любых по желанию заказчика служб и коммуникаций, проектов на расширение и перестройку существующих зданий и сооружений. Бюро размещалось в собственном обширном двухэтажном каменном доме Турчевича, что на углу нынешних улиц Н. Островского и Большевикской, построенном в 1892 г. по его же проекту. Несмотря на большой объем выполняемых работ, штат бюро был невелик. Оно состояло всего из четырех человек: самого А. Б. Турчевича и трех техников-чертежников, И. И. Мартемьянова, П. К. Сунгурова и Ф. Е. Морозова. Все они были большими практиками, хорошими специалистами. Турчевич мог смело положиться на каждого из них при выполнении самых сложных и ответственных заказов. Поэтому небольшой коллектив строительно-технического бюро А. Б. Турчевича сумел быстро завоевать доверие заказчиков не только в Перми, но и во всем уральском регионе.

Авторитет бюро подтверждается получением крупных заказов. В 90-х годах прошлого века им подготовлены чертежи на расширение Пермского кафедрального Спасо-Преображенского собора. Это была уже вторая перестройка, а точнее, расширение за время его существования (первая перестройка проводилась в 1850 г. по проекту архитектора Г. П. Летучего). В результате нового расширения по бокам переходной галереи, соединяющей колокольню и зимний храм (собор делился на две части: зимнюю и летнюю), появились дополнительные приделы,

над алтарями которых были устроены главы с луковичным завершением. В эти приделы и летнюю храмовую часть были предусмотрены входные дверные проемы, оформленные пилястрами, что сочеталось со всем обликом постройки — памятником уральского классицизма. Композиция собора приобрела большую цельность за счет выравнивания горизонтали кровли перехода, которая теперь представляла прямое продолжение зимнего храма, и единообразного ряда оконных проемов, соединяющего обе части и вновь появившиеся приделы. Изменений коснулось также оформление окон «верхнего света» подкупольной части храма, некоторых деталей конструктивного решения колокольни.

А. Б. Турчевич решал задачу расширения другой пермской культовой постройки — Свято-Троицкой единоверческой церкви. Эта церковь была построена по проекту известного уральского архитектора И. И. Свизева в 30-х годах прошлого столетия и представляла собой замечательный памятник классицизма*. Как и в предыдущем случае, архитектор деликатно и тактично внедряется в существующую постройку храма и в тот сложившийся городской ансамбль, куда она была включена. В плане церкви появляются с южной и северной сторон колокольни пристрои, фасады которых были оформлены так же, как и сама постройка, в традициях классицизма. Составился повторяющийся ряд архитектурных форм с тенденцией усиления их «звучания», начиная со сравнительно небольшого портика нового пристроя к колокольне. Затем вторит этому мотиву переход — фасад зимней части, и завершается триада мощным четырехколонным портиком боковых фасадов летней части храма, находившегося в общей композиции с архитектоникой купола и барабана. Это усиление воздействия архитектурного мотива с ориентацией на подкупольную храмовую часть уравновешивается взлетом архитектурных форм колокольни. Идея придела, вероятно, была подсказана пристроем притвора с западной стороны колокольни. Новые приделы представляют его равнозначное повторение.

* Свято-Троицкая единоверческая церковь (1834—1837) не сохранилась. Она была разобрана в 1930 г. Церковь располагалась в центре Сенного рынка на месте нынешнего главного корпуса политехнического института.

В южном приделе была устроена лестница на расширенные хоры.

В первые годы XX в. строительно-техническое бюро занималось перестройкой Казенной палаты в городе Перми. К этому объекту А. Б. Турчевич обращался дважды. Один заказ (1903) касался внешнего убранства здания, второй — устройства зала заседаний. Казенная палата, в прошлом место расположения официальных государственных органов губернского центра, оказывалась в наибольшей зависимости от официально принятых в архитектуре форм того или иного времени. Поэтому не удивительно, что Казенная палата, построенная в начале века в строгих формах классицизма, впоследствии многократно перестраивалась. Работы строительно-технического бюро тоже внесли изменения как в интерьер, так и в экстерьер. В целом можно сказать, что были выполнены задачи, поставленные заказчиком: здание более приспособлено для функционирования размещавшихся там учреждений, с внешней стороны несколько смягчены сухие формы классицизма в соответствии с новыми вкусами. При этом здание Казенной палаты принципиально не изменилось и с оговорками продолжало оставаться в ряду памятников классицизма.

Приведенные примеры не могут показать своеобразие творческого метода архитектора, т. к. в них он был жестко ограничен рамками заранее выстроенного художественного образа и определенными стилевыми особенностями. Творчество Турчевича охватывает период последних десятилетий XIX и первого десятилетия XX вв. Если включить его в контекст истории отечественной архитектуры, то это окажется время эклектики и вызревания на ее почве модерна. Среди всего многообразия форм и мотивов, используемых архитектурой того времени, постоянно выделяются две тенденции: применение на основе позднего классицизма мотивов общеевропейского художественного языка и утверждение национальных форм. Первая тенденция приводит к живописному модерну, вторая через эклектику русско-византийского стиля, псевдорусский стиль — к модерну в русском стиле (или модерну с национальным оттенком). Все эти сложные процессы путей развития архитектуры конца XIX — начала XX вв. в России отразились и в творчестве Александра Бонавентуровича Турчевича.

Если выделить ранние самостоятельные работы, то можно отметить, что А. Б. Турчевич сразу же демонстрирует себя зрелым, грамотным, обладающим большим вкусом архитектором. Такие сохранившиеся пермские постройки, как дом Мешкова (1885—1887), ныне здание КРП; дом Любимовой (90-е годы), ныне здание ТЮЗа; дом Тупицыных (1888), ныне МБ; собственный дом Турчевича (1891), показывают, что их автор имел определенные, вполне сложившиеся эстетические взгляды и умел найти средства для их выражения. Все перечисленные примеры относятся к так называемой архитектуре эклектики, но эклектика Турчевича достаточно цельна, отличается определенным художественным единством, что достигается во многом широким применением и умелым использованием элементов классицизма.

Первой крупной известной работой Турчевича (выполненной еще до организации строительного бюро) явилось восстановление дома, ранее принадлежавшего заводчику Яковлеву, построенного в 20-х годах прошлого века предположительно по проекту И. И. Свиязева и сгоревшего в 1842 г. В начале 80-х годов обгорелые и заброшенные стены были куплены паромщиком Мешковым, и от нового хозяина Турчевич получил заказ на возрождение дома. С поставленной задачей он успешно справился, дав зданию новое оформление в духе современной интерпретации классицизма. В результате реконструкции сгоревший дом Яковлева превратился в замечательный дворец Мешкова. Это здание, приводившее в восторг современников, остается и по сей день одной из красивейших построек старой Перми.

Дом Мешкова отличается богатством декоративного оформления. Основательность первого этажа подчеркнута глубокой рустовкой, имитирующей кладку естественным камнем. Центральная часть главного фасада выделена небольшим ризалитом, трактованным как основание для выступающего балкона с металлической решеткой и вырастающего по вертикали портика из четырех полуколонн, которые, пройдя второй этаж и мезонин, удерживают карниз и фронтоны двускатной кровли. Выделение центральной части фасада и крыши мезонина из основного объема здания создает игру архитектурных масс. Оформление окон второго этажа перекликается с моти-

вами центрального портика. Окна мезонина, в отличие от всех остальных, оформлены скромно.

Анализируя эту постройку, следует отметить свойственную Турчевичу аккуратность в работе, внимание как к большому, так и малому, к деталям. Им досконально проработаны не только главный фасад, но и боковые части здания вплоть до решетки ограды. Несмотря на отмеченные излишества декора, у него нет безвкусицы или какой-либо небрежности. Художественный образ дома, имея недостатки, определенные временем, сохраняет цельность и единство.

Руку того же мастера можно узнать в облике особняка Любимовой, в убранстве которого отмечаются уже знакомые элементы. Это овалы ризалитов боковых фасадов и парапета центральной части главного фасада, которые встречаются в сандриках некоторых окон второго этажа дома Мешкова. Подобные овалы были вообще-то характерны не для классицизма, а для более раннего периода истории архитектуры — барокко. Во всем чувствуется аккуратность, внимание к деталям, умение создать цельный, в данном случае мягкий, даже лирический, отмеченный интимностью образ богатого частного дома. И все преподнесено с лоском, блеском, артистизмом. Дом Любимовой — это особняк, расположенный на некотором удалении от красной линии улицы, а перед ним — небольшой уютный сквер, огороженный изысканной решеткой, подчеркивающей камерность трактовки здания. Интересно решен вход: он углублен на уровень цокольного этажа. Хотя здесь и есть прежнее обилие декоративного убранства (на плоскостях фасадов вообще трудно найти место, свободное от каких-либо украшений), архитектору, пожалуй, удалось достичь большего единства образа. В этом доме частично сохранился и интерьер — также безусловное его достоинство. Все сказанное позволяет еще раз убедиться в том, что современное использование этого старого здания в качестве театра — решение весьма удачное.

Любимовой принадлежал и рядом стоящий дом, что на углу улиц Карла Маркса и Большевикской, занимаемый теперь рестораном «Кама». Он тоже был перестроен по проектам бюро Турчевича из более старого, выстроенного в первой половине XIX в. В этом случае, вероятно по требованию заказчика, архитектор существенно изме-

нил фасады с целью устранения в облике былой сухости. Оба дома Любимовой в сочетании с домом губернатора, обновленного элементами модных течений в архитектуре, образовали интересный ансамбль одного из перекрестков Сибирской улицы.

Две следующие постройки — дом Тупицыных и дом Турчевича — продолжают наметившийся ряд крупных частных домов. Оба дома, и особенно его собственный, где автор проекта не был связан какими-либо условиями заказа, являются оптимальными вариантами в своем установленном подборе декоративных элементов для частного жилого дома состоятельного хозяина. Подобные варианты имели многочисленные повторения как в Перми, так и в других крупных городах. Их автором при исследовании может оказаться также Турчевич.

Черты купеческого дома чувствуются в проектах несохранившегося здания по улице Орджоникидзе, 41. Здесь есть некоторые излюбленные элементы убранства Турчевича, но есть также и упрощенность, определенный практицизм, отсутствие барского размаха. Еще проще и скромнее решен в своем оформлении сохранившийся дом на углу улиц Горького и Коммунистической (переоблицован в 1988 г.). Его можно отнести к своеобразным «образцовым» или, говоря современным языком, типовым домам последней четверти прошлого века.

Со свойственным вниманием строительно-техническое бюро относилось к совершенно простым заказам на постройку небольших деревянных жилых домов, флигелей и служб. Все деревянные постройки обшиты снаружи. Горизонтальные швы имитировали неглубокий руст. На этом фоне стены выделяются окна, украшенные наличниками и нарядными сандриками, в которые вписан растительный орнамент. Детальная проработка, изобретательность, умелое манипулирование хорошо освоенными выразительными средствами — вот что отличает большие и малые работы А. Б. Турчевича. Даже деревянные строения так цельны, что производят впечатление выточенных из камня. Они имеют убранства того же самого качественного уровня, что и каменные строения, и потому могли успешно соседствовать, составляя единый ансамбль.

Среди деревянных построек, выполненных по проектам бюро, можно выделить несохранившиеся дома по улице Луначарского, 59, на углу улиц Попова и Большо-

вистской, дом Успенского женского монастыря. Их планировка всегда функционально продумана. Так, одноэтажный дом по улице Луначарского, принадлежавший Покровскому, имел три двери: одна выводила на улицу, а две другие — вовнутрь усадьбы. Раздельные входы-выходы были удобны во всех отношениях, особенно, если часть комнат сдавалась под наем. Характерна для старых пермских построек и такая деталь: главный фасад, выходящий на улицу, являлся не самым протяженным, т. е. дом был вытянут в глубь усадьбы и потому выглядел скромнее, чем те жилые и полезные площади, за фасадом которых они скрывались. Происходила некая загадочная маскировка.

Дом Покровского в плане представлял букву «П», с неравнозначными крыльями. Одно крыло как раз и выходило на красную линию улицы. Хозяйственные постройки, непосредственно к дому не примыкавшие, образовывали совместно с ним внутренний дворик, а за домом простирался небольшой сад. Собственно в плане дома можно выделить прихожие комнаты, гостиную, кабинет, проходную комнату, спальню, кухню, детскую, кладовую, коридор. Здесь соединяется свободная планировка с коридорной системой. Из кухни через коридор можно было попасть во все спальни, а благодаря проходной — и в гостиную. Достаточно обширные, с высоким потолком комнаты создавали впечатление простора. Дом обогревался пятью печами, причем три из них треугольные в плане, сделанные под камин.

Как вполне самостоятельные, детально проработанные, включенные в ансамбль усадьбы выглядят бытовые, санитарно-очистительные, хозяйственные и служебные постройки. Эти сооружения, в большинстве случаев не сохранившиеся, даже более красноречивы и показательны, чем крупные работы, если говорить о культуре, профессионализме, добросовестности и работоспособности архитектора. Бюро Турчевича проектировало одни из первых в городе водоотливные, канализационные, очистительные устройства.

Среди зданий, сооруженных по проектам А. Б. Турчевича, выделяются те, что выстроены из красного кирпича и не имеют никаких других выразительных средств. Из красного кирпича во второй половине XIX в. строили

и в Перми, и во всей России многие архитекторы, так что это не менее характерные постройки эпохи. Красный кирпич, начиная со стен и башен Московского Кремля, — традиционный, лежащий даже в основе национального русского зодчества, строительный материал. Но во второй половине XIX в. происходит новое его открытие. Большое количество таких построек появляется и в Перми. Среди них заметное место занимают здания, построенные по проектам А. Б. Турчевича. Таково бывшее здание епархиального женского училища (ныне областной госпиталь инвалидов Отечественной войны по улице Горького, 15). Сочетание тяжеловесности строительного материала и архитектурных форм, естественной цветовой активности красного кирпича с легким узором кирпичной кладки, изящной решеткой на кровле создает контраст движения и спокойствия, силы и тонкого проявления красоты.

Была бы сейчас большим украшением старой части Мотовилихи Никольская церковь, если бы сохранилась. Только люди старшего поколения помнят, как она выглядела и каких трудов стоило ее сломать. У этой церкви была своя легенда. Работы по составлению проекта начали практически сразу же после смерти Николая Гавриловича Славянова. Незадолго до этого умер другой горный начальник Пермских заводов — Николай Васильевич Воронцов. Так что не случайно церковь была наречена Никольскою, и в сознании людей она связывалась с именами этих двух выдающихся инженеров. Как и все создания А. Б. Турчевича из красного кирпича, церковь в Мотовилихе напоминала скорее затейливый резной теремок, чем культовую постройку.

Привлекают внимание среди многочисленных старинных построек Троицкий собор в Осе, заложенный в 1902 г., и Предтеченский храм в Кунгуре, освященный в 1904 г. Оба они возведены по проектам Турчевича. Собор в Осе повторяет тип древнерусского крестово-купольного храма, но старая схема получила новую разработку, что выразилось в расстановке столпов, поддерживающих и разделяющих внутреннее пространство, и в усложнении планировочного решения. В кунгурской работе архитектор воссоздает формы сказочного узорочья русского зодчества XVII в. Крыша церкви была покрашена «под малахит», а главы покрыты медной жстью и позолочены. Планировка здания традиционна: четверик основного

храма, двухъярусная полукруглая апсида, трапезная с шатровой колокольней. К четверику храма с севера и юга примыкают приделы. Весь иконостас, резьба его, отделка и стиль весьма изящны и близки к древнерусским иконостасам, что как нельзя более гармонирует со стилем иконной живописи школы Васнецова.

В творческой биографии А. Б. Турчевича случалось и так, что блестящие замыслы и безукоризненно выполненные проекты оставались только на бумаге по причинам, от архитектора не зависящим. Так произошло, например, с чудовским Троицким храмом. Он был задуман как оригинальное, не похожее на другие его работы, сооружение. Здесь архитектор решил дать свободу своей фантазии. Сохранилась открытка с изображением будущего храма, которая распространялась среди верующих. Храм поразительно красив. В нем сливаются русские традиции и готическая устремленность в высь. Его пропорции изящны и легки. Шатровые главы храма с колокольней значительно утончены. Но слишком дорогой оказалась новая церковь, и рабочие предпочли свою маленькую деревянную Ксениевскую церковь роскошному и дорогому храму Турчевича, а открытки с ее изображением, сохранившиеся у некоторых краеведов и коллекционеров, до сих пор вводят в заблуждение.

Удалось наконец подтвердить ранее высказанную А. С. Терехиным атрибуцию дома купца Грибушина в Перми по улице Ленина, 13. Автором проекта этого дома действительно является А. Б. Турчевич. Дом Грибушина — замечательный пример модерна, наиболее прогрессивного направления в архитектуре конца прошлого — начала нынешнего века. Здесь хотя и есть известные элементы, такие, как вазоны, лепные гирлянды, парапет центральной части фасада, но это уже другой архитектурный образ, в котором иные элементы задают тон. Ключом архитектурно-декоративного строя этой постройки стала характерная для живописного модерна многократно повторяющаяся в различных вариантах линия, похожая на росчерк пера или взметнувшийся кнут. Именно эта линия постоянно варьируется и в растительном лепном узоре, и в металлической решетке, и в формах декоративных ваз, и в прорези дверей ограды, и в силуэтах столбов, и в прочих деталях. Она и создает ощущение неустойчивости, движения, внутренней одухотво-

ренности архитектурных форм модерна. Наиболее запоминающаяся деталь декоративного убранства дома — маскароны: маски идеализированных женских лиц в капителях пилястр и композиций парапетов, завершающих главный фасад.

О качестве работы бюро Турчевича свидетельствуют не только строения, выполненные по его проектам, ставшие памятниками архитектуры, но и сами чертежи, представляющие замечательный пример архитектурно-технической графики конца XIX — начала XX вв. Они существенно отличаются от многих прочих аккуратностью, завершенностью, детальной проработкой, большим художественным вкусом. Даже бумага использовалась только высокого качества. Каждый такой чертеж имеет фирменный знак в виде овала, в который вписано: «Строительно-техническое бюро А. Б. Турчевича в г. Перми».

Рассмотрев круг наиболее известных на сегодняшний день архитектурных работ, есть возможность добавить к творческому портрету А. Б. Турчевича некоторые черты, характеризующие его отношение к архитектуре и людям, с которыми он работал. Александр Бонавентурович возвел строительное дело в ранг искусства. Его творчество поддерживалось неутомимым трудом, учебой, осведомленностью в достижениях отечественной и зарубежной

Копилка краеведа

В. Ф. Гладышев. «Я молча узнавал России неповторимые черты»

Известно, что по возвращении с Урала Б. Пастернак написал в 1918 г. роман в 15 авторских листов. Заготовки произведения делались автором еще ранее, в Прикамском крае. В начале 30-х годов Борис Леонидович сжег роман в приступе творческого переосмысления, недовольства стилем. Сжег, оставив повесть «Детство Люверс». Она представляет, по свидетельству сына поэта, отдаленное начало уничтоженного романа, который автор хотел назвать «Три имени».

В повести многие страницы дышат местным колоритом, уральским своеобразием: узнаваемы пейзажи, конкретные места, дома Перми, выразительны образы жителей. И в то же время в одном пастернаковском письме из уральской глуши находим такую фразу: «Ах, как точно среди хороших людей, не отравленных талантливостью!»

Сочетание столь противоречивых отражений вполне естественно для Пастернака. Служба у Филиппа, богатого немца-коммерсанта, в качестве гувернера пришлось на начало первой мировой войны. Так и запомнились Пастернаку эти

практики. О компетентности архитектора в этих вопросах свидетельствуют его публикации. Так, в «Пермских губернских ведомостях» за 22 марта 1908 г. можно прочитать статью «Новый строительный материал». В ней сообщается о технологии изготовления и применения за границей цементного, известково-цементного и известкового кирпича. Турчевич стремился перенимать все самое передовое, что ему удавалось узнать. Новости архитектуры он, вероятно, черпал главным образом из специальной литературы. Кроме того, в 1905 г. он с целью изучения зарубежного опыта совершил поездку в Западную Европу.

Турчевич интересовался не только самим процессом строительства, но и взаимоотношениями между инженерами, техниками, подрядчиками и рабочими. Он одним из первых обратился к вопросам психологии жизнедеятельности трудового коллектива. В этом отношении показательна его статья, представляющая перевод лекции одного из профессоров Парижской горной академии под названием «Экономическая и социальная роль инженера». Он, по-видимому, полностью разделял позицию автора и стремился следовать вытекающим из статьи рекомендациям.

годы, отложились в памяти, прозе, стихах: война, антинемецкие погромы, прокатившиеся по Москве, увлечение футуризмом и прощание с ним, открытие новой страны — Урала...

Предав сожжению роман «Три имени», Пастернак почти тотчас приступил к новому. В прозаическом самовыражении — потребность поэта осмыслить бег времени. В «Начале прозы 1936 г.» («Романа о Патрикее») автор пишет о героине, очень напоминающей Лару из будущего «Доктора Живаго»: «Она была родом из здешних мест, кажется, из Перми, и с какой-то сложной и несчастной судьбой».

Но параллельно существует и город Юрятин, в зарисовках которого также угадываются некоторые пермские признаки. Существует версия, что название Юрятин волею автора появилось в честь литератора Ю. Н. Верховского, которого судьба забросила в Пермь. Юрий Верховский преподавал литературу в Пермском университете. Это А. Блок сначала называл Пермь «Юрятин город». Пастернак воспользовался этим шутливым топонимом.

«Поселил» автор «наследницу» образа Жени из повести «Детство Люверс» в гимназию, новое здание с удлиненными лестничными маршами. Читаем: «Лестница что-то напомина-

Копилка фразеда

Хотя работа в строительно-техническом бюро занимала у А. Б. Турчевича львиную долю времени, он и его жена Ольга Петровна не бросали Пермский театр до конца своей жизни. Александр Бонавентурович в 80-е годы выступал в качестве антрепренера театра, но пермяки больше его знали как актера и режиссера. Ответ на вопрос, что представлял из себя Турчевич как актер, мы находим в краткой биографической справке, составленной его товарищем по сцене А. И. Чайкиным, занимавшимся впоследствии сбором материалов по истории Пермского театра: «Турчевич-Глумов Александр Бонавентурович (Борисович), артист из труппы известного антрепренера Медведева, служил много сезонов в Перми. Одно время был компаньоном антрепризы. Его жена, Ольга Петровна, была тоже артистка драмы. Глумов как драматический артист пользовался в свое время большим успехом у пермских зрителей как исполнитель ролей герой-любовников и герой-резонеров, обладал большим художественным вкусом и чувством меры, прекрасной внешностью и чудесным характером. Много раз я смотрел его исполнение, был с ним знаком.

Летом 1896 г. я вместе с ним принимал участие в пьесе «Параша-сибирячка», которая была поставлена в Пермском театре в память коронации царя Николая II.

Копилка краеведа

ла». И нас охватывает и не отпускает «чувство знакомости» при чтении «Доктора Живаго». В романе Лара живет в другом доме, и понятно почему: доктор — накануне новой, большой любви и связанной с этим трагедии разрыва с прежней семьей. Образ временного пристанища Лары усиливает это настроение. Если взглянуть в сумерках на дом Грибушина, образец стиля модерн, можно уловить сходство. «Дом действительно отвечал своему прозвищу и производил странное, тревожное впечатление»...

Позднее в картинах тылового уезда «проза 1936 г.» у Пастернака появится «уральское лицо Юрятина», уже заслоненное беженцами, австрийскими военнопленными и множеством военных и штатских из обеих столиц. Здесь опять рассказывается о заводах, находившихся в 25 верстах к югу от Юрятина. Патрик, от лица которого ведется повествование, приезжает на заводы на лошадях, встречается с капитаном, приемщиком Главного артиллерийского управления на заводах, названных автором Устькрымженскими.

Действие в романе могло происходить в Свердловске (поэт ездил в Екатеринбург к художнику Л. Туржанскому), Омске, в Тихих Горах. Но, несомненно, использовал Пастер-

Он режиссировал и играл роль Неизвестного, а я был его помощником и исполнял роль Одного из народа.

Впоследствии Глумов получил большое наследство, открыл в Перми архитектурно-строительное бюро, был хорошим архитектором-строителем и «душою местного общества» вместе со своей женой, женщиной очень развитой, культурной и неглупой».

Ольга Петровна увлекалась фотографией и состояла членом Пермского фотографического общества. Однако краеведы не знают пока ни одного изображения Александра Бонавентуровича.

Общительный характер, отзывчивость, чувство милосердия, свойственные А. Б. Турчевичу, неплохое материальное положение — все это позволяло привлекать его в различные общественные и благотворительные организации, существовавшие в то время в Перми. Просмотр ежегодно издававшихся «Адрес-календарей и памятных книжек Пермской губернии» наше предположение подтверждает. Мы нашли имя А. Б. Турчевича в «Адрес-календарях» за ряд лет как пожизненного почетного члена Пермского губернского попечительства детских приютов, почетного члена Пермского епархиального училищного совета, а также почетного пожизненного члена Пермского общества попечения о лицах, освобожденных из мест

нак и свои пермские впечатления. Пермский пушечный завод в Мотовилихе поэту был знаком.

Замечательна первая встреча поэта с великой рекой. В стихотворении «На пароходе»:

Седой молвой, ползущей исстари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе,
в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.

Чувство истории в сложном переплетении с лирическим восприятием случайностей («чем случайней, тем верней») делает из поэта пророка, как бы он этого ни хотел, ни боялся:

...Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.
И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компани
И городские фонари.

Отмечаем еще, что прогулки девочки Жени («Детство Люверс») проходили по Сибирской и Оханской, а дом их

Копилка краеведа

заклучения, и Пермского дома трудолюбия. 7 октября 1909 г. губернское присутствие по земским и городским делам разрешило учредить в Перми Общество любителей живописи, ваяния и зодчества. Председателем вновь организованного общества, на которое культурные силы города возлагали большие надежды, был избран А. Б. Турчевич. Но на этом посту он побыл недолго. 31 декабря 1909 г. «Пермские губернские ведомости» поместили траурное объявление: «Александр Бонавентурович Турчевич скончался 30 декабря, в 9 ч. 45 мин. вечера, о чем жена и сын извещают знакомых. Вынос тела из квартиры в костел в 10 ч. утра 31 декабря. Похороны на новом кладбище в 11 ч. утра того же дня».

Александр Бонавентурович умер на 55-м году жизни в расцвете творческих сил. Его жизнь целиком принадлежала искусству театра и архитектуры. И если сценические образы, созданные им, давно ушли в небытие, то образы, воплощенные в камне, живут, вызывая восхищение сменяющихся поколений.

В некрологе в «Записках Пермского отделения Императорского русского технического общества» за 1910 г. сообщалось: «Всего им произведено до 150 построек, между которыми до 40 оконченных и 10 неоконченных церквей. Наиболее выдающиеся из возведенных покой-

стоял на Осинской. Писателю нравились эти местные колоритные названия, он обживал их, волею своего воображения и знакомства. Недавно название Осинская вновь вернулось на карту Перми. Это почти совпало по времени: аннулирование улицы Жданова, возвращение топонима, увековеченного Пастернаком, — и восстановление Бориса Леонидовича в Союзе писателей.

В Пермь Пастернак наезжал в пору пробуждения природы, обновления чувств. «Трудно назревающая и большая, весна на Урале прорывается затем широко и бурно, в срок одной какой-нибудь ночи...»

Так же вот широко и бурно хлынуло, прорвалось к нам творчество Пастернака.

И когда во второй половине 80-х годов в стране громко заговорили о гуманизации нашей жизни, о приоритете личностных ценностей, мне вспомнилась выписка, сделанная много лет назад из «Доктора Живаго»: «Человек рождается жить, а не готовиться к жизни». И Пастернак еще добавил язвительно про то, что незачем подменять дар жизни «арлекинадой незрелых выдумок, побегами чеховских школьников в Америку...»

ным следующие постройки: а) в г. Перми — дом Н. В. Мешкова, Казенная палата, дом Е. И. Любимовой, дом С. М. Грибушина, дом Камчатова, епархиальное женское училище, церковь св. Магдалины и б) в уездах церкви: в Лысьвенском и Мотовилихинском заводах, Верхо-турье, собор в Осе, церкви в Кунгуре и Ершовке и заводские постройки в Березниках, а равно здание гимназии в г. Сарапуле Вятской губернии».

А. Ф. Коровин

БАСНЯ АНДРЕЯ ЗАЛЕЖСКОГО

В шестом томе «Трудов Пермской губернской ученой архивной комиссии» (1903. — С. 158—159) опубликована анонимная басня «Старый медведь, лисица и коза». Публикатор этого стиха М. И. Капустин в предисловии говорил: «В период моего ученичества в одном из учебных заведений г. Перми записал я, ради простого любопытства, ходившую в городе по рукам басню, имевшую, как говорилось тогда, некоторое отношение к тогдашним событиям (1854).

Жил-был
разгульный старый зверь Медведь, —
умел лишь поплясать, любил попить, поесть.
Лисица на цепи его водила
и чудеса творила.
Лишь уськнет на кого и — Мишка на дыбы!
разинет старые зубы,
зафыркает, зализится.
И кто Лисе не покорится,
не может тот приобрести
в Медведе толку и пути.
Лиса Медведем так играла.
Сама ж по курочке с двора сбирала
и двести тысяч серебром
. . . . .
смиренно накопила;
до случая в шкатулку положила.
При группе их была Коза:
по службе — ни аза в глаза
она не знала.
А только лишь пила да с улиц сор сметала,
до капусты лакома была,
не многим менее Лисы приобрела.
Но вдруг, на их беду, их трио
расстроилось, пошло все криво:
Медведь от старости плясать уже не мог,
хотел еще взреветь, но вдруг — издох!

Лиса поджала хвост, согнула спинку
и марш с шкатулкой на Заимку!
Коза хотела тоже улизнуть,
но ей пресекли путь,
она запуталась в своем мешке рогами.
Что будет дальше с ней, узнаете вы сами.
Теперь известно лишь, что в ней упал и дух,
что из нее изрядно чешут пух,
что без Медведя ей уж не до пляски, —
боится сильно таски!

✱

Умейте, как Лиса, при случае нажиться,
умейте, как она, во время уклониться, —
не то — постигнет вас татарска ураза:
вот вам живой пример — Коза.

Басня подписана псевдонимом «Пермяк». Что же за дело столь остро взбудоражило сонную Пермь? Ответ на это дается в записке о деле революционера М. В. Петрашевского, составленной в 1857 г. И. П. Липранди, где он сообщает довольно любопытные подробности. Записка хранится в рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 203, К-221, № 3, л. 45).

Медведем в басне «Пермяка» выведен директор департамента общих дел Министерства внутренних дел Гвоздев. Он «обнаружился в своих действиях по винному откупу в Пермской губернии». Когда в «Колоколе» А. И. Герцена появились материалы об этой винно-откупной сделке, Гвоздев «бросился из вагона на Николаевской железной дороге и был раздавлен». Александр Александрович Гвоздев среди царских сатрапов отличался редким бесстыдством и бесчеловечным отношением к просителям.

Кто такой И. П. Липранди? Это очень колоритная фигура прошлого века. В 20-х годах он хорошо знал А. С. Пушкина в кишиневский период жизни поэта, оставил ценные воспоминания о нем. В 1826 г. арестовывался в числе декабристов. Но потом быстро рос, стал генерал-майором, числился большим знатоком Востока и под конец жизни был чиновником МВД, предавшим революционный кружок петрашевцев.

В черты образа Медведя могли войти данные из действий пермского губернатора Ильи Ивановича Огарева, прожившего в Перми с 1837 по 1854 г. Его смерть и сорвала покрывало с проделок Гвоздева.

Под Козой выведен вице-губернатор, а после смерти Огарева губернатор Пермской губернии Павел Николаевич Клушин. Губернаторство его действительно было очень коротким — с июня 1854-го по 24 ноября 1855 г.

Лиса, бесспорно, это правитель дел Комитета министров Сукськин.

Написать столь острую басню, сильную сатиру о делах высоких чинов из окружения самого царя мог человек большого гражданского мужества, хорошо знающий местную жизнь, пишущий стихи. Как раз в те годы пермяки из уст в уста передавали эпиграммы талантливого молодого учителя Пермской гимназии Андрея Александровича Залежского. Об этом сохранилось немало свидетельств в воспоминаниях гимназистов тех лет.

В феврале 1850 г. попечитель Казанского учебного округа подписал документ, который гласил: «Назначив сим казеннокоштного кандидата Казанского университета Андрея Залежского исправляющим должность старшего учителя математики в Пермскую гимназию, я предлагаю правлению (Казанского университета. — А. К.) исключить его из списков студентов».

Пермь считалась городом вольнодумцев и ссыльных. По данным жандармерии, в 1854 г. в Перми жило 16 политических ссыльных. Юному педагогу удалось быстро приобрести друзей, которые любили его за солидные знания отечественной литературы. Когда же узнали, что Андрей Александрович сам пишет стихи и рассказы, то его авторитет стал непререкаем.

Один из выпускников гимназии оставил такие строки: «Учитель математики совсем молодой человек и даже литератор: в 60-х годах он что-то писал в журнале «Светоч».

А. А. Залежский смело знакомил пермских гимназистов с запретными творениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, хотя знал, что может быть жестоко наказан за внепрограммные чтения.

В эти же годы в Пермской гимназии трудился замечательный педагог, учитель латыни и основатель гимназистской библиотеки Иван Дмитриевич Веретенников, женатый на дочери врача гимназии А. Д. Бланка Анне Александровне. В Перми А. Д. Бланк с семьей жил с 1841 г., занимая пост инспектора врачебной управы. Залежский близко сошелся с семьей Веретенниковых и стал их частым гостем. Вместе с Д. Д. Смышляевым А. А. Залежский участвовал в создании первой частной публичной библиотеки в Перми. Первыми читателями ее и были Веретенниковы.

Андрей Александрович Залежский 15 июня 1856 г. вступил в брак с Екатериной Александровной Бланк (по первому мужу АLEXИНОЙ), сестрой матери В. И. Ленина (ЦОА ТАССР, ф. 4, д. 10, л. 27, соб. 28). Екатерине Александровне было 23 года, а Андрею Александровичу около 30 лет. В Перми у них в 1856 г. родился сын Александр, в будущем известный земский врач, умерший в возра-

сте 33 лет от туберкулеза. С Уралом связана вся жизнь их дочери Марии Андреевны Грачевской. Дочь Екатерина жила в городе Турове. Сын Владимир после педагогического института всю жизнь шел по стопам отца — учительствовал в селе. Дочь Ольга Андреевна Залежская (Богданова) жила в Москве, стала художницей.

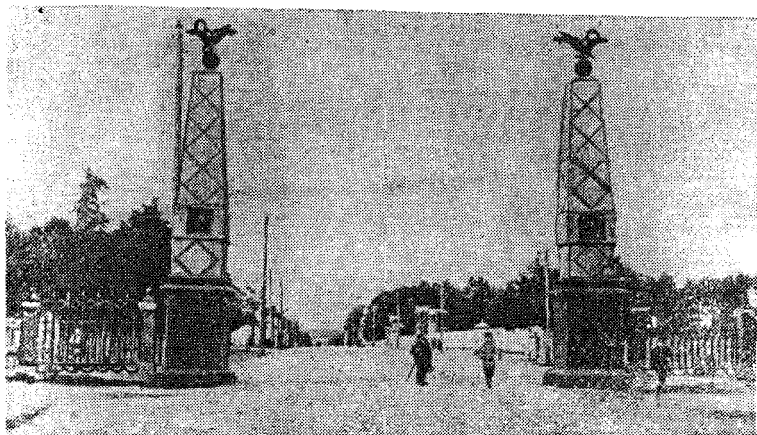
22 октября 1861 г. состоялось открытие Екатеринбургской мужской гимназии. Андрей Залежский, назначенный инспектором вновь открывшегося учреждения, зачитал царский указ об открытии гимназии в Горном гнезде. Но сам он в Екатеринбурге не остался, а в конце 1861 г. получил разрешение вернуться в Пермь «по семейным обстоятельствам». В Перми его поставили на пост инспектора гимназии, потом окружным инспектором Казанского, а с момента выделения в 1874 г. — Оренбургского учебного округа. Но состояние его здоровья принудило избрать для жительства башкирскую деревню Залим под Стерлитамаком, где Залежские прожили около двадцати лет. Здесь А. А. Залежский открыл школу. Умер он в Уфе 15 декабря 1887 г., прожив 62 года.

«За выкражу из Пермской почтовой конторы бумаг» в 1855 г. ученик Пермского уездного училища Федор Решетников был сослан «на покаяние» в Соликамский монастырь. А. А. Залежский вместе с А. И. Пономаревым приложил немало сил, чтобы выручить этого даровитого мальчика, «преступление» которого заключалось в неумолимой тяге к чтению. Ф. М. Решетников жил у деда, пермского почтового чиновника, и потихоньку брал с почты для чтения журналы и газеты. Однажды случайно с соседским мальчиком прихватил почт-пакет, за что и поплатился трехмесячной посадкой в монастырь. Помощь А. А. Залежского спасла будущего писателя от более сурового наказания.

Одним из подопечных А. А. Залежского был гимназист В. М. Стржалковский, сын кандидата философии, штаб-лекаря Артинского завода, ссыльного М. А. Стржалковского. В 80-е годы В. М. Стржалковский работал в Симбирске под руководством И. Н. Ульянова инспектором народных училищ, был близким другом семьи Ульяновых.

В Перми отбывали ссылку с 1849 г. кандидат Московского университета Александр Зинович, впоследствии сенатор, а также «политический преступник» польский революционер Сигизмунд Волоцкий, сосланный в Пермь в 1849 г. Жили и другие ссыльные лица.

В этой обстановке образ мыслей А. А. Залежского соответствовал передовым идеям времени. Его стихи не публиковались, ибо уж слишком были пронизаны духом антикрепостничества, свободолюбия и человечности. Одним из таких широко известных в Перми устных стихов Андрея Залежского была и данная басня.

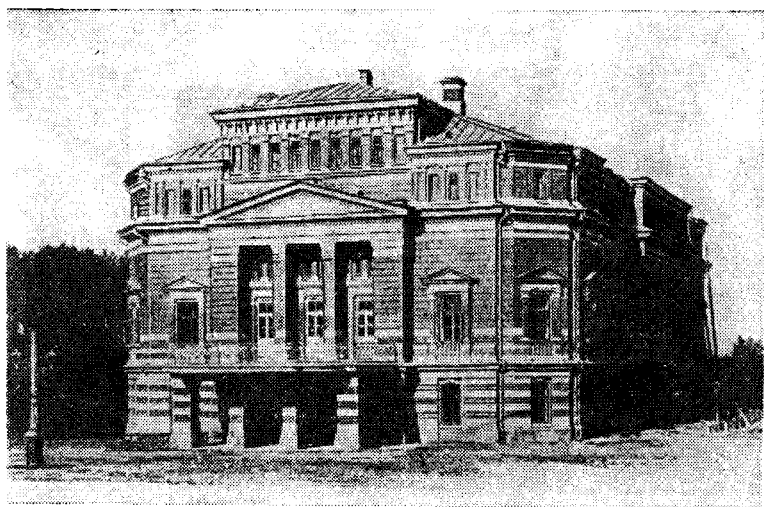
Сибирская застава в г. Перми. Располагалась на углу улиц Сибирской и Малой Ямской. Ныне район городского детского парка им. М. Горького

Улица Сибирская. Конец XIX в.

Градо-Пермский Петропавловский собор

Вид на Спасо-Преображенский кафедральный собор и реку Каму. Нижний этаж собора закрыт трехэтажным зданием Пермской духовной семинарии

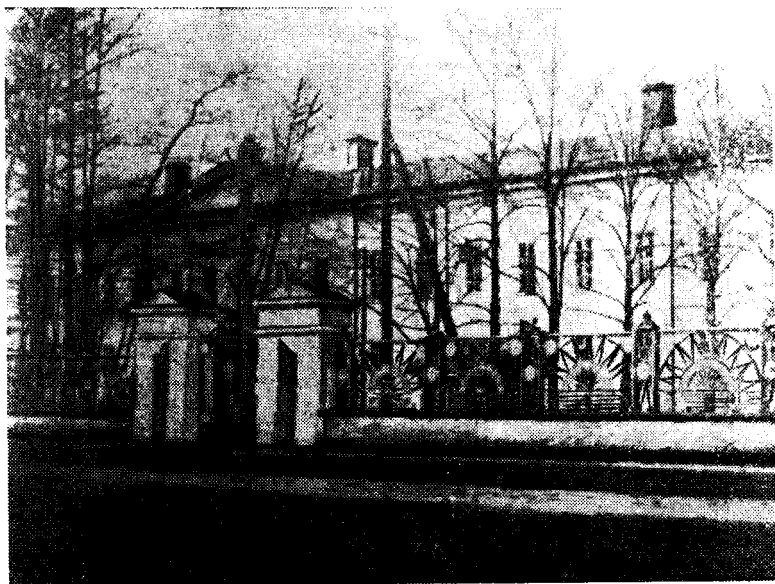
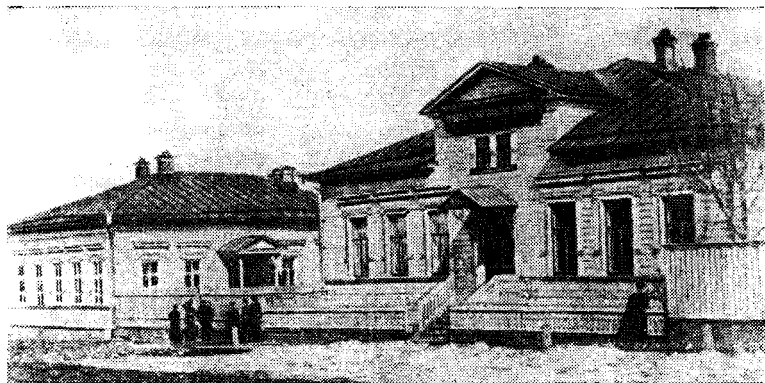
*Воскресенская церковь и здание Благородного собрания (угол улиц
Вознесенской и Сибирской)*

Городской театр

Техническое железнодорожное училище по улице Торговой. Здание не сохранилось

Кинотеатр «Триумф» — один из первых в городе. На снимке 20-х годов XX в. здание сохраняет первоначальный облик

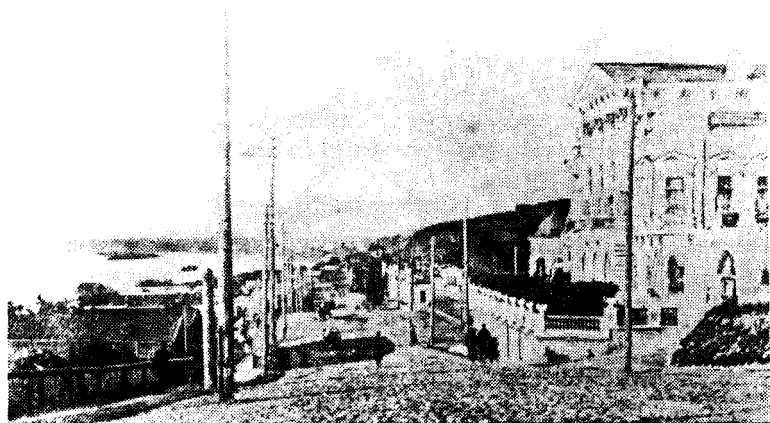
*Первое городское четырехклассное училище по улице Соликамской
(ныне М. Горького, 28)*

*Губернская Александровская земская больница по улице Большой Ямской.
Ныне здание надстроено (Пушкина, 28)*

*Дом городского общества на углу улиц Сибирской и Петропавловской.
Ныне городская библиотека им. А. С. Пушкина*

*Магазин торгового дома «И. Осипов и К°». Ныне магазин «Гастро-
ном» № 1*

Камская набережная. Справа на спуске — дом купца и пароходчика Н. В. Мешкова. Ныне управление Камского речного пароходства (Орджоникидзе, 11)

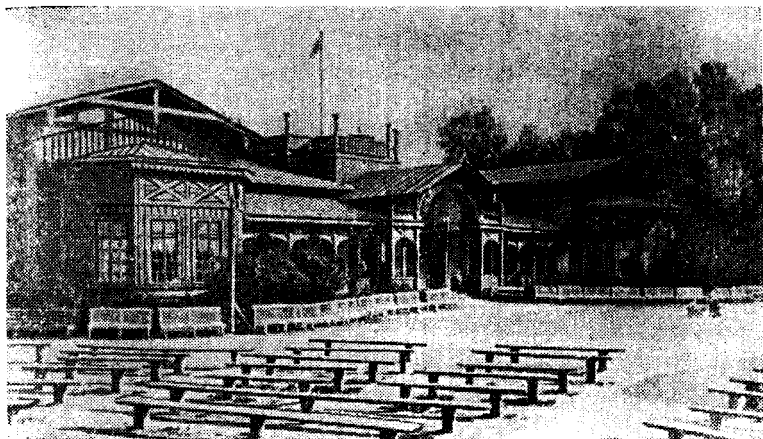
Река Кама. Пристань у г. Перми

*Губернское акцизное управление. Здание капитально перестроено. Ныне
Пермский почтамт (Ленина, 24)*

*Дом губернатора. Ныне СПКБ автоматизации технологических процес-
сов (угол улиц К. Маркса и Большевистской)*

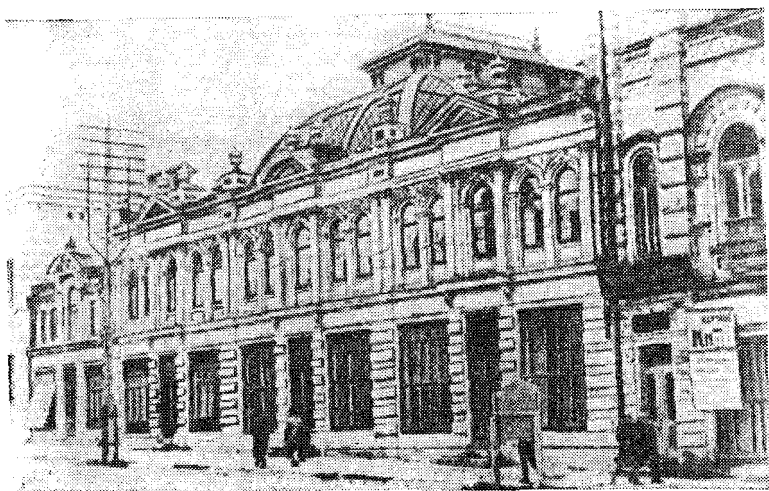
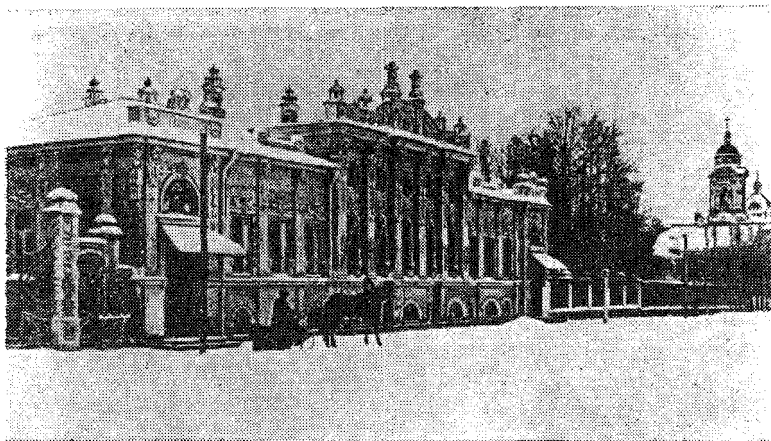
Летнее помещение общественного собрания в Загородном саду. Здание не сохранилось

Дом А. В. Синакевича. Ныне средняя школа № 21 им. С. М. Кирова (К. Маркса, 23)

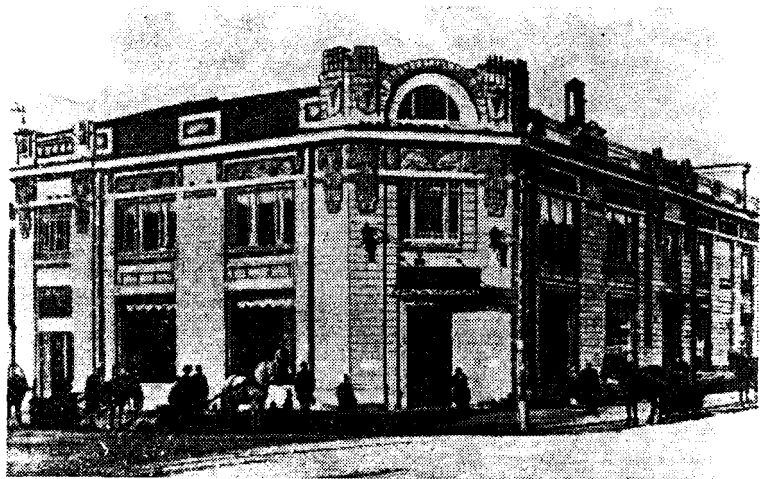
Улица Монастырская (начало XX в.). Здание, видное на переднем плане, не сохранилось

Казенная палата и Казначейство (угол улиц Покровской и Сибирской). Здание перестроено. Ныне исполком и президиум городского Совета народных депутатов

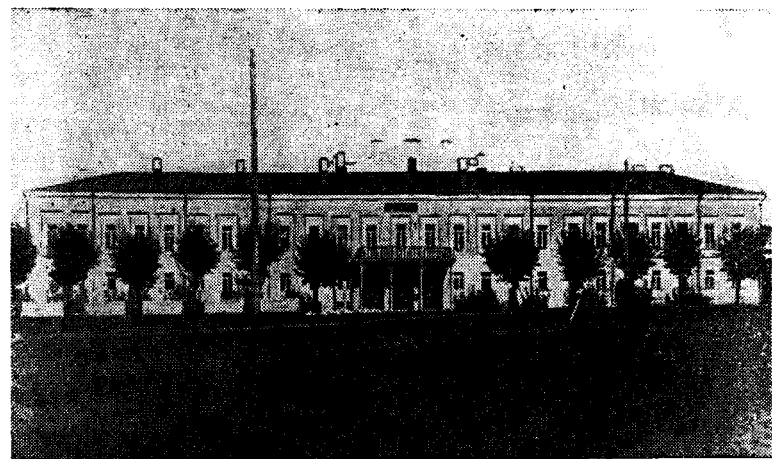
Дом купца С. М. Грибушина по улице Покровской (Ленина, 13)

Дом купца М. И. Грибушина с магазином «Чай и сахар» по улице Красноуфимской. Здание не сохранилось

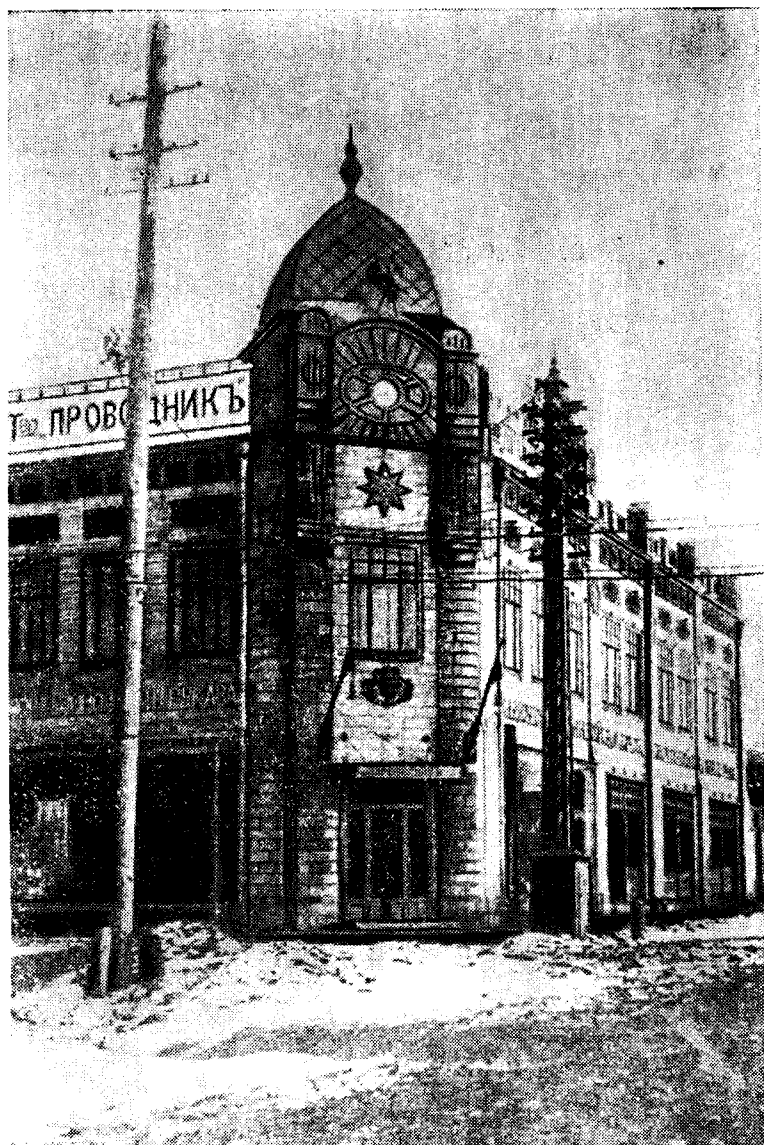
Дом Д. Е. Ижболдина по улице Петропавловской. Ныне областной Дом культуры учащихся профтехобразования

Александровская женская гимназия (в конце XIX в. здание принадлежало генералу П. Д. Дягилеву). Ныне средняя школа № 11 им. А. М. Горького

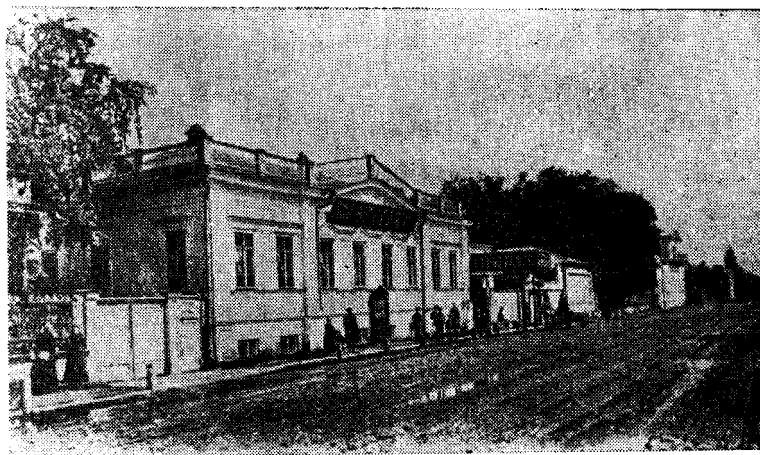
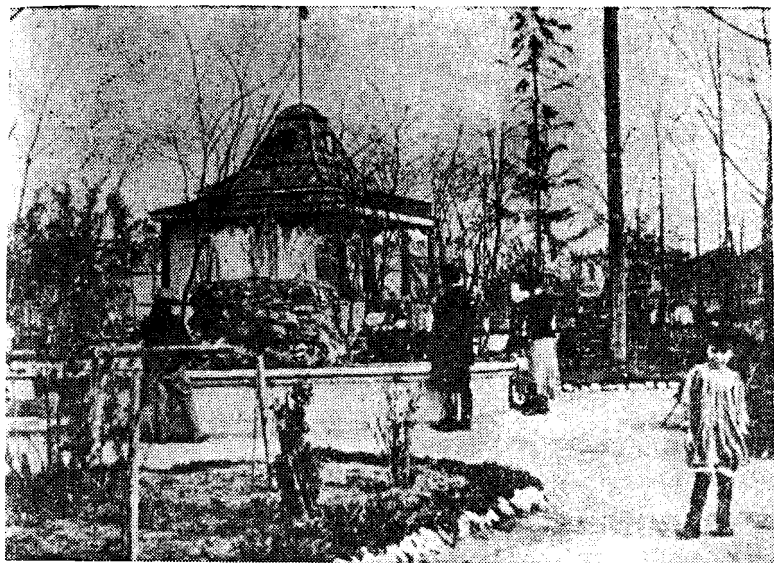

Мариинская женская гимназия. Ныне Пермский государственный сельскохозяйственный институт им. академика Д. Н. Прянишникова

Алексеевское реальное училище. Ныне Пермский авиационный техникум им. А. Д. Швецова

Обувной магазин Товарищества «Проводник» на углу улиц Торговой и Оханской. Ныне одно из управлений п/о «Камлесосплав»

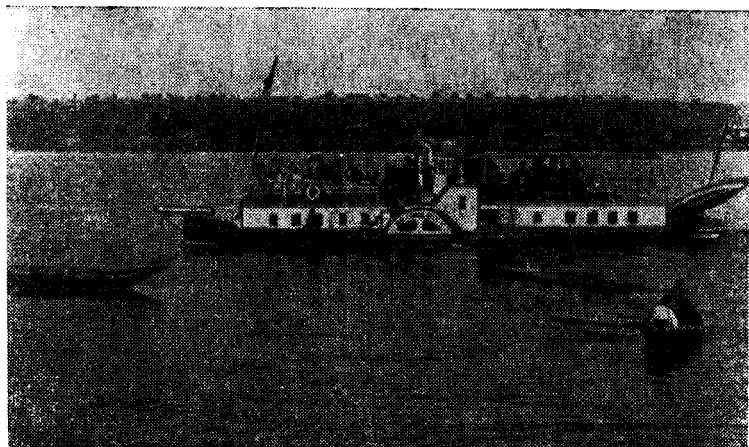
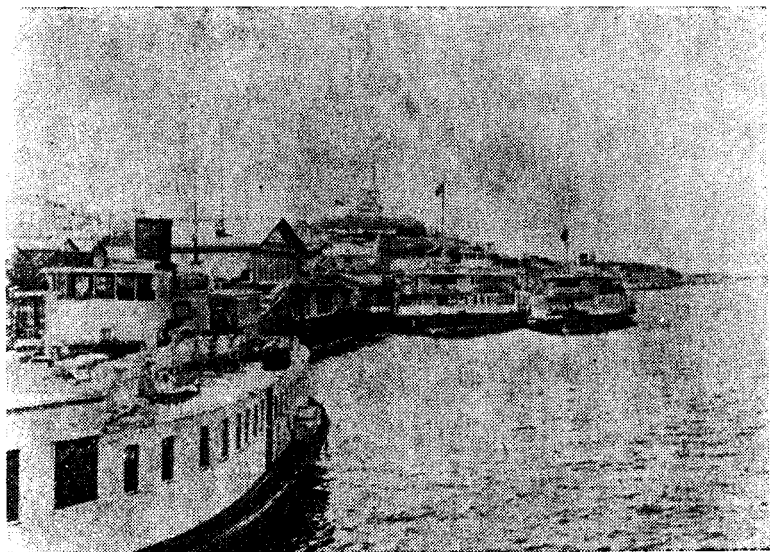
*В саду перед городским театром. Павильон и фонтан не сохранились
Центральная городская фотография по улице Покровской. Здание не сохранилось*

Окружной суд на углу улиц Красноуфимской и Вознесенской. Ныне ректорат Пермского государственного медицинского института (Куйбышева, 39)

Управление Пермской железной дороги. Сохранилась часть застройки — ныне корпус № 2 Пермского техникума железнодорожного транспорта

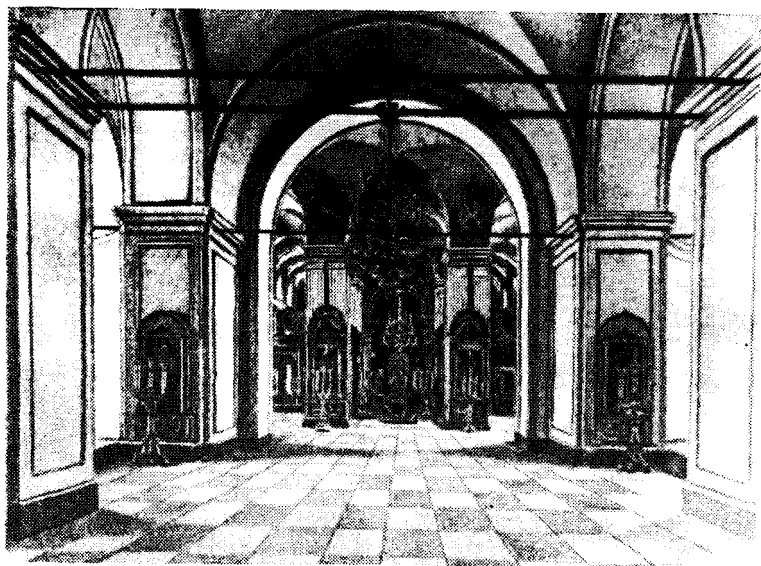
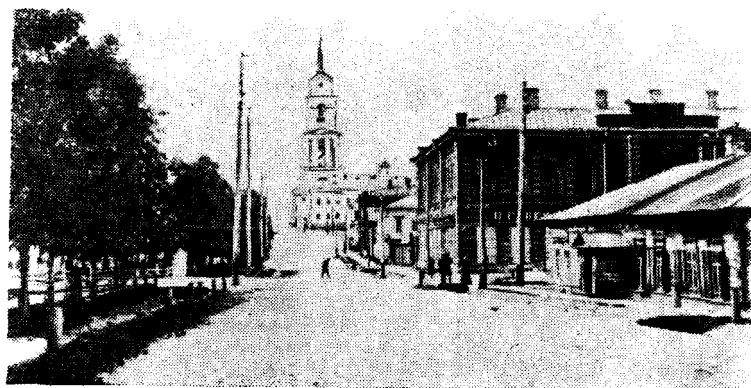

Пароходы на Каме

Пароход «Мотовилиха»

*К статье Л. С. Кашихина, Л. В. Перескокова «Архитектор и актер А. Б. Турчевич-Глумов» (фото из личного архива Л. В. Перескокова).
Никольская церковь в Мотовилихе. Начало XX в.*

Кунгурская улица с видом на Спасо-Преображенский кафедральный собор. Конец XIX в.

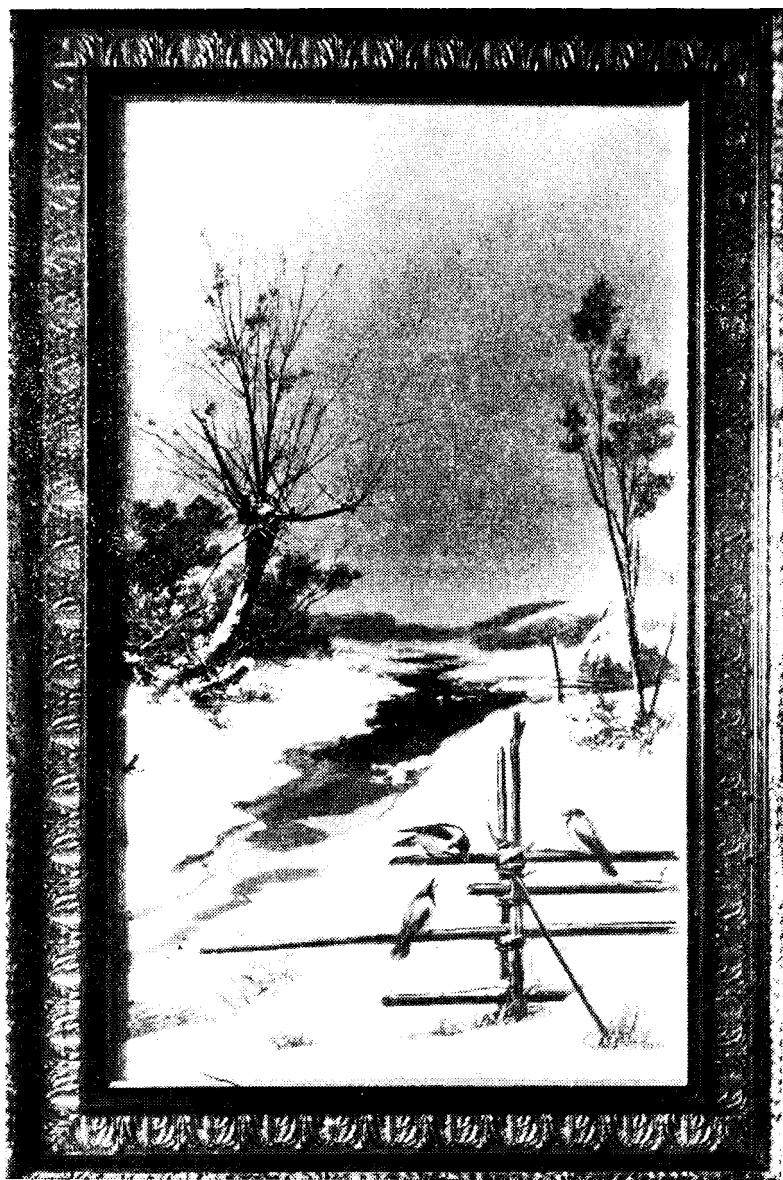
Внутренний вид кафедрального собора после перестройки по проекту А. Б. Турчевича (1893)

К статье Е. А. Спешиловой, В. В. Семянникова «Художник А. Н. Зеленин» (фоторепродукции А. А. Кирсанова). А. Н. Зеленин — воспитанник приюта. 1886 г.

Портрет «Государыни» украшал актовый зал Мариинской женской гимназии

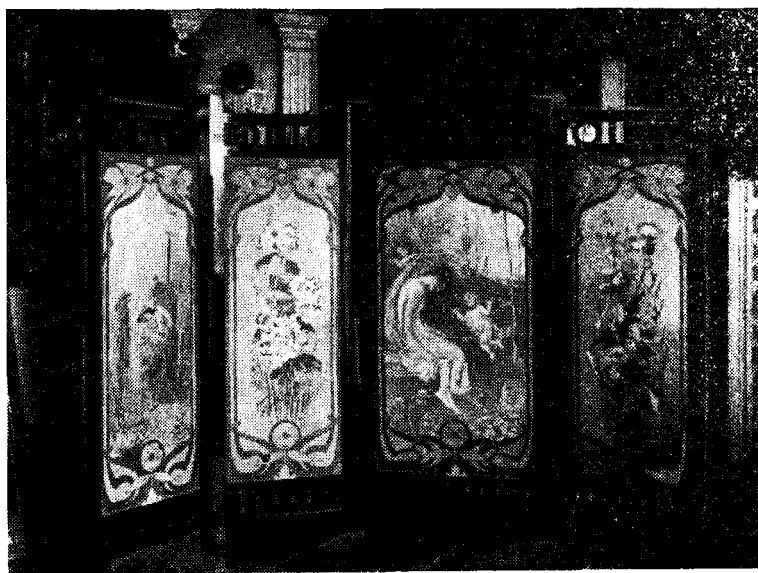

Покой и раздумье — эмоциональный мотив многих пейзажей художника

Подводный мир, полный загадок и тайн, — повторяющаяся тема в творчестве художника

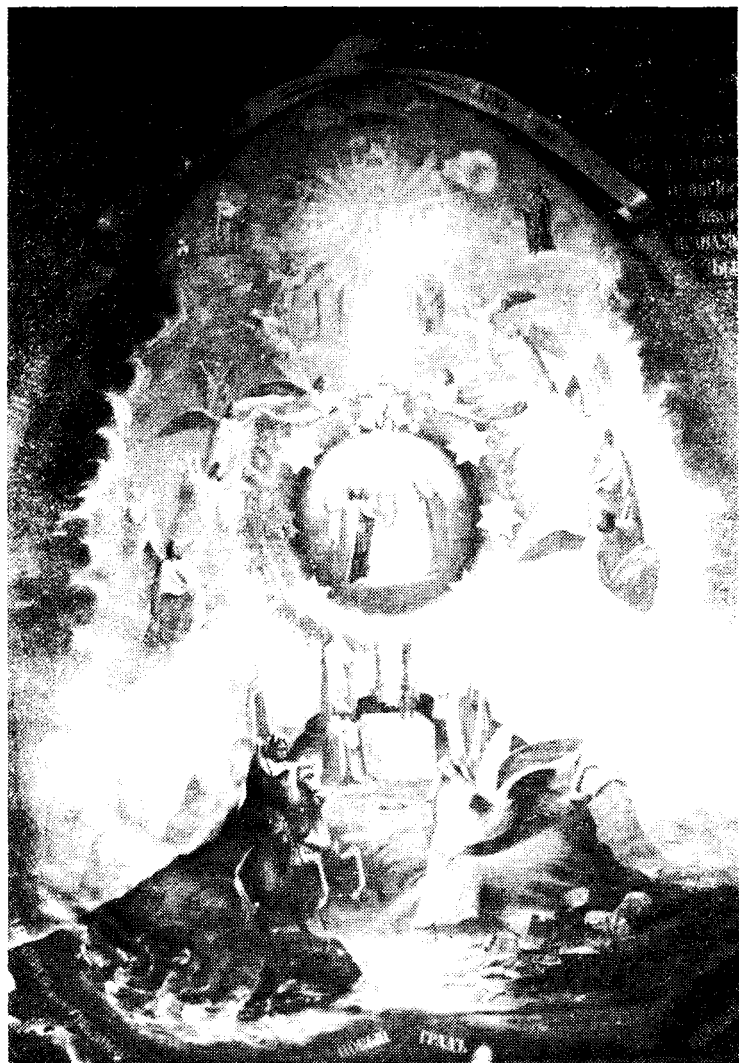

Образ просветителя Прикамья написан для часовни Стефана Великопермского

Одно из постоянных увлечений художника — роспись панно для ширм

*Иконы и картины на религиозные темы, написанные А. Н. Зелениным, занимали достойное место в храмах Перми
Образы Богоматери и Апостола Иоанна для «Голгофы»*

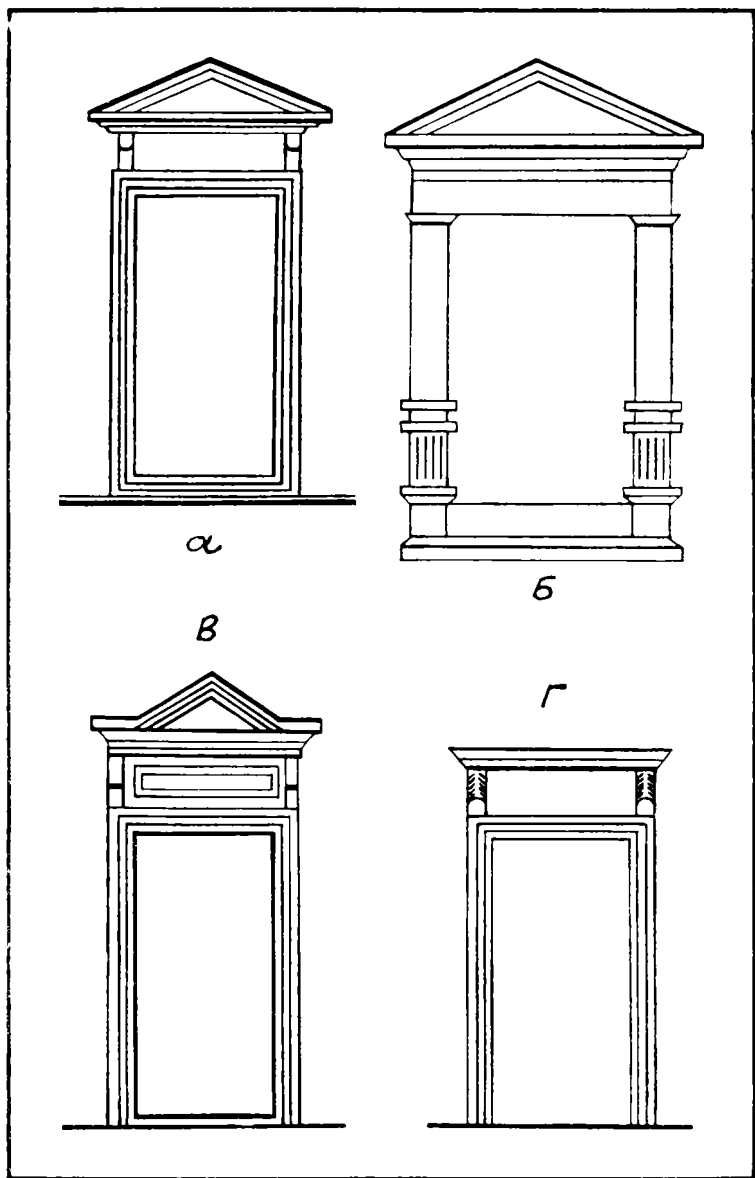
Знамение царствующей веры. Композиция по «Апокалипсису»

Богоматерь

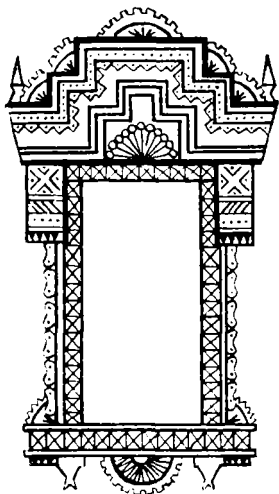

Пейзаж

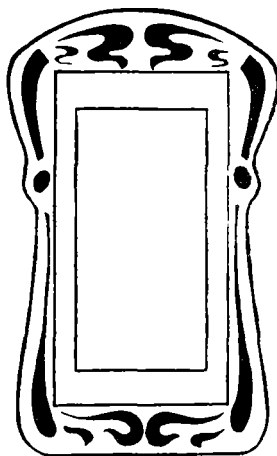

К статье Л. В. Перескокова «Деревянная вязь пермской истории»

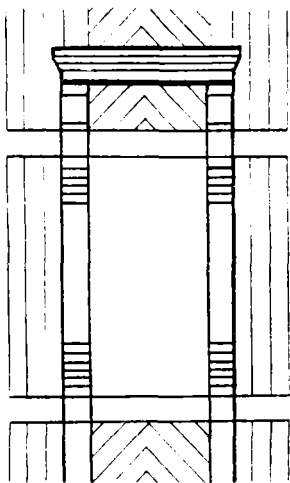
Рис. 1

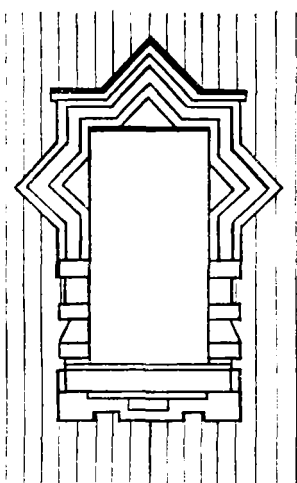
a

б

в

г

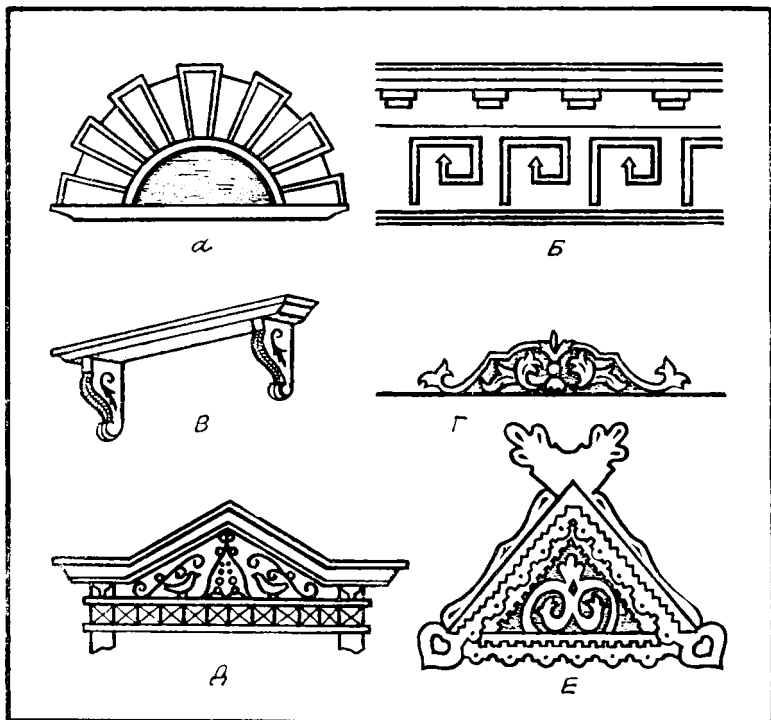

Рис. 3

Е. А. СПЕШИЛОВА, В. В. СЕМЯННИКОВ

ХУДОЖНИК А. Н. ЗЕЛЕНИН

...По Казанскому тракту двигалась очередная партия ссыльных. Закованные в кандалы, шли они с теплой Украины в суровую Сибирь. Молодожены по фамилии Пупыш ждали первенца. Он родился в дороге, неподалеку от Оханска. Назвали сына Нестор (по-гречески — возвратившийся).

Молодая мать, бренча кандалами, ходила по домам Оханска и просила взять мальчика на воспитание. Взяла ребенка семья Зелениных. Вырос Нестор, стал работать на пароходах, женился. 31 мая 1870 г. родила ему жена сына. Встал вопрос о крещении мальчика, а у Нестора Пупыша нет документов. По решению Сената, Зеленины усыновили всю семью: Нестора, его жену Анну и их сына Алешу. Через два года появилась у Алеши сестричка Наташа. Недолго детям пришлось жить в родной семье. Вначале умер старик Зеленин, а в 1876 г. — отец и мать. Опекуны сдали детей в пермские приюты. Наташу приняли в приют при Рождество-Богородицкой церкви на углу улиц Покровской (Ленина) и Широкого проулка (Комсомольского проспекта).

Алеша с 8 до 15 лет находился в убежище детей бедных на углу улиц Покровской и Верхотурской (Островского). Дом для этого приюта строился на деньги известных пароходчиков — братьев Каменских, Федора и Григория Козьмовичей. После смерти братьев их дети продолжали благотворительную деятельность.

В то время, когда Алеша находился в приюте, попечителем его был Александр Григорьевич Каменский. Жизнь в приюте была тяжелой, хотя там и давали начальное образование, учили ремеслам: переплетно-картонажному, столярному, сапожному, слесарному и другим специальностям.

На одной из выставок детского рисунка, устроенной в Перми (к этому времени рисование стало для мальчика любимым делом), отмечены зарисовки Алеши Зеленина. Общественная деятельница «шестидесятница» А. Семейская и воспитатели приюта обратились к художнику Африкану Исидоровичу Шанину, чтобы он позанимался с талантливым мальчиком. Шанин работал учителем ри-

сования в мужской гимназии, имел профессиональное образование (окончил Академию художеств со званием свободного художника портретной живописи). В 1888 г. открыл первую в губернии художественную школу. Алеши в ней заниматься не пришлось, но знания, приобретенные им у Шанина, оказались глубокими и прочными, не уступающими тем, которые получают в недалеком будущем первые ученики художественной школы.

После приюта Алешу под свою полную опеку берет Александр Григорьевич Каменский. В 1886 г. он отправляет Алешу в Петербург к своему брату и регулярно высылает на содержание сироты необходимые деньги. В Петербурге Алеша прожил десять лет.

В Академию художеств Алексей поступил благодаря поддержке И. К. Айвазовского и В. П. Верещагина. Уровень подготовленности его по живописи, рисунку и композиции оказался вполне приемлемым. Ему разрешили посещать вечерние классы по рисунку, но для того, чтобы стать действительным студентом Академии художеств, необходимо было иметь аттестат об окончании гимназии. У Алеши на тот период было только начальное образование, которое он получил в приюте. Каменские наняли мальчику преподавателей. Алеша за год сдал экзамены за 5 классов гимназии, после чего поступил в частную гимназию Гуревича с правами правительственной. Начался титанический труд. Ежедневно до 4 часов занятия в гимназии, а с 5 часов работа по рисунку в Академии художеств. Учебные заведения — в разных концах столицы. Их разделяло 6 километров. Пока ехал на конке, просматривал уроки. Часто ездил на ветру, отсюда к концу жизненного пути — потеря слуха и ослабление зрения (ранее в приюте Алеша заработал хроническое воспаление слизистой оболочки век). Через три года, получив аттестат об окончании гимназии, Алексей Несторович был зачислен в действительные студенты Академии художеств, которую он успешно окончил в 1895 г.

После Петербурга А. Н. Зеленин два года работал в Париже в Академии Жульена под руководством Бугеро; кроме того, посещал Академию Коларосси, а также Луврский и Люксембургский музеи — писал, писал... Дальнейшее пребывание за границей было прервано из-за тяжелой болезни благодетеля — Александра Григорьевича

Каменского. Посвятить себя творчеству, не имея материальной поддержки, было нереально, и в 1897 г. Алексей Несторович возвращается в Россию.

24 февраля 1897 г. в Академии наук в Петербурге открылась V выставка картин Петербургского общества художников. На выставке экспонировались произведения таких художников, как К. Е. Маковский, Л. Ф. Лагорио, Г. П. Кондратенко. Принимали участие и художники — выходцы с Урала: В. П. Верещагин, В. Г. Казанцев, А. К. Денисов-Уральский, братья А. А. и П. А. Сведомские и неизвестный еще столичной публике А. Н. Зеленин. Алексей Несторович выставил картины и этюды, написанные во Франции и во время учебы в Петербурге. Критика заметила молодого художника и доброжелательно отозвалась о его работах. Особенно много внимания рецензенты уделяли картине «На дне моря». Вот фрагмент рецензии Н. А. Лейкина, появившейся 1 марта 1897 г. в «Императорской газете»: «...Перед картиной А. Н. Зеленина «На дне моря» маленькая толпа. Изображены вода, дно моря, лежащая на дне прекрасная молодая голая женщина, слегка покрытая пеленой, а над ней причудливые тропические морские звезды яркой окраски, кораллы и плавающие рыбы.

Кто-то, долго смотря на картину, произносит:

— Должно быть, что-нибудь из балета... Из какого-нибудь балета... Красавица спит в подводном царстве. Заколдованная красавица...

— Позвольте-с, но если бы это было из балета, то она должна быть в балетной юбке, а тут она, как мать родила, — слышится возражение. — Это утопленница.

— Полноте... Если утопленница, то она должна бы быть вся раздувшись.

— Недавно утонула.

— А недавно утонула, так все-таки должна быть посиневши, а тут розовая вся.

— А недавно утонувши, то как же могли все эти кораллы ее окружить... Кораллы и разные морские животные, — слышится третий голос.

— Я говорю, что из балета. И вовсе это не мертвая. Мертвые такие не бывают. Прямо из балета. Вы посмотрите на эту материю... Разве материя в воде может так облегать тело? Материя в воде сейчас вздуется, пойдет

пузырями. Взгляните, как волосы-то правильно лежат. Из балета... Декорация морского дна.

— Конечно же, из балета или из феерии... В натуре так не бывает, — решает четвертый голос.

Толпа расходится».

Из Петербурга выставка переехала в Москву, где картина Зеленина «На дне моря» была приобретена московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем для своей галереи.

До нас дошла только фотография фрагмента или одного из вариантов картины (А. Н. Зеленин всегда старался заснять те свои работы, с которыми он вынужден был расставаться). Эта тема подводного мира была любимой для художника. Находила она и своих почитателей среди выставочной публики, где было много поклонников салонного искусства, одного из крыла русского академизма.

В том же 1897 г., когда открылась выставка, А. Н. Зеленин окончил педагогические курсы при Академии художеств и получил назначение учителем рисования в Кунгурскую прогимназию. Здесь его учеником был будущий уральский художник Г. М. Мелентьев.

Затем Зеленина перевели преподавателем рисования и чистописания в Пермскую Мариинскую женскую гимназию, в которой он проработал вплоть до самой революции. Помимо этого, он преподавал в частной женской гимназии Барбатенко, епархиальном женском училище, духовной семинарии.

В 1903 г. в Кафедральном соборе Перми состоялось бракосочетание художника с Анной Федоровной Теплоуховой (дочерью известного лесоведа, археолога, главного лесничего Ильинского имения Строгановых). Молодожены сначала жили на улице Сибирской, 17 (К. Маркса, 19) во флигеле семьи купцов Алиных — торговцев меховыми товарами, с 1905 по 1908 г. — по улице Малая Ямская, 20 и в доме Чечулина (Краснова, 20).

В 1908 г. Алексей Несторович переехал в собственный дом, построенный по его проекту на Петропавловской улице (Коммунистическая, 131).

8 декабря 1909 г. состоялось первое заседание вновь организованного Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества. Учредителями этого общества

были А. И. Шанин, А. Б. Турчевич, Д. Ф. Николаев, А. А. Седов, А. Н. Зеленин и др. Общество включало по преимуществу преподавателей рисования пермских учебных заведений, а также Вятки, Екатеринбурга, Кунгура и других ближайших городов. Кроме этого, членами общества стали архитекторы, любители живописи, представители городской интеллигенции. Цель общества была в развитии у публики любви и интереса к живописи, в совершенствовании мастерства у членов общества путем совместной работы и обмена сведениями. Ежегодно устраивались выставки пермских художников в здании Казенной палаты. Алексей Несторович принимал участие в деятельности комитета общества и экспонировал свои работы на выставках общества.

Вместе с художниками И. П. Чирковым, А. И. Шаниным, П. С. Евстафьевым и другими членами общества Зеленин вел уроки рисования в помещении торговой школы (ныне это здание школы № 17 по улице Ленина, 31).

16 октября 1911 г. в Перми начал еженедельно выходить журнал «Искусство и жизнь» с иллюстрациями и портретами общественных сценических деятелей под редакцией М. З. Басова-Гольдберга. Алексей Несторович участвовал в оформлении журнала (об этом писали «Пермские губернские ведомости». Сохранилась и фотография обложки журнала, где видно факсимиле художника).

Позже стал издаваться журнал «Пермское церковно-археологическое общество», который также оформлялся Зелениным. По существу, А. Н. Зеленин явился одним из первых художников-оформителей периодических изданий в Прикамье.

До революции Алексей Несторович уделял много внимания иконописи. Эта сторона деятельности местных художников еще слабо изучена. Одна из причин отсутствия таких исследований, видимо, в том, что в сталинское время художников, расписывающих церкви, преследовали и они попадали в разряд «врагов народа». И все же ряд имен художников-иконописцев известен. Это И. С. Дощенко, А. К. Кривошеков, П. В. Ладейщиков, И. И. Мельников, А. У. Орлов, И. Н. Поляков, С. П. Юшков. Писали иконы родители братьев Верещагиных и сестер Кашиных. Появлялись в печати и сообщения об

иконописной деятельности в Перми художников Н. К. Рериха, В. М. Васнецова, М. В. Нестерова. Одно время в журнале «Уральский следопыт» высказывалось предположение, что А. Н. Зеленин мог принять «участие в изготовлении или обжиге майолики для панно или изразцов для Казанской церкви — усыпальницы Каменских». Такое предположение В. Шахова, нам думается, не лишено основания. Например, из беседы с Л. И. Балдиной, родственницей художника, выяснился факт участия Зеленина в оформлении одного из киевских соборов, где в те же годы расписывал иконостасы В. М. Васнецов.

...В 1793 г. в селе Ныроб Пермской губернии крестьянин Максим Пономарев соорудил каменную часовню вместо деревянной, над ямой, в которой с сентября 1600-го по сентябрь 1601 г. сидел в кандалах и цепях опальный боярин Михаил Никитич Романов, дядя первого царя из дома Романовых, сосланный по указу Бориса Годунова в уральскую глушь. Боярин умер от истощения. В 1913—1915 гг. вокруг отреставрированной часовни по проекту А. Н. Зеленина был разбит сквер и установлена железная ограда на каменных столбах, украшенных майоликой. Решетка была отлита в Мотовилихинском заводе, и, как пишет Г. Н. Чагин в книге «На древней Пермской земле», «история ее возникновения подробно изложена в текстах на литых пластинах, смонтированных в нишах самых высоких столбов. Первоначальный вид ограды и сквера не сохранился. Нет часовни, сбиты украшения решеток — литые венки и вензеля, остроконечные завершения и двуглавые орлы на столбах при входе».

По сохранившимся фотографиям иконописных работ Зеленина можно представить его росписи церкви сиропитательного грибушинского дома в Кунгуре (ныне здание школы), церкви в имени Каменских под Петербургом.

В Перми Алексей Несторович принял участие в росписях Слудской и Всесвятской церквей. Надо сказать, что художник не порывал связи с Академией художеств, куда было отправлено много посылок с учебными пособиями для натуральных работ, изготовленных им совместно с учащимися.

Большое горе на время выбило его из колеи: в 1918 г. умерла жена Анна Федоровна. Долго переживал смерть

любимого человека Алексей Несторович и только через четыре года вновь женился на ее подруге детства Ольге Михайловне Пушкиной. О. М. Пушкина (1889—1978) воспитывалась в семье Николая Степановича Конюхова, образованного и интеллигентного горного инженера, последнего главноуправляющего пермским нераздельным имением графа С. А. Строганова в селе Ильинском. Впоследствии она окончила в Перми частную гимназию Барбатенко и педагогические курсы с художественными классами М. А. Лохвицкой-Скалон в Петербурге. По возвращении из Парижа, где совершенствовалась в французском, она приступила к обязанностям учительницы французского языка в Пермской гимназии Барбатенко. Занималась она и живописью. В 1907—1908 гг. ее работы экспонировались на выставке в научно-промышленном музее города Перми. О. М. Пушкина, как и Алексей Несторович, являлась членом Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества.

После освобождения Перми от Колчака Зеленин участвовал в организации учительских курсов, выезжал в уезды для налаживания школьного дела.

Поражает его интенсивная деятельность в 20—30-е годы. Он работал на фребелевских курсах, в институте народного образования, госуниверситете (при кафедре математики, на техническом факультете, педфаке), заведующим кафедрой черчения в химико-технологическом институте. Кроме того, он читал курс лекций на всех школьных и дошкольных курсах в Перми, Свердловске, Чердыни, Усолье, Ильинском.

На педагогическом поприще Алексей Несторович не забывал и о творческой работе. Во время отпуска ездил по уральским селам, писал пейзажи, создавал портретные этюды. Рисунки и живописные наброски запечатлели природу и людей Ильинского, Слудки, Ныроба и других мест края. В поездках на пароходе рождались виды Камы, Волги и городов, стоящих на этих великих реках. Много пейзажных зарисовок сделано было им в Крыму, на Кавказе. Но работы художника почти не появлялись на художественных выставках, т. к. для их завершения не хватало ни времени, ни здоровья.

Все, что Зеленин создал, хранилось в его уникальном доме-мастерской. Там был красивый камин, который пер-

мяки могут видеть в краеведческом музее, со специальным духовым шкафом для обжига стекла и фарфора; муфельная печь, украшенная расписными глазурованными плитками; различные станки и станочки. Вся обстановка в доме была необыкновенной: мебель или хорошего старинного производства, или сделанная своими руками, шкафы, шифоньеры, серванты украшены художественной резьбой, вышивками бисером, шелками в основном работы Ольги Михайловны. Шкатулочки, в которых хранились семейные документы, расписаны с большим вкусом хозяевами. На стенах висели картины Алексея Несторовича, Ольги Михайловны и ее брата Аркадия Михайловича, учившегося в Строгановском художественном училище в Москве и рано умершего. В серванте стояли красивые, редкие в наше время изделия из стекла и фарфора, например чайный сервиз из зеленого хрусталя производства 1870 г. В комнатах можно было увидеть ширмы, которые делал и расписывал хозяин дома.

Алексей Несторович всю жизнь помнил, что художником он стал с помощью добрых людей, и сам всегда оказывал посильную помощь одаренной молодежи. Многих он убедил, что им надо учиться. Так, одна из бывших студенток Пермского художественного техникума, организованного в 1919 г. П. И. Субботиным-Пермяком,

Копилка краеведа

* В 1913 г. поэт Василий Васильевич Каменский построил и испытал на Каме (в Перми) первый в стране глиссер, который получил название «Русский аэроход». Об этом аэроходе журнал «Новая иллюстрация» (1913. — № 46) писал: «В Перми на Каме состоялось испытание аэрохода, изобретенного русским авиатором В. В. Каменским. Аппарат покоится на трех металлических лодках-поплавках... В передней части аэрохода работает пропеллер, в задней же помещается пассажир... Испытания прошли вполне успешно». В том же номере журнала помещен фотоснимок с подписью: «На снимке: изобретатель В. В. Каменский и его пассажир, редактор «Пермских губернских ведомостей» А. А. Перфильев».

* В ноябре 1915 г. гостем Перми был русский поэт-символист Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942). В зале научно-промышленного музея он выступил с лекциями «Океания» и «Поэзия как волшебство». Пермляки проявили большой интерес к выступлениям К. Д. Бальмонта, его поэтическому творчеству.

Ю. А. Камчатнова написала в своих воспоминаниях: «Только благодаря тому, что у нас в женской Мариинской гимназии был по рисованию преподаватель А. Н. Зеленин, я пошла учиться в Высшие художественные мастерские» (так в первые годы именовался Пермский художественный техникум, являвшийся до войны главной базой художественного воспитания в Прикамье). А вот что вспоминала Е. И. Рогачева, учившаяся в пединституте: «Пришла я на первый урок по рисованию. Преподаватель поставил простой натюрморт. Я за 10 минут нарисовала и сижу. Алексей Несторович подошел ко мне: «Почему вы не рисуете?» — «Я все нарисовала». Посмотрел он мой рисунок и говорит: «Вы, оказывается, не из начинающих. Сделаем вот что: приходите (назначил день и время), я вам устрою писать таблицы для кафедр, делать макеты». Прошло два месяца, подходит ко мне Алексей Несторович и говорит: «Почему же вы деньги не получаете? Идите в кассу». Так я впервые в жизни получила зарплату».

Была еще одна область деятельности Зеленина, о которой хотелось бы упомянуть. В 1920—1930 гг. детских игрушек в продаже почти не было. Алексей Несторович вместе с Ольгой Михайловной делали игрушки из папье-маше и других материалов. Искусству делать игрушки Зеленин обучал также преподавателей, воспитателей дошкольных учреждений, студентов.

К 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина в пединституте Зелениным была оформлена большая выставка. По заказу Уральского Дома техники для международного конгресса геологов, который проходил в Свердловске, он создал рельефную карту Урала с указанием полезных ископаемых. Был исполнен заказ пединститута: макет древнегреческого гимназиума по описанию Витрувия. Полтора года художник работал над громадным макетом Краснокамска — города с бумкомбинатом, Гознаком и ЗакамТЭЦ.

В грозном военном 1942 г. Зеленин был принят в члены Союза художников. Когда в 1943 г. в Перми была устроена выставка «Урал в изобразительном искусстве» на Уральской межобластной научной конференции на тему «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», среди произведений других художников не по-

терялась и картина Зеленина «В окрестностях села Ильинского» (1897), которая сейчас находится в Пермской государственной художественной галерее. В 1944 г. в Свердловске на выставке «Урал — кузница оружия» экспонировалось три работы художника: «Шерстобит», «Чертово городище на Каме» и «Уголок старой Перми. Любимовский судоремонтный завод».

Во время войны, когда было плохо с питанием, Алексей Несторович почти совсем оглох, но продолжал свою деятельность дома. К уху подставлял громадную, им самим сконструированную трубу, в которую ему говорили. Его мастерская была всегда к услугам тех, кто к нему приходил. Он проводил широкую консультацию с дошкольными работниками и всеми, кто обращался к нему с вопросами, касающимися прикладных искусств.

Удивительную трудовую жизнь прожил Алексей Несторович Зеленин. И даже смерть его необычна.

Он завершал сложнейшую роспись под самым куполом Слудской церкви. 23 марта 1944 г. он пришел поздно вечером, очень довольный прошедшим днем. «Я сегодня очень доволен — я не работал, а горел». Наутро его не стало.

Похоронили А. Н. Зеленина на новом Егошихинском кладбище, недалеко от могилы известного врача П. Н. Седебренникова, в общей могиле с его первой женой Анной Федоровной Теплоуховой.

Как же распорядился город творческим наследием художника?

В светлой просторной художественной мастерской Зеленина долго хранились картины, которые он писал в Париже: портрет молодой француженки, портрет девочки-подростка, ряд этюдов, запечатлевших Париж XIX в. Долго берег Алексей Несторович купленную за границей картинку «Даная» (есть сведения, что во время Великой Отечественной войны ее приобрели сотрудники Русского музея, эвакуированные в Пермь).

Вдова художника Ольга Михайловна бережно хранила все относящееся к памяти мужа. На склоне лет передала она часть работ в художественную галерею, часть работ, документов и личных вещей художника — в краеведческий музей. Их дом в 1969 г. был снесен и сохра-

нился теперь лишь на фотографиях да на рисунках художника А. Н. Тумбасова.

Очень редко появлялись произведения А. Н. Зеленина на художественных выставках.

А ведь судьба и творчество таких художников, как Зеленин, заслуживают большего внимания!

Можно вспомнить разве что выставку 1945 г., приуроченную к конференции Академии наук СССР по изучению производительных сил Прикамья. Зрители смогли увидеть картины Алексея Несторовича «Кама близ Оханска» (1929), «Кама ночью» (1929), «Село Сайгатка» (1931). Но, увы, таких ситуаций, когда работы старых мастеров выставлялись на суд зрителей, было до обидного мало.

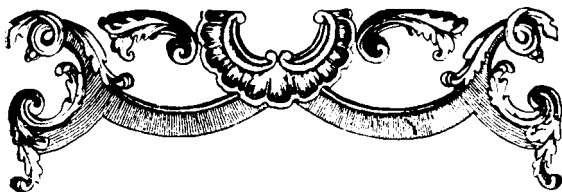

С. А. Поропов
Традиции
пермских краеведов

А. Ф. Старовойтов
Основные даты
жизни и деятельности
Д. Д. Смышляева

Хронограф

На книжную полку
краеведа

**ХРАНИТЕЛИ
ВРЕМЕНИ**

С. А. ТОРОПОВ

ТРАДИЦИИ ПЕРМСКИХ КРАЕВЕДОВ

Авторы этого сборника — члены городского клуба «Пермский краевед».

Слово «краеведение» утвердилось в нашем языке лишь в XX в. В толковом словаре В. Даля (вторая половина XIX в.) такого слова еще нет. В академическом словаре русского языка (1916) краеведение объясняется как «совокупность... знаний об отдельных местностях страны, всестороннее изучение отдельных частей страны, преимущественно силами местного населения».

В дальнейшем во всех справочных изданиях толкование слова «краеведение» близко к первому.

В настоящее время краеведение — это и научная, и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо края, определенной местности — от деревни, небольшого города, даже улицы, предприятия, учебного заведения и т. д. до крупного региона. Краеведение — это и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц. Следовательно, краеведение — это школа познания и методики мышления, школа воспитания культуры, школа экологического образования и школа общения лю-

дей разных поколений, разной образованности, разной степени специальной (научной) подготовки.

По емкому определению академика Д. С. Лихачева, краеведение — «самый массовый вид науки». Корни его уходят в глубь веков, когда зародились передаваемые от поколения к поколению предания — устные сказания, исторические песни. На них опирались первые летописцы, записывавшие важнейшие события по «летам». Так возникло местное летописание — летописи отдельных земель, городов, монастырей, сказания о знаменательных событиях в истории края, жития местных святых.

Первые печатные сведения об Уральском крае более широко стали известны со времени капитальных работ ученых XVIII в. — В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, А. Г. Гумбольдта и др., совершавших экспедиции по поручению Академии наук России. Интересно, что М. В. Ломоносов еще в 1761 г. составил анкету из 30 вопросов о городах, губерниях и провинциях России. Эту анкету можно считать первой программой краеведческого изучения страны.

Священник Петропавловского собора Перми Г. Ф. Сапожников в 1786 г. составил «Летопись Перми». Это первая дошедшая до нас летопись города, охватывающая события с 1723 по 1802 г.

В 1804 г. директор Пермской мужской гимназии Н. С. Попов написал капитальный труд «Хозяйственное описание Пермской губернии». Этот труд уже тогда имел громадный успех и был переиздан в 1811 г. в Санкт-Петербурге. Полное первое издание книги хранится в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

Уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Старая Пермь» назвал труд Н. С. Попова «классическим»*. Работа Н. С. Попова легла в основу дальнейших исследований по изучению края. Так, ученый-краевед В. Н. Берх в своем труде «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» (Санкт-Петербург, 1821) приводит выдержки из тетрадей «Соликамский летописец», составленных соликамскими гражданами Савватием Арефановым, Василием Лучкановым и Никитой Арефановым. Летопись рассказывает о

* Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. — Свердловск, 1951. — Т. 12. — С. 295.

событиях, происходивших в Соликамске и его окрестностях в 1500—1796 гг.

В числе первых краеведов можно упомянуть архимандрита Макария, управляющего имениями графа Строганова Ф. А. Волегова, священника Ипполита Словцова и др.

Среди мало известных краеведов первой половины и начала второй половины XIX в. выделяются Л. Серебренников («Очерки жителей Ильинского села», 1861), С. Ежевский («Заметки о пермских древностях», 1859), А. Крупенин («Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Прикамского края», 1859), Г. Ванбашевский («Исторический очерк гражданского устройства Прикамского края», 1855), Н. Попов («В. Н. Татищев и его время», 1861). Немало краеведческих работ написали священники Е. Попов, А. Лукин, учитель Ф. Прядильщиков и др.

Наиболее крупные работы написаны Н. К. Чупиным, обладавшим энциклопедическими знаниями по истории родного края, географии, этнографии, библиографии. Труды его до сих пор составляют одну из лучших страниц уральского краеведения. Главный из них — «Географический и статистический словарь Пермской губернии» (1873—1888), — к сожалению, из-за смерти автора оказался неоконченным. Но даже и в таком состоянии он является настольной книгой уральских краеведов.

Удивительные по своему содержанию книги и сборники оставил и Д. Д. Смышляев. В 1876 г. в Перми вышел его труд «Источники и пособия для изучения Пермского края», в котором сосредоточен перечень из 1286 аннотированных статей.

А. Е. Теплоухов, ученый-лесовод и краевед, опубликовал свыше 50 научных работ. Им положено начало археологической коллекции музея. Его сын Федор Александрович — один из организаторов Пермского научно-промышленного музея. Им опубликовано в нашей стране и за рубежом свыше 30 научных работ.

Н. Н. Новокрещенных, горный инженер, краевед, археолог, написал ряд работ, посвященных истории горного дела и археологии края.

Врач В. Н. Шишонко, приехав в Пермь, увлекся историей Пермской губернии. Он составил семитомную «Пермскую летопись» (1263—1715), представляющую ог-

ромную ценность и по сей день. Д. Н. Мамин-Сибиряк сказал о нем, что В. Н. Шишонко являлся одним «из редких провинциальных тружеников, посвятивших свою жизнь... делу изучения местного края».

Учитель русской словесности Ф. А. Прядильщиков оставил потомкам «Летопись губернского города Перми (1781—1844)», в которой отражены многие события, происходившие в городе.

А. А. Дмитриев создал восемь бесценных выпусков «Пермской старины», в которых изложил историю края, начиная с древнейших времен и кончая XVII в. Без его «Очерков из истории губернского города Перми» и сегодня не обходятся краеведы и ученые, изучающие историю города.

В 1870 г. в Екатеринбурге создано Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) и его комиссия в Перми. В 1889 г. в Перми образована Пермская ученая архивная комиссия. Это было началом организованной краеведческой работы. В это же время создавались технические, экономические и другие общества. Все это приводило к накоплению материала для музея.

В 1890 г. в Перми учрежден научно-промышленный (краеведческий) музей, который располагался в нижнем этаже дома Кузнецова на углу Покровской и Обвинской улиц (сейчас на этом месте главпочтамт). Председателем музея избран Н. Н. Новокрещенных, хранителем Ф. Ф. Гельцерман (в дальнейшем стал И. Г. Остроумов), библиотекарем В. А. Владимирский, секретарями Р. С. Попов и С. И. Сергеев.

19 октября 1897 г. музей переехал в трехэтажное каменное здание (ул. Коммунистическая, 38) и после ремонта был открыт для широкой публики. С 1902 г. музеем начато издание «Материалов по изучению Пермского края». Вышло пять выпусков «Материалов».

С возникновением УОЛЕ, архивной комиссии, различных обществ дело изучения края получило более или менее программный и согласованный характер. Объединяющая роль в организации краеведческой работы выпала на долю музея как средоточия всех реальных достижений (коллекции, открытые заседания с докладами и сообщениями, издание ежегодных отчетов, сборников). Культурно-просветительная деятельность музея была ог-

ромна. За 25 лет им сделано 419 публичных заседаний, заслушано 537 докладов и сообщений.

! В конце XIX — начале XX вв. появилось новое поколение краеведов Перми и губернии. Это писатель-краевед Н. П. Белдыцкий, журналист В. А. Весновский, учитель В. С. Верхованцев, горный деятель П. А. Вологдин, географ И. Я. Кривошеков, историк И. Г. Остроумов, климатолог Ф. Н. Панаев, ботаник П. В. Сюезв, собиратель фольклора В. Н. Серебренников и др.

Первые послереволюционные годы, особенно 1920—1930-е, называют золотым временем краеведения. Тогда возникло около 50 комиссий (обществ) по охране памятников, сотни музеев. Созданной при Пермском музее секцией по охране памятников руководил А. К. Сыропятов. Были спасены сотни ценнейших предметов прикладного искусства, в том числе икона русского художника М. В. Нестерова «Распятие», иконы Н. К. Рериха и др. На основе этих экспонатов в Перми был основан Пермский художественный музей. В 1923—1926 гг. под руководством Н. Н. Серебренникова организованы экспедиции по спасению пермской деревянной скульптуры.

27 марта 1924 г. краеведы провели совещание, на котором, признав себя учредителями, решили организовать в Перми общество краеведения, а для выработки устава и проведения его в жизнь избрали временное правление из пяти лиц. Но только 22 октября 1925 г. общество было зарегистрировано при музее. Было избрано правление общества во главе с А. В. Альбенским, созданы секции по изучению Перми, природы и экономики края, изучению деревни, быта и народного творчества, библиографическая.

Наряду с обществом краеведения, в Перми были созданы и другие общества, имеющие краеведческий уклон: общество естествоиспытателей (1918), общество философских, исторических и социальных наук (1916), отделения общества русских ботаников (1921), общества по изучению Коми края (1923), ячейки краеведческого общества в селах Архангельское, Бисерево, Егва, Коса, Кочево, Юрла.

В конце 20-х годов краеведению страны был нанесен тяжкий урон. Руководители Центрального бюро краеведения, академики Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург, ре-

прессированы. Перестали существовать многие местные краеведческие общества, началась смена старых кадров и приход на их место булгаковских Шариковых. Настоящие краеведы стали мешать, т. к. имели иное мнение и по-прежнему боролись за сохранение памятников истории и культуры. Арестованы пермские краеведы И. Ф. Коновалов, А. С. Лебедев, А. К. Сыропятов. Закрылись все добровольные общества, многие музеи, исчезли некоторые ценнейшие памятники.

В 1931 г. собрался печально знаменитый десятый пленум Центрального бюро краеведения, который «заострил свое внимание на необходимости пересмотра и переоценки всей выпущенной до сего времени краеведческой литературы»*. Оставшиеся краеведы вынуждены были приспособляться, но и в таких условиях они умудрялись накапливать материал и писать интересные статьи.

В августе 1939 г. организовано Пермское областное книжное издательство. Уже в первые годы оно издало несколько популярных книг краеведческого содержания. Это «По Каме до Гайн и Соликамска», «Зоологические экскурсии в окрестностях Перми», «Пермская область: Краткий экономический очерк». В 1940 г. вышел первый выпуск литературно-художественного альманаха «Прикамье», где также печатались статьи краеведческого содержания.

В областной и районной прессе печатались статьи краеведов области. Книжное издательство продолжало добрые традиции в «Календарях-справочниках Пермской области», путеводителях, маршрутных сборниках «Отчий край» и «Пермский край».

Разговор о необходимости создания клуба «Пермский краевед» велся давно. По инициативе Н. А. Аликиной, Г. М. Матвеева, Б. Ф. Субботина краеведы решили объединиться и в 1982 г. создали клуб со своим уставом, эмблемой. Активисты клуба ведут большую просветительскую работу среди населения города и области, на заседаниях рассматривают вопросы поисковой и исследовательской работы о прошлом и настоящем Перми, принимают участие во всех мероприятиях города. В последнее

* Знание — сила. — 1988. — № 11. — С. 73.

время в клуб пришло немало молодых краеведов, увлеченных поисковой работой.

В добрый путь, краеведы! Интересного вам поиска!

ПАМЯТИ КРАВЕДА

Московская газета подтвердила трагическую весть, в которую так не хотелось верить. «С глубоким прискорбием сообщаем, что в Перми скончался действительный член Товарищества русских художников, известный уральский краевед и исследователь Сергей Афанасьевич Торопов...» Сообщение в траурном обрамлении догнало нас спустя три месяца после похорон — как свет уже далекой звезды.

Его звезды, счастливой и печальной.

В последние год-два жизнь Торопова приобрела какой-то смелый размах. Знаток истории Перми и края, страстный путешественник и буквоед-библиофил в одном лице, он проявил во всем блеске и свои недюжинные организаторские качества.

Сергею Афанасьевичу, пожалуй, первому удалось обобщить историю краеведения, или, как раньше писали, — отечествоведения, за многие годы. Край, имевший до революции ряд постоянных и сильных летописцев, в годы Советской власти словно оскудевает ими. В специально разработанной лекции Торопову удалось собрать богатый материал о краеведении 20-х годов. Он же ответил на вопрос, почему краеведы оказались

в числе первых жертв сталинского режима. Эти люди, пытливые и памятливые, были хранителями священной нити времени...

Призвание Торопова было в этом: крепить золотую нить. Бессменный председатель клуба краеведов Перми, созданного им в 1982 г., он стал организатором областного общества «Краевед Прикамья» и был избран его председателем.

Откуда, собственно, начинается краевед?

...Его старшая сестра, Зинаида Афанасьевна, вспоминает, что он был самым младшим ребенком в семье — и самым любимым (уж так им, старшеньким, казалось). Интерес к истории у Сережи — это, конечно, от отца, от его любознательности к прошлому, хотя по профессии старший Торопов был портным. Его мастерская находилась на Осинской, там, где ныне Дом культуры учащихся профтехобразования; позднее он стал одним из основателей нынешней «Пермодежды». Гайдар знал Афанасия Торопова, даже книжку свою, «Лбовщина, или Жизнь ни во что», подарил.

Рассказы бабушки тоже много давали пытливому мальчику. 105 лет прожила бабушка, могла по снегу босиком ходить, это ли

не искусство жить? Много помо- гала Сергею одна из его старших сестер. И уже тогда обратила внимание: даст ему деньги на обед — а он на книжки истратит все. В библиотеке был частый гость.

Когда начал в школе работать киномехаником, увлекся походами и историей. И опять ему повезло на наставников: директором школы был уже тогда известный краевед Александр Кузьмич Шарц. Торопов поступил на ист- фак, его увлекла тема античного наследия. Жизнь, однако, повернула по-своему, учебу в университе- те завершить не удалось. Многого достиг он прежде всего благода- ря своей целеустремленности.

...Гражданская панихида про- ходила в его втором доме — так можно без всякой натяжки на- звать здание на Малой Ямской, в котором находится станция юных туристов. Торопов любил зани- маться с ребятами, и они любили своего наставника, который не имел никакого звания, но выпол- нил, наверно, не одну норму ма- стера спорта по туризму. Дело не в званиях, говорил он. Дело в призвании. Сергей Афанасьевич занимался тем, что ему нравилось, и в этом весь секрет целеустрем- ленности этого человека.

Его доброта была заразитель- на: у многих представителей раз- ных поколений вкус к краеведе- нию, к поиску появился «с пода- чи» Торопова. С уходом его об- рушился еще один пласт культу- ры. Но парадокс в том, что энер- гия его деятельности неостанови-

ма, значение его дел будет с го- дами возрастать. Как это было с наследием пермских летописцев Смышляева, Шишонко, Дмитрие- ва...

Свое 60-летие он отмечал в кругу единомышленников. Пом- нится, тогда он принес на заседа- ние клуба краеведов свои книги и проспекты. Всего набралось око- ло трех десятков.

Наверное, он слишком часто отвлекался от главных своих за- мыслов. Он был увлекающийся человек, точнее, его поиск был у в- лекающий. После обстоятель- ного расследования им убийства Михаила Романова он получил ряд предложений из центральных изданий, а один заказ поступил даже из Парижа. И Торопов ра- ботал над продолжением этой темы.

Обширны были его творческие планы. Две книги, два замысла Торопова особенно жаль, потому что он готовился к ним всю свою жизнь: это путеводитель под ус- ловным названием «Вдоль мирной границы (Европа — Азия)» и сборник «Легенды и камни реки Чусовой». Книгу легенд краеведу как бы завещал сделать в свое время писатель Алексей Домнин, постоянный спутник Торопова в его странствиях по родному краю. Невыполненным осталось завеща- ние...

С горечью думаешь: что же, пресекалась золотая нить преемст- венности времен? Верится, что найдется, появится тот, кто под- хватит эстафету. И вполне воз-

можно, что это будет ученик Торопова. Один из его последователей и единомышленников, Аркадий Реутов (трагически погибший вскоре после смерти Торопова), говорил:

«Мне казалось, что это человек прошлого. Но, удивительное дело, Сергей Афанасьевич оказался моложе многих из нас, и он был способен пересмотреть некоторые свои прежние взгляды. Ему бы еще дать одну жизнь. Казалось, все основные работы Сергея Афанасьевича еще впереди...»

Хочется привести здесь фрагмент последнего письма С. А. Торопова в редакцию пермской «Вечерки», продолжающего давний и еще не оконченный спор о судьбе Первогорода — Разгуляя.

«Да, в Разгуляе развалюхи — правильно. Но почему? Краеведы города предлагают вариант его возрождения, причем без государственных затрат: расселите людей (кто живет в коммуналках) и не вселяйте туда никого, а отдайте эти дома кооперативам, они все сделают, как надо, ведь уже есть очередь на такие здания, расположенные в центре!

Я один из тех, кто живет в частном доме — не развалюхе! Так как вся моя пенсия и прочие доходы идут на ремонт дома, а не на вино. Да, я ношу воду, да, сортир на улице; проблема топлива возникает каждый год (20 руб. за 1 кубометр дров, и то надо ловить у «алконавтов»). У нас на Висиме тоже есть развалюхи, но это у тех хозяев, кто пьет и «ле-

нивый и бездарь», как пишут в письме в «Вечерку» товарищи С. Приходько и Л. Щеглов. Пройдите по Висиму и сразу по облику дома определите ХОЗЯИНА. Я беседовал со многими жителями Разгуляя, у многих частных домов состояние плохое. Но посмотрите, кто эти люди? Им крыть нечем, когда им об этом говоришь. Ждут, когда государство им ДАСТ.

Я жил в благоустроенном доме, в окружении таких пьяниц, они и тут свои квартиры превращают черт знает во что и ждут, когда им государство все сделает. Разве у вас нет таких соседей? Я сдал государству свое жилье, купил дом (скопил, продал имущество и многое что другое, до сих пор в долгах). Я надеюсь только на себя, живу сейчас в частном доме, и мне нравится, а мне за 60 лет. Зато живу в тишине, а не в «муравейнике».

Я — пермяк коренной, мне стыдно за Разгуляй. Поэтому и есть мечта сделать из Разгуляя КАРТИНКУ старой Перми...»

В этом письме — весь Торопов, который мог быть и кропотливым ученым-аналитиком, и вот таким темпераментным бойцом. Торопов с товарищами бил в колокола: «Еще мгновение — и Пермь будет, как многие бесцветные города; планировка города плохая, архитектура безликая, нет хозяйна, нет архитектора, художника, болеющих за свой город...»

Он готовился написать большую статью о Разгуляе, о том, как жи-

ли здесь люди в XVIII—XIX вв. Он хотел пустить в научный оборот уникальные архивные документы по Первогороду, такие материалы, которые «позволяют гордиться историей города. Разгуляй — это корни и ядро его...»

Собственно, Разгуляй — пример еще одного «отвлечения» Торопова от главной его цели, главных книг: ведь тема-то, казалось бы, не его. Но в таких увлечениях и было, наверно, предназначение краеведа. Кто знает, не завышай так планку требований Торопов со товарищи — скольких достопримечательностей исторический город Пермь еще лишился бы? И лишится? Примеры? Пожалуйста. Публикация Торопова о бывших «королевских номерах», а ныне общезжитии театра оперы и

балета — здании, в котором бывал Маяковский, из которого «скрали» в 1918-м великого князя Михаила Романова и т. д. Статьи, увы, не остановили кооператоров, резво взявшихся за реконструкцию интерьеров гостиницы и почти все порушивших. Но газетные выступления краеведа пригодились позже, когда нужно было поднимать общественность на защиту остатков «былой роскоши», т. е. фрагментов исторических интерьеров, росписей в стиле модерн, облика фасада.

На другом здании, сохраненном с помощью Торопова, — том самом особняке на Малой Ямской, — установлена мемориальная доска в честь краеведа Сергея Афанасьевича Торопова...

В. Ф. ГЛАДЫШЕВ

А. Ф. Старовойтов

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. Д. СМЫШЛЯЕВА

Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828—1893), почетный гражданин губернского города Перми, долгие годы был «сердцем» нашего краеведения. Его библиографический труд «Источники и пособия для изучения Пермского края» по сей день является настольной книгой любого уважающего себя краеведа. Благодаря усилиям Д. Д. Смышляева вышли в свет широко известные издания «Пермский сборник» и «Пермский край», стали систематически печататься краеведческие материалы в «Пермских губернских ведомостях» и «Сборниках Пермского земства». Дмитрий Дмитриевич — один из зачинателей библиотечного дела в Пермской губернии, неутомимый исследователь нашей истории, известный земский деятель. Он был членом многих научных обществ в Петербурге, Казани, Екатеринбурге и Перми. Кроме того, имя Смышляева вписано в историю Русского православного Палестинского общества, демократического движения

на Урале, благотворительной деятельности в Прикамье. Не случайно его друг и соратник по краеведческой работе А. А. Дмитриев написал в одной из своих статей: «В лице Дмитрия Дмитриевича мы лишились благороднейшего человека и согражданина, полвека неустанно служившего верою и правдою своему отечеству и особенно своему родному Пермскому краю. В его лице сошел в могилу... глубоко убежденный ратоборец за все доброе и честное, неизменный друг людей знания, мысли и труда...»

- 1828,
13 марта (?) * — в семье пермского купца Д. Е. Смышляева родился сын Дмитрий.
- 1836,
1 авг. — Смышляев определен в Пермскую гимназию.
- 1842,
14 сент. — во время большого пожара сгорел дом Смышляевых, в огне погибли ценная библиотека и богатая коллекция минералов.
- 1844,
23 июня — Смышляев окончил курс Пермской гимназии.
- 1851 — путешествие по Европе в обществе мартиниста С. А. Маслова ** и профессора Московского университета Н. И. Анненкова (посещение Англии, Шотландии, Германии, Афин, Франции и Константинополя).
- 1853 — поездка на Кавказ с больной матерью и замужней сестрой Ф. Д. Солодовниковой. Знакомство с Марией Николаевной и Львом Николаевичем Толстыми.
- 1853,
25 дек. — смерть матери Аграфены Ивановны в Новочеркасске на пути в Пермь.
- 1856,
20 июля — Смышляев вступил в брак с дочерью советника Пермской казенной палаты Марией Петровной Васильевой.
- 1857,
13 мая — смерть отца, Дмитрия Емельяновича Смышляева. Похоронен под алтарем построенной им церкви Всех Святых на Новом кладбище.
- 1859 — Смышляев издает в Москве на собственные средства первый том «Пермского сборника».
- 1859 — вместе с преподавателем гимназии А. А. Залеским, парохомладельцем Н. И. Ильным и чиновником Е. Н. Пупковым принимает активное

* Это число показано в церковном свидетельстве о его рождении и крещении. Сам Д. Д. считал днем своего рождения 22 февр. 1828 г. Эту же дату указывает племянница Д. Д., Н. Солодовникова, а близкий знакомый Смышляева И. Д. Топорков утверждал, что Д. Д. родился 31 мая 1819 г.

** Массон, последователь широко распространенного в России учения Сен-Мартена, теософа и мистика.

участие в открытии частной библиотеки.

- 1860 — выходит в свет второй том «Пермского сборника». Оба выпуска получили высокую оценку в столице и даже за границей.
- 1860, сент. — Смышляев устраивает первый литературно-музыкальный благотворительный вечер (впоследствии становятся традиционными), средства от которого (450 руб.) составили первый взнос в пользу женской гимназии.
- 1860—1864 — поездки за границу с женой на лечение.
- 1864, 18 окт. — смерть жены, Марии Петровны, в Берлине. Прах ее в 1865 г. предан земле в Перми при Кафедральном соборе.
- 1864—1865, зима — поездки в Святую землю, в Палестину и на Синай.
- 1867 — Смышляев подарил Пермской гимназии свою специальную библиотеку. Это собрание составило особое отделение фундаментальной библиотеки: «Справочная о Пермском крае Д. Д. Смышляева библиотека».
- 1866—1869 — работа в Императорской публичной библиотеке и Академии наук над указателем «Источники и пособия для изучения Пермского края».
- 1870 — И. И. Любимов издает труд Смышляева «Записка к проекту Пермско-Уральской железной дороги» (книга вышла в С.-Петербурге).
- 1870, 21 июля — Смышляев занимает пост первого председателя губернской земской управы. Добивается преобразования Александровской больницы, улучшает народопродовольственное дело губернии, создает земское страхование, учреждает при управе статистическое бюро, открывает земскую ветеринарную школу. Основал и редактировал «Сборник Пермского земства...» (выпущено 34 книги).
- 1876 — в Перми выходит книга Смышляева «Источники и пособия для изучения Пермского края» (первоначально напечатаны в «Пермских губернских ведомостях» за 1871—1874 гг.).
- 1877 — увидела свет книга Смышляева «Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 г.» (книга вышла в Перми и получила высокую оценку И. Аксакова. Средства от ее продажи пошли в пользу черногорцев, павших в борьбе с турками).
- 1878 — в Перми напечатана книга Мунка «География Палестины». Перевод с французского Смышляева.
- 1879 — вышла еще одна книга Мунка в переводе Смышляева — «Еврейские древности».

- 1880—1884 — Смышляев занимает пост управляющего механическим заводом И. И. Любимова. Предлагает строительство первого в России содового завода. Печатает около 40 статей по истории края в «Пермских губернских ведомостях» и «Пермских епархиальных ведомостях».
- 1882 — редактирует неофициальный отдел «Пермских губернских ведомостей» (№ 14—26, 41—50) и первый выпуск «Сборника статей о Пермской губернии». Будучи товарищем председателя губернского статистического комитета, жертвует комитету большое собрание книг о Пермском крае.
- 1885,
7 окт. — — находится в Палестине в качестве уполномоченного русского императорского православного Палестинского общества.
1889,
21 авг.
- 1886,
26 апр. — Блаженнейший Никодим, патриарх Иерусалима и Всея Палестины, жалует Смышляева орденом Гроба Господня.
- 1887 — Палестинское общество избирает его своим почетным членом.
- 1888 — Смышляев награжден орденом св. Владимира 3-й степени.
- 1890,
1 июля — — работает секретарем Пермского губернского статистического комитета. Издает четыре «Адрес-календаря и памятных книжки» на 1891,
1893,
10 окт. 1892, 1893 и 1894 гг., два тома сборника «Пермский край» и «Систематический каталог библиотеки губернского статистического комитета».
- 1891 — в Перми выходит книга Смышляева «Сборник статей о Пермской губернии».
- 1892,
24 июня — Смышляев пишет свое духовное завещание.
- 1893,
20 февр. — Уральское общество любителей естествознания избирает Смышляева своим почетным членом*.
- 1893 г.,
15 нояб. — Скончался в Перми от паралича сердца. Погребен 17 ноября в склепе под сводами Новокладбищенской Всесвятской церкви, рядом с отцом.

* Кроме названных обществ, Д. Д. Смышляев состоял еще членом следующих: императорского Русского археологического, императорского Московского сельского хозяйства и состоящих при нем комитетов акклиматизации и лесоводства, общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Пермской ученой архивной комиссии, Казанского экономического общества, общества врачей Казани, почетным членом попечительства о недостаточных студентах Демидовского юридического лицея в Ярославле и т. п.

ХРОНОГРАФ*Краеведческая жизнь. 1990—1992***1990**

19 марта. Состоялась учредительная конференция областного общества «Краевед Прикамья».

Учредителями общества стали Пермский фонд культуры облизполкома и областная организация ВООПИК. Краеведы обсудили и приняли устав своего общества. Первым председателем был избран на альтернативной основе С. А. Торопов.

15 мая. На большом краеведческом тематическом вечере «Благотворительство в Перми», подготовленном областной организацией ВООПИК и городским клубом краеведов, были развернуты выставки из частных коллекций, состоялись выступления краеведов, звучала музыка. Собранные средства пошли на восстановление Успенской церкви на Егошихинском кладбище в Перми.

5—6 июня. Первая городская научно-практическая конференция по проблемам градостроительства и архитектуры г. Перми обсуждала вопросы сохранения и благоустройства исторического центра города.

20—24 нояб. В общественно-политическом центре проходила научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Пермского областного краеведческого музея «Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе». Обсуждались перспективы развития музейного дела в Пермской области, роль Пермского краеведческого музея в изучении и пропаганде истории края. В конференции приняли участие музейные работники многих городов России, зарубежные гости.

12—13 дек. В областной библиотеке им. М. Горького прошли чтения, посвященные Д. Д. Смышляеву, выдающемуся уральскому краеведу, основоположнику библиографии Пермского края. Участие в них приняли библиотекари, преподаватели вузов, руководители краеведческих кружков, журналисты. Приезжали гости из Свердловска, Челябинска, Уфы, Ижевска, Оренбурга, Магнитогорска и Ленинграда.

Смышляевские чтения отныне решено проводить регулярно. В 1992 г. они посвящены 200-летию пермской книги.

1991

26—27 марта. Состоялась научно-практическая конференция учителей области, занимающихся краеведческой работой с детьми. Организовал конференцию институт усовершенствования учителей. Краеведы города передали свои знания учителям.

21 июня. В областном партийном архиве состоялась научно-практическая конференция, посвященная 50-летию начала Великой Отечественной войны, в которой приняли участие архивисты, историки, музейные работники города. Библиотека им. М. Горького подготовила выставку «Пермская книга 1941—1945 гг.».

1992

29 янв. Состоялось юбилейное заседание городского клуба краеведов, посвященное 10-летию его существования.

4—6 февр. В Перми проходила всероссийская научно-практическая конференция «500 лет рода Строгановых, меценатов искусств». В конференции приняли участие ученые-историки, искусствоведы, архивисты, библиотекари, краеведы из Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Сольвычегодска и других городов России. Шла речь о вкладе разных поколений Строгановых в культуру, в духовное и нравственное обогащение народа. Художественная галерея подготовила выставку, на которой были представлены уникальные экспонаты из собрания Эрмитажа, Российской Академии художеств, Русского музея, Центрального государственного архива древних актов, музея им. А. С. Пушкина. Отдельный зал заняли авторские работы замечательного русского архитектора А. Н. Воронихина, уроженца Усолья, бывшего крепостного Строгановых.

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ КРАВЕДА

Пермский край: Краевед. сб. — 90 / Сост. С. Ф. Николаев. — Пермь: Кн. изд-во, 1990. — 203 с.

Книга открывает новую серию краеведческих сборников Пермского книжного издательства. Содержит статьи по истории, культуре, литературе, развитию народного хозяйства нашего края. Публикуются новые архивные документы, летопись важнейших событий.

История Урала с древнейших времен до 1861 года. — М.: Наука, 1989. — 608 с., ил.

Серьезный научный труд для историков и археологов тем не менее будет интересен и краоведам. В книге исследуется заселение и освоение Урала, развитие горнозаводской промышленности, культура и быт населения Урала в период феодализма. Имеется богатый справочный материал: библиография, хронология, указатель металлургических заводов Урала XVII — первой половины XIX в., состав округов Уральских горных заводов накануне отмены крепостного права, указатели имен и географических названий.

Рассказы об уральской истории с древнейших времен до конца XIX века: Хрестоматия для 8—9 классов средней школы. — Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1990. — 288 с.

Хрестоматия содержит отрывки из известных и неизвестных художественных и научно-популярных произведений и покажется увлекательным чтением не только учащимся, но и учителям, краоведам, всем, кого интересует история края. Достаточно перечислить разделы книги: «Строгановы и Ермак», «Демидовы», «Командир горных заводов (о Татищеве)», «Из жизни первооткрывателя уральского золота» и др.

Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы: Очерки по истории открытия и изучения природы Урала. — 3-е изд., перераб. — Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1990. — 224 с., ил. + 32 с. вкл.

Уральские горы не всегда занимали на карте привычное нам место, протянувшись с севера на юг по границе между Европой и Азией. Они носили когда-то название Гиперборейских и Рифейских и казались совершенно недоступными...

Книга не случайно выдерживает уже третье издание, приобретая все новых и новых читателей.

Торопов С. А. Пермь: Путеводитель. — Пермь: Кн. изд-во, 1986. — 160 с.

Путеводители по Перми издаются регулярно, хотя и не таким большим тиражом, как хотелось бы. Это — последний из существующих на сегодняшний день. Прекрасный, эмоционально написанный, богато иллюстрированный путеводитель-справочник познакомит с городом, поможет ориентироваться в нем, даст нужный совет.

Харитонова Е. Д., Серова С. В. Пермский областной краеведческий музей: Ист. очерки. — Пермь: Кн. изд-во, 1990. — 135 с.

История создания и деятельности Пермского областного краеведческого музея — это история развития культурной жизни нашего края. Поэтому книга будет интересна широкому кругу читателей. Сборник исторических очерков по истории музея приурочен к 100-летию его образования.

На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северо-уральского крестьянства XVII—XX вв. — М.: Наука, 1989. — 352 с.

Читательский адрес книги — историки, этнографы, филологи, лингвисты, философы. Но доступный, образный язык делает ее ин-

тересной широкому кругу читателей, в первую очередь краеведам

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVIII века. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 168 с.

В монографии подробно исследуются процесс проникновения русского населения на Урал и начало массового заселения уральских земель, роль Строгановых и Ермака, история возникновения городов и крестьянских хозяйств. Монография рассчитана на преподавателей вузов, студентов, учителей истории и краеведов.

Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: Этнические традиции материальной жизни. — Пермь: Изд-во Томского ун-та, Перм. отд-ние, 1991. — 112 с.

Это учебное пособие адресовано студентам, изучающим этнографию Среднего Урала, но представляет интерес для самого широкого круга читателей — историков, музейных работников и, прежде всего, краеведов. Жилище, одежда, питание, утварь — впервые материал по этим важнейшим сторонам культуры и быта уральского крестьянства собран воедино и систематизирован. Пособие иллюстрировано, сопровождается библиографией.

Летописцы родного края: Очерки об исследователях истории Урала. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. — 181 с.

Очерки рассказывают о жизни и деятельности наиболее известных исследователей истории Урала. Пермским краеведам будут особенно интересны биографии Н. К. Чупина, Д. Д. Смышляева, В. А. Весновского, П. П. Бажова. К сожалению, до настоящего времени нет подобного сборника, посвященного исследователям нашего Пермского края.

Алексеев В. А., Иванихин В. В. Там, где сходятся реки и судьбы: Страницы истории г. Осы. — Пермь: Кн. изд-во, 1991. — 254 с.

Городу Осе — 400 лет. Пожалуй, большинству читателей этот небольшой городок на Каме известен прежде всего в связи с событиями пугачевского восстания в 1773—1774 гг. Но история его богата и интересна. Примечателен облик старинного города с его многочисленными чудом сохранившимися памятниками архитектуры. Авторы — педагоги по образованию и краеведы по призванию — поставили задачу разбудить в читателе память о прошлом, заставить его по-новому взглянуть на свой город.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки: Географические названия и фамилии Пермского края. — Пермь: Кн. изд-во, 1991. — 272 с.

Справочник с таким веселым названием открывает новую серию Пермского книжного издательства «Кто мы? Откуда мы? Где наши корни?» Книжка адресована подросткам. Здесь собраны названия деревень, сел, городов, рек, озер, гор, пещер, перечислены наиболее характерные пермские фамилии. Можно отыскать свою фамилию и узнать, откуда ты родом. Но не менее интересной покажется книга и взрослым. И уж совсем не обойтись без нее краеведам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ УЛИЦЫ ГОРОДА

Улицы, идущие перпендикулярно Каме

<i>Старое название</i>	<i>Современное название</i>
Чердынская	Клименко
Верхотурская	Островского
Соликамская	Горького
Обвинская *	25 Октября
Сибирская *	К. Маркса
Оханская	Газеты «Звезда»
Кунгурская	Комсомольский проспект
Красноуфимская	Куйбышева
Осинская	(Жданова) Осинская
Далматовская	Попова
Екатеринбургская	Свердловская
Шадринская	Борчанинова
Ирбитская	Матросова
Камышловская	Крисанова
Ермаковская *	Решетникова
Биармская	Плеханова
Брюхановская *	Толмачева
Дальняя	Хохрякова

Улицы, идущие параллельно Каме

Набережная	Окулова
Монастырская	Орджоникидзе
Торговая *	Советская
Петропавловская *	Коммунистическая
Покровская *	Ленина
Пермская	Кирова
Екатерининская	Большевицкая
Вознесенская *	Луначарского
Большая Ямская	Пушкина
Малая Ямская	Малая Ямская (не переименована)
Садовая	Революции
Ильинская	Швецова
Спасская *	Тимирязева

* Улицы, помеченные звездочкой, переименованы решением Пермского уездно-городского исполкома от 28 июля 1920 г. (Звезда. — 1920. — 13 авг.).

Старое название
Солдатская *
Мещанская *
Загородная 1-я *
Загородная 2-я *

Современное название
1-я Красноармейская
Пролетарская
Белинского
Чернышевского

Составил Л. С. К а ш и х и н

ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД ПЕРМЬ *

Географическое положение города Перми

Губернский город Пермь находится под $58^{\circ}1''$ северной широты и $73^{\circ}56''$ восточной долготы от первого меридиана. Городское селение расположено на северо-западном склоне левого, возвышенного берега реки Камы, между речками Ягошихой — на северо-западе и Данилихой — на юго-востоке.

Площади, улицы и сады

В пределах города находится:

Площадей — 10: Петропавловского собора, Заводская с Ильинским рынком, Тюремного замка, Главная с гостинным двором и театром, Плац-парад пред Кафедральным собором, Воскресенской церкви, Торговая с Черным рынком, Ямская с Сенным рынком и толкучкой, Слудская и Приходская.

Улиц — 28.

Общественных садов — 5: Набережный («Козий загон»), Театральный сквер, Благородного собрания, губернского земства и общественного собрания (летнее помещение купеческого клуба).

Бульваров — 2: Проспект (Кунгурская улица) и Загородный, идущий по бывшему тракту от Сибирской до Казанской заставы.

Памятники

Общественных памятников — 2: храм Воскресения Христова — в память освобождения крестьян от крепостной зависимости; находится на Воскресенской площади. Часовня Св. Стефана Великопермского — в память 500-летия выхода на проповедь св. Стефана в Пермскую землю; находится на углу Торговой и Кунгурской улиц.

Монументов, кроме надгробных, находящихся на кладбищах и в ограде Кафедрального собора, нет.

Водопроводов и городских фонтанов также нет.

Телефонное сообщение устроено между домом губернатора и полицейскими частями и на фабрике гг. Тупицыных.

Город освещается керосиновыми лампами.

* Вологдин П. Губернский город Пермь: краткая статист.-ист. справк. — Пермь, 1887.

Административное деление города

Город разделяется на 2 части, 8 полицейских околотков, 3 судбно-мировых участка и 5 пожарных участков.

Городское самоуправление. Состав Думы

Пермская городская Дума состоит из 72 гласных, председателя, городского головы и секретаря. Гласные, избранные на четырехлетие с 1 января 1887 г. по 1 января 1891 г., по сословиям суть:

Ученых сословий — врачей, инженер-механиков и др.	— 6
Священников	— 2
Чиновников	— 22
Потомственных почетных граждан	— 3
Купцов 1-й гильдии	— 7
Купцов 2-й гильдии	— 20
Мещан	— 11
Сельских обывателей	— 1

Итого — 72

Время постройки городских зданий

Главнейшие здания города Перми с основажия его до наших дней возводились в следующем хронологическом порядке:

а) церкви

Петропавловский собор 1757 г.

Как видно из даты, Петропавловский собор построен до открытия г. Перми, в Ягошихинском заводе. В этом заводе была первоначально построена деревянная церковь во имя апостолов Петра и Павла, в честь тезоименитства Петра I, которая освящена в 1726 г., в 1781 г. церковь переименована в собор. В 1782 г. императрицей Екатериною пожертвованы облачения, которые хранятся донныне.

Старокладбищенская деревянная 1784 г.

Существует до настоящего времени без изменения наружного вида. Архитектура напоминает деревянную же церковь Успенскую в Гефсиманском скиту, близ Троице-Сергиевской лавры, резиденции московских митрополитов.

Богородицкая 1789 г.

Храм воздвигнут особым усердием городского головы Лапина. Здесь находится особо чтимая икона Святителя Николая.

Кафедральный собор зимний 1793 г.

Здесь достоин внимания иконостас из сибирских и уральских мраморов, назначавшийся, по преданию, для С.-Петербургского Казанского собора.

Кафедральный собор летний 1798 г.

Материалы для построения взяты от упраздненного храма Пыскорского монастыря. Весь оригинальный иконостас перенесен из означенного храма без изменения, только реставрированный. Замечательные царские врата с барельефами 4 московских святителей почти в рост. В этом соборе хранятся: посох Стефана Великопермского, крест из раухтопаза в память освобождения крестьян от кре-

постной зависимости и знамена ополчения 1855 г.; колокольня собора окончена в 1832 г.

Семинарская домовая 1829 г.
Помещается в корпусе духовной семинарии.

Тюремная 1829 г.
Впоследствии тюремная церковь перестроена.

Новокладбищенская 1832 г.
Церковь эта построена усердием городского головы Д. Е. Смышляева.

Больничная Александровская 1833 г.
Как церковь, так и самая больница построены и наименованы в память пребывания в Перми государя императора Александра I 30 сентября 1824 г.

Единоверческая 1834 г.
Главный жертвователь и строитель купец Николай Кондратьевич Крылов.

Слудская Троицкая 1845 г.
Церковь сооружалась при содействии трудами и пожертвованиями купцов Шавкуновых.

Гимназическая домовая 1862 г.
Находится при пансионе гимназии. К сооружению церкви большое усердие прилагал бывший директор и затем почетный попечитель гимназии И. Ф. Градинский.

Воскресенская 1869 г.
Храм этот построен в память освобождения крестьян от крепостной зависимости, на добровольные пожертвования бывших крепостных людей всей губернии. Закладка храма совершена высокопреосвященным Неофитом 30 августа 1863 г., а освящение — 1 октября 1869 г. преосвященным Антонием. Ко дню освящения храма собраны были старшины волостей, жертвовавших на сооружение его.

Пересыльного замка 1871 г.
Церковь устроена по мысли губернатора Андреевского.

Женский монастырь 1881 г.
Городское место под монастырь уступлено Думою 23 января 1874 г., план выдан 4 сентября 1875 г., и земля отведена 27 октября того же года. Монастырь устроился стараниями и усердием купцов Каменских.

Богадельня 1885 г.
Приговор городского общества об учреждении богадельни состоялся 10 октября 1868 г. Деревянная церковь была устроена при ней в 1879 г., а в 1885 г. — нынешняя каменная.

б) главнейшие городские здания

Архиерейский дом 1800 г.
Постройка начата одновременно с учреждением Пермской епархии. Перестраивался неоднократно.

- Гостиный двор** 1800 г.
Первый гостиный двор был на месте нынешних мастерских железной дороги до 1802 г.; новый, существующий гостиный двор построен старанием купца Жмаева.
- Дом духовной семинарии** 1829 г.
Семинария, открытая 11 ноября 1800 г., помещалась в деревянном доме Медведева, стоявшем у р. Медведки, где ныне Кашинские бани. Около 1818 г. семинария была переведена в четыре дома Голицына, бывших на площадке, где ныне духовная консистория.
- Дом губернского земства** 1829 г.
До открытия земства здесь помещалось училище детей канцелярских служителей.
- Александровская больница**
С переходом больницы в земство с 1870 г. здания радикально отремонтированы и перестроены. До 1861 г. больница называлась военным госпиталем.
- Губернаторский дом** 1842 г.
Дом построен раньше, с означенного же года после перестройки поступил в казну. Принадлежал до 1842 г. чиновнику Прянишникову. Первый губернаторский дом, сгоревший в 1842 г., построенный в 1780 г., находился на площади Петропавловского собора, где ныне солдатские мастерские.
- Губернское правление**
Также построено раньше и принадлежало до пожара вице-губернатору Розингу, а в 1842 г. перестроено, и с этого времени в нем помещаются губернское правление, типография и редакция «Пермских губернских ведомостей».
- Дом городского общества (Дума)** 1842 г.
В означенном году дом этот перешел из частных рук к городу; построен же он, вероятно, в начале столетия купцом Жмаевым, предком Дягилевых, у которых и состоял во владении до большого пожара 1842 г. Городская Дума до 1842 г. помещалась в доме, где теперь управление воинского начальника, у Петропавловского собора. Это старое здание построено в 1781 г.
- Дом мужской гимназии** 1852 г.
Гимназия первоначально помещалась в доме, построенном в 1795 г. на том же месте, где находится гимназия и ныне. Дом этот сгорел в 1842 г.
- Дом пансиона гимназии** 1862 г.
Дом этот соединен с главным корпусом гимназии. Построен большей частью на добровольные пожертвования, собранные И. Ф. Грацинским.
- Городской театр** 1874 г.
Заложен 27 февраля 1874 г. Постройка окончена 1 февраля 1880 г. До постройки существующего театра на этом месте был деревянный балаган, который также назывался театром.

Женская Марининская гимназия 1884 г.

Закладка здания гимназии совершена 24 июня 1884 г. по проекту архитектора г. Ирбита академика Юлия Осиповича Дютель.

Дальнейшую судьбу культовых построек можно проследить по таблице, составленной краеведами Е. А. Спешиловой и Л. В. Перескоковым (с. 214—222).

ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Учреждение:

Пермского наместничества	29 янв. 1781 г.
Первого народного училища	22 окт. 1786 г.
Пермского Преображенского монастыря	1793 г.
Губернии (переименование из наместничества)	1797 г.
Епархии Пермской и Екатеринбургской	1799 г.
Духовной семинарии	11 нояб. 1800 г.
Пермского горного правления *	1807 г.
Первых пароходов (Всеволожского)	1819 г.
Канцелярского училища	21 апр. 1829 г.
Удельной конторы	1830 г.
Правильного пароходства	1858 г.
Телеграфа	1861 г.
Мариинского банка	1862 г.
Городской общественной библиотеки	1863 г.
Нищенского приюта	1866 г.
Земства	1870 г.
Общественной богадельни	1871 г.
Миссионерского общества	23 нояб. 1873 г.
Окружного суда	1874 г.
Реального училища	1876 г.
Железной Уральской горнозаводской дороги	1878 г.

●
* Переведено в Екатеринбург в 1831 г.

КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ СТАРОЙ ПЕРМИ

Название	Год постройки; материал; автор проекта	Место располо- жения (указаны современные на- звания улиц)	Сохранность, современное использование
Церкви и соборы			
Церковь Петра и Павла	1724—1726; дерево	Устье р. Егошихи	Разобрана в 60-е годы XVIII в. в связи со строительством каменного здания церкви
Градо-Пермский Петропавловский собор (до 1781 г. — церковь Петра и Павла)	1757—1764; камень	*	Сохранился частично: разобрана колокольня, перестроена трапезная, утрачено внутреннее убранство. Передан епархии. Ведутся реставрационные работы
Придельный храм св. Екатерины	1762; камень	При Петропавловском соборе	
Успенская (Успения Пресвятой Богородицы) церковь. До 1832 г. называлась церковью во имя Всех Святых	1784; дерево; Л. Паульсен. Перестроена по проекту М. Г. Сведомского (1840)	Егошихинское (старое) кладбище	Разобрана в начале XX в. по ветхости и в связи со строительством каменной церкви
Рождество-Богородицкая церковь (по главному приделу Рождества Богородицы). До 1816 г. именовалась церковью Владимирской Богородицы	1789 г. — одноэтажный храм, позднее расширялся; камень; П. Т. Васильев (?) (школа М. Ф. Казакова)	Ленина, 48	Сохранилась частично: разобрана колокольня, снят купол, утрачено внутреннее убранство. Ныне главный корпус фарминститута

Название	Год постройки; материал; автор проекта	Место располо- жения (указаны современные на- звания улиц)	Сохранность, современное использование
Крестово-Митрофановская церковь при архиерейском доме	Заложена в 1793 г.; камень; П. Т. Васильев (?). Реконструирова- лась в 1858 г.	Комсомольский проспект, 6	Здание претерпело внутреннее пере- устройство. Ныне областной крае- ведческий музей
Спасо-Преображенский кафедраль- ный собор (до 1799 г. — Пермский Спасо-Преображенский мужской монастырь)	Заложен в 1798 г.; 1819 г. — летний храм; 1820 г. — зимний храм; 1832 г. — колокольня; ка- мень; П. Т. Васильев, Ф. М. Росляков, Л. Руска, И. И. Связев; реконструкция: Г. П. Летучий (1852), А. Б. Тур- чевич (1901)	Комсомольский проспект, 2	Здание сохранилось, внутреннее пространство перестраивалось (1931; 1957—1958). Ныне Пермская госу- дарственная художественная гале- рея
Богородице-Скорбященская цер- ковь при тюремном замке (церковь во имя Божьей Матери Всех скор- бящих радости)	1829; дерево	Разгуляй, тюрем- ный замок	Разобрана при строительстве камен- ного здания церкви

Название	Год постройки; материал; автор проекта
Единоверческая церковь	1831; дерево
Церковь Александра Невского при Александровской больнице	1833; дерево; И. И. Свиязев
Всесвятская церковь (церковь во имя Всех Святых)	1826—1832; камень; И. И. Свиязев. В конце XIX в. перестроена колокольня
Свято-Троицкая единоверческая церковь	Заложена в 1834 г.; камень; И. И. Свиязев
Свято-Троицкая Слудская церковь	1845—1849; камень
Иоанно-Богословская церковь при духовной семинарии	1851—1853; камень
Лютеранская кирха	1861—1864; камень; Р. О. Карвовский
Церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы при мужской гимназии	1862

Место расположения (указаны современные названия улиц)	Сохранность, современное использование
Угол Ленина и Газеты «Звезда» Пушкина, 85	Сгорела при пожаре (1842) Полностью перестроена. Ныне один из корпусов областной больницы
Егошихинское (новое) кладбище	Ныне действующая церковь
Сенной рынок (ныне здесь главный корпус политехнического института)	Снесена в 30-е годы XX в.
Слудская гора	Сохранилась в несколько измененном виде. Ныне действующая церковь
Комсомольский проспект, 1	Комплекс зданий семинарии полностью перестроен в советское время
Угол Горького и Большевистской	Перестроено внутреннее пространство, изменен интерьер. Ныне Дом актера
Коммунистическая, 26	Здание перестроено. Ныне один из корпусов мединститута

Название	Год постройки; материал; автор проекта
Воскресенская церковь (церковь во имя Воскресения Христова и св. благоверного князя Александра Невского)	1863—1869; камень; Г. П. Летучий
Костел (римско-католическая церковь во имя Пресвятой Богородицы)	1873—1875; камень; Г. А. Боссе
Церковь в честь Казанской иконы Божьей Матери	1873; дерево
Церковь во имя св. Николая Мирликийского при Пермском пересыльном арестантском отделе	1872—1874; камень; В. В. Попатенко
Успенский храм (главный храм Успенского женского монастыря)	1878—1879; камень
Богородице-Скорбященская церковь при тюремном замке (церковь во имя Божьей Матери Всех скорбящих радости)	1878; камень; В. В. Попатенко (?)
Симеоновская церковь при богадельне	1879; дерево

Место расположения (указаны современные названия улиц)	Сохранность, современное использование
Вознесенская площадь (пересечение Луначарского и 25 Октября)	Снесена в 30-е годы XX в.
Угол Горького и Пушкина	Перестроено внутреннее пространство, изменен интерьер. Ныне клуб ВОГ
В комплексе Успенского женского монастыря	В начале XX в. заменена каменным зданием
По Сибирскому тракту	Ликвидирована в связи с полной реконструкцией здания пересыльной тюрьмы. Ныне здание театра кукол
На возвышенности правого берега р. Данилихи	Снесен в 30-е годы XX в.
Тюрьма в Разгуляе	Не сохранилась. Здание капитально перестроено
Пушкина, 83	Разобрана с появлением каменного здания богадельни

Название	Год постройки; материал; автор проекта
Симеоновская церковь при богадельне (церковь во имя праведника Симеона Верхотурского Чудотворца)	1884; камень; В. В. Попатенко (?)
Домовая церковь при Марининской женской гимназии во имя преподобной Ксении	1884—1887; камень; Ю. О. Дютель
Церковь во имя св. Кирилла и Мефодия в здании духовного училища	1887; камень
Церковь во имя св. жен-мироносиц при Успенском женском монастыре	1887; дерево
Церковь во имя равноапостольной Марии Магдалины при нищенском приюте	1889—1892; камень; А. Б. Турчевич
Церковь во имя св. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви в епархиальном женском училище	1893—1896; камень; А. Б. Турчевич
Княже-Михайловская церковь при училище для слепых (церковь во имя князя Михаила Черниговского)	1893—1896; камень

Место расположения (указаны современные названия улиц)

Сохранность, современное использование

Пушкина, 83

Здание претерпело внутреннее переустройство. Ныне областной центр здоровья

25 Октября, 12

Сохранилась в измененном виде. Ныне в здании гимназии — Пермский сельхозинститут

Газеты
«Звезда», 18

Перестроено внутреннее пространство. Ныне в здании училища институт искусств и культуры

В комплексе
Успенского
женского
монастыря

Не сохранилась

Ленина, 11

Здание сохранилось в измененном виде. Ныне принадлежит Пермскому научному центру Уральского отделения АН СССР

Коммунистическая, 18

Здание капитально перестроено. Ныне хореографическое училище

К. Маркса, 80

Здание сохранилось в измененном виде. Ныне школа № 22

Название	Год постройки; материал; автор проекта
Николаевская церковь при Мариинской женской гимназии (церковь во имя св. Николая Мирликийского и св. мученицы царицы Александры)	1895—1897; камень; Ю. О. Дютель
Церковь во имя Николая Мирликийского Чудотворца на Слудке	1895; дерево
Мусульманская мечеть	1902—1903; камень; А. И. Ожегов
Синагога (иудейский молитвенный дом)	1903; камень
Успенская церковь при приюте душевнобольных	1903
Синагога (иудейский молитвенный дом)	Конец XIX — начало XX в.; дерево (?)
Церковь во имя св. Иоанна Златоуста на Белогорском подворье	1903; дерево
Церковь в честь Казанской иконы Божьей Матери при Успенском женском монастыре	1905—1908; камень; оформление по проекту

Место расположения (указаны современные названия улиц)	Сохранность, современное использование
25 Октября, 12	Сохранилась в измененном виде: снесены колокольня и главы, перестроено внутреннее пространство. Ныне одно из помещений сельхозинститута
Толмачева, (?)	Сгорела в 30-х годах XX в.
Осинская, 5	Здание сохранилось. В 1990 г. возвращено мусульманской общине
Большевицкая, 116	Здание претерпело внутреннее переустройство. Ныне институт Пермского научного центра Уральского отделения АН СССР
Революции, 56	Не сохранилась
Комсомольский проспект, 33	Снесена при реконструкции Комсомольского проспекта
На Слудской горе	Не сохранилась
В комплексе Успенского женского монастыря	Здание сохранилось. Проведена реставрация. Ныне одно из помещений Пермского краеведческого музея

Название	Год постройки; материал; автор проекта
<p>Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Успенская церковь)</p> <p>Градо-Пермская Вознесенская церковь во имя св. Феодосия Черниговского (Феодосиевская церковь; по некоторым источникам — Вознесенская)</p>	<p>Н. К. Рериха, В. М. Васнецова (?)</p> <p>1905; камень; А. И. Ожегов</p> <p>1903—1910; камень; А. И. Ожегов</p>
<p>Часовня во имя Христа Спасителя</p> <p>Часовня во имя Николая Чудотворца в память Отечественной войны 1812 г.</p> <p>Часовня при Свято-Троицкой Слудской церкви</p>	<p>Ч а с</p> <p>До 1723 г.</p> <p>Первая половина XIX в.</p> <p>1845—1849</p>

Место расположения (указаны современные названия улиц)

Сохранность, современное использование

Егошихинское (старое) кладбище

Сохранилась в полуразрушенном состоянии. В 1990 г. передана общине верующих русской православной церкви. Ведутся реставрационные работы

Угол Большевистской и Борчанинова

Сохранилась в несколько измененном виде. Ведутся реставрационные работы

о в н и

В устье р. Егошихи

Не сохранилась

Внутри Гостиного двора (ныне территория Театрального сквера)

Не сохранилась

Слудская гора

Не сохранилась

Название	Год постройки; материал; автор проекта
Часовня во имя пророка Ильи	1874
Часовня во имя Христа Спасителя	1878
Часовня при Петропавловском со- боре	1878; дерево
Часовня во имя Стефана Велико- пермского	1882—1887; камень
Часовня во имя пророка Ильи и св. Николая Чудотворца	1897; камень
Часовня в честь Иверской иконы Божьей Матери при Белогорском подворье	1912; дерево
Прочие культовые п	
Деревянное распятие Иисуса Христа при часовне	До 1723 г.

Место расположения (указаны современные названия улиц)	Сохранность, современное использование
По Сибирскому тракту	Не сохранилась
На берегу р. Камы (около ж.-д. вокзала Пермь I)	Не сохранилась
Возле Петропавловского собора	Не сохранилась
Угол Комсомольского проспекта и Коммунистической	Здание претерпело внутреннее переустройство. Ныне детский сад № 72
Черный рынок (ныне площадь Уральских добровольцев)	Не сохранилась
На Слудской горе в западной части города	Не сохранилась
о с т р о й к и и с о о р у ж е н и я	
На площади рынка у Петропавловского собора	Не сохранилось; убрано при ликвидации рынка

Название	Год постройки; материал; автор проекта	Место расположения (указаны современные названия улиц)	Сохранность, современное использование
Архиерейский дом (комплекс Пермского Спасо-Преображенского мужского монастыря) \	1793—1800; камень; П. Т. Васильев (?)	Комсомольский проспект, 6	Ныне областной краеведческий музей
Консistorия	40-е годы XIX в.; перестроено в 60—70-е годы XIX в.	Газеты «Звезда», 2	В здании проведена внутренняя перепланировка. Ныне городской врачебно-физкультурный диспансер.
Успенский женский монастырь	70-е годы XIX в.	На возвышенности правого берега р. Данилихи	Снесен в 30-е годы XX в.
Белогорское подворье	Начало XX в.	Слудская гора (Коммунистическая, 94—100)	Не сохранилось
Подворье Обвинского (Верх-Язьвинского) женского монастыря	1909; дерево	Комсомольский проспект, 13	Сохранилось частично

Примечания. В свод не вошли культовые постройки пригородов Перми, присоединенных к городу уже в советское время, учебные духовные заведения, а также многочисленные хозяйственные и жилые постройки, находившиеся в собственности церкви. Не указаны домовые церкви, существовавшие в некоторых богатых частных жилых домах, и часовни над захоронениями именитых и состоятельных горожан.

Таблица составлена Е. А. Спешиловой и Л. В. Перескоковым.

ПЕРМСКИЕ НАМЕСТНИКИ

1. Кашкин Евгений Петрович	1781—1788
2. Волков Алексей Андреевич	1788+1796*

ГУБЕРНАТОРЫ

1. Ламб Иван Варфоломеевич	1781—1782
2. Колтовский Илья Васильевич	1782+1796
3. Модерах Карл Федорович	1796—1811
4. Гермес Богдан Иванович	1811—1818
5. Криденер Антон Карлович	1818—1823
6. Тюфяев Кирилл Яковлевич	1823—1831
7. Селастенник Гавриил Корнилович	1831—1837
8. Огарев Илья Иванович	1837—1854
9. Клушин Павел Николаевич	1854—1855
10. Замятнин Петр Александрович	1855—1857
11. Огарев Константин Ильич	1857—1860
12. Лашкарев Александр Григорьевич	1860—1865
13. Струве Бергардт Васильевич	1865—1870
14. Андреевский Николай Ефимович	1870—1878
15. Енакиев Валериан Александрович	1878+1882
16. Анастасьев Александр Константинович	1882—1885
17. Лукошков Василий Викторович	1885—1892
18. Погодин Петр Григорьевич	1892—1897
19. Арсеньев Димитрий Гаврилович	1897—1902
20. Наумов Александр Петрович	1902—1905
21. Болотов Александр Владимирович	1905—1909
22. Лопухин Виктор Александрович	1910—1911
23. Кошко Иван Францевич	1911—1917

ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ

Попов Михаил Абрамович	1781—1784
Быков Федор Ефимович	1781—1784
Лапин Василий Герасимович	1784—1790
Попов Петр Абрамович	1790—1793
Попов Михаил Абрамович (вторично)	1793—1796
Коршунов Иван Николаевич	1796—1799
Пономарев Антон Трофимович	1799—1802
Жмаев Иван Романович	1802—1805
Попов Петр Абрамович (вторично)	1805+1807
Быков Федор Ефимович (вторично)	1807—1808

* Знак + обозначает, что губернатор скончался в указанном году, пребывая в должности.

Пономарев Антон Трофимович (вторично)	1808—1809
Силин Исидор Семенович	1809—1811
Белых Григорий Данилович	в 1811
Дружинин Денис Сергеевич	1811—1814
Силин Исидор Семенович (вторично)	1814—1817
Дружинин Денис Сергеевич (вторично)	1817—1820
Силин Исидор Семенович (в 3-й раз)	1820—1823
Смышляев Дмитрий Емельянович	1823—1826
Шавкунов Прокопий Андреевич	1826—1829
Ломтев Петр Петрович	1829—1834
Любимов Иван Филиппович	1835—1838
Шавкунов Егор Иванович	1839—1841
Тиханов Яков	1842—1843
Любимов Иван Филиппович (вторично)	1844—1853
Шавкунов Петр Егорович	1854—1855
Грачев Ефим	1856—1858
Любимов Иван Филиппович (в 3-й раз)	1859—1865
Колпаков Егор Александрович	1866—1867
Каменский Федор Козьмич	1868—1869
Любимов Иван Иванович	1870—1874
Костарев Николай Григорьевич	1875—1876
Любимов Иван Иванович (вторично)	1877—1878
Любимов Михаил Иванович	1879—1881
Шавкунов Петр Егорович (вторично)	1881—1885
Сигов Петр Ерофеевич	1885—1890
Суслин Иван Николаевич	1891—1893
Синакевич Александр Васильевич	1893—1898
Суслин Иван Николаевич (вторично)	1898—1905
Рябинин Павел Александрович	1905—1916

Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статист. очерк. — Пермь, 1913. — С. 200—203.

Об авторах этой книги

*Аверина
Нина
Федоровна*

Преподаватель Пермского института культуры. Занимается изучением истории книгоиздательства в Перми. Результатом ее многолетней исследовательской работы в этой области стала «История пермской книги», вышедшая в Перми в 1989 г.

*Аленчикова
Наталья
Дмитриевна*

По образованию историк. Много лет работала в государственном архиве Пермской области. Углубленно занималась историей революционного движения в крае.

*Базилевич
Ольга
Григорьевна*

Сотрудник Пермской областной библиотеки им. М. Горького.

*Гладышев
Владимир
Федорович*

Член Союза журналистов СССР, корреспондент газеты «Пермские новости».

*Злобина
Татьяна
Павловна*

Сотрудник государственного архива Пермской области.

*Кашихин
Леон
Сергеевич*

Искусствовед Пермской научно-реставрационной мастерской, по образованию историк-архивист. Его краеведческие интересы связаны с историей Перми в XVIII — первой половине XIX в. Располагает хорошей личной библиотекой краеведческой литературы и справочным аппаратом.

**Коровин
Аркадий
Федорович**

Заслуженный работник культуры РСФСР, старейший краевед Урала, автор многих краеведческих публикаций. Живет в Белооярском районе Свердловской области.

**Красноперов
Дмитрий
Архипович**

Филолог по образованию, много лет занимается литературным краеведением. Организатор школьного музея по истории литературной жизни Пермского края.

**Матвеев
Герман
Михайлович**

Председатель клуба «Пермский краевед», активный пропагандист краеведческих знаний.

**Назаровский
Борис
Никандрович
(1904—1972)**

Журналист. Больше тридцати лет работал в газетах «Омская правда», «Уральский рабочий», «Звезда». Около десяти лет был главным редактором Пермского книжного издательства.

**Николаев
Сергей
Федорович**

Член Союза журналистов СССР, географ по образованию. Много лет занимается составлением хронологической летописи Пермского края. Круг его краеведческих интересов — природа края и история его освоения.

**Перескоков
Лев
Валентинович**

Инженер одного из пермских НИИ. Как краевед занимается вопросами изучения и охраны памятников архитектуры края, устройством охранных зон в центре Перми, в частности в Разгулае.

**Реутов
Аркадий
Иванович
(1941—1990)**

Действительный член Географического общества СССР. В последние годы жизни активно занимался вопросами охраны памятников истории и культуры Перми, разработкой охранных зон в центре города.

**Семянников
Виктор
Владимирович**

Инженер Пермского отделения железной дороги. Много лет углубленно занимается поиском сведений о художниках — уроженцах Перми либо какое-то время работавших в нашем городе. Располагает большой справочной картотекой в этой области.

**Спешилова
Елена
Александровна**

Больше двадцати лет работала в Пермской областной библиотеке им. М. Горького. Дочь известного пермского писателя А. Н. Спешилова. Краевед с большим стажем. Занимается изучением истории застройки центра Перми. Располагает большим справочным аппаратом по истории отдельных зданий города, а также картотекой-персоналией замечательных деятелей Перми.

**Старовойтов
Александр
Федорович**

Директор Пермской областной библиотеки им. М. Горького.

**Торопов
Сергей
Афанасьевич
(1928—1990)**

Крупнейший краевед Перми. Много лет работал директором областной станции юных туристов. Автор целого ряда путеводителей по Уралу и Пермской области. Был председателем клуба «Пермский краевед» со времени его образования в 1982 году. Сборник «Старая Пермь» задуман им.

Содержание

<i>К читателям</i>	5
Откуда есть пошла...	7
Начиналось с Егошихи	8
ХРОНОГРАФ. 1723—1781	8
От Егошихи до Перми	15
В. Н. Назаровский. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГОРОДА	16
<i>Копилка краеведа. Л. С. Кашихин. Работорговля на камских берегах</i>	38
<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; display: inline-block; margin-right: 10px;">А. И. Реутов</div> . ЕГОШИХА И ПЕРВОГОРОД	44
«Пермь тиха, безмятежна...»	59
Пермь во времена Модераха	60
ХРОНОГРАФ. Из «Летописи губернского города Перми» Ф. А. Прядильщикова	61
КАРЛ ФЕДОРОВИЧ МОДЕРАХ (по Д. Д. Смышляеву)	61
<i>Публикуется впервые. Формулярный список пермского губернатора К. Ф. Модераха</i>	63
Из воспоминаний Ф. Ф. Вигеля о пребывании в Перми летом 1805 г.	65
<i>Копилка краеведа. С. Ф. Николаев. Кто в Каме ловился?</i>	68
Д. Д. Смышляев. ПОЖАР В ПЕРМИ 14 СЕНТЯБРЯ 1842 г. Из юношеских воспоминаний	70
<i>Копилка краеведа.</i>	77
Н. Д. Аленичкова. ПЕРВЫЕ УЛИЧНЫЕ ФОНАРИ	79
В. С. Верховланцев. ГОРОД ПЕРМЬ, ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. Главы из книги	81
<i>Копилка краеведа.</i>	82
<i>Копилка краеведа. Вспоминают старожилы</i>	94
Л. В. Перескоков. ДЕРЕВЯННАЯ ВЯЗЬ ПЕРМСКОЙ ИСТОРИИ	96
Д. А. Красноперов. ЗАСТАВА И БУЛЬВАР. По воспоминаниям русских писателей	104
<i>Копилка краеведа.</i>	106
Л. С. Кашихин. АДРЕС С ХРИЗОЛИТАМИ.	109

	<i>Копилка краеведа.</i> «Пермский хамелеон»	114
	В. С. Верхоланцев. ГОРОД ПЕРМЬ, ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ.	117
	<i>Копилка краеведа</i>	120
	Т. П. Злобина. МАРИИНКА. Из истории Пермской женской гимназии	122
	<i>Копилка краеведа.</i> О. М. Варфоломеева	126
	Н. Ф. Аверина. БЕЛЫЕ ПЯТНА ПЕРМСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ	128
	О. Г. Базилевич. «ГОРЬКОВКА»	137
	<i>Копилка краеведа.</i>	142
Пермь в именах и биографиях		145
*		
	Д. А. Красноперов. СЕМЬЯ ПАНАЕВЫХ	146
	Г. М. Матвеев. СКРИПИЧНЫХ ДЕЛ МАС-ТЕР	154
	Л. С. Кашихин, Л. В. Перескоков. АРХИТЕКТОР И АКТЕР А. Б. ТУРЧЕВИЧ-ГЛУМОВ	157
	<i>Копилка краеведа.</i> В. Ф. Гладышев. «Я молча узнавал России неповторимые черты»	168
	А. Ф. Коровин. Басня Андрея Залежского	173
	Е. А. Спешилова, В. В. Семяников. ХУДОЖНИК А. Н. ЗЕЛЕНИН	177
	<i>Копилка краеведа.</i>	184
Хранители времени		189
	С. А. Торопов ТРАДИЦИИ ПЕРМСКИХ КРАЕВЕДОВ	190
	В. Ф. Гладышев. ПАМЯТИ КРАЕВЕДА	196
	А. Ф. Старовойтов. ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА.	199
	ХРОНОГРАФ. Краеведческая жизнь. 1990—1992	203
<i>На книжную полку краеведа</i>		204
Приложения		207
	Центральные улицы города	208
	Губернский город Пермь (по П. Вологдину)	209
	Хронология городских учреждений	213
	Культовые постройки старой Перми	214

Пермские наместники	223
Губернаторы	223
Городские головы	224
<i>Об авторах этой книги</i>	225

Краеведческое издание

Пермский край

СТАРАЯ ПЕРМЬ

(1723—1917)

Краеведческий сборник

Фоторепродукции В. П. Ардашова,
А. А. Кирсанова, Л. В. Перескокова
Составитель Т. И. Быстрых
Редакторы С. Ф. Осипова, М. В. Лебедева
Художник Н. В. Оборин
Художественный редактор С. П. Можаяева
Технический редактор Г. А. Пантелеева
Корректор Г. А. Борсук

На вклейке: Фотографии Старой Перми — из личного архива В. П. Ардашова; фотографии к статье Л. С. Кашихина, Л. В. Перескокова «Архитектор и актер А. Б. Турчевич-Глумов — из личного архива Л. В. Перескокова; фоторепродукции к статье Е. А. Спешиловой, В. В. Семяникова «Художник А. Н. Зеленин» выполнены А. А. Кирсановым.

ИБ № 2101.

Сдано в набор 12.11.91. Подписано в печать 30.06.92. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,93. Усл. кр.-отт. 9,2. Тираж 2000 экз. Заказ № 672. С-28.
Издательство «Пермская книга», 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. МП «Книга», 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

П 26 Пермский край: Старая Пермь (1723—1917).
Краеведческий сборник / Сост. Т. И. Быстрых. —
Пермь: Пермская книга, 1992. — 227 с.

ISBN 5-7625-0279-1

Очередной выпуск краеведческого сборника «Пермский край» посвящен одной теме — старой Перми. Приурочен к 270-летию Перми.

П 4106000000—28
M152(03)—92 4—92

ББК 26.891

Интереснейшие, уникальные сведения
из жизни Старой Перми и Пермского края
можно получить, посетив

Пермский областной краеведческий музей.

Здесь вы встретитесь с подлинными
сокровищами из фондов музея,
познакомитесь с историей
и природными богатствами Прикамья,
побываете на выставках из других
регионов страны.

Жителей и гостей города Перми ждут:

Областной краеведческий музей —
Комсомольский просп., 6, тел. 34-24-56.

Выставочный зал музея —
ул. К. Маркса, 15, тел. 32-54-42.

Филиалы музея в Перми:

Дом-музей Н. Г. Славянова —
ул. 1905 года, 37, тел. 36-28-41.

Музей-диорама —
ул. Огородникова, 1, тел. 36-45-82.

Музей имеет филиалы в городах Добрянке,
Краснокамске, Осе, Чайковском.

В летнее время вас ждет
архитектурно-этнографический музей
деревянного зодчества в селе Хохловка.